

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

**МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО
И
МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ОРГАНИЗАЦИИ**

**INTERNATIONAL LAW
AND
INTERNATIONAL
ORGANIZATIONS**

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 06-04-2023

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Шинкарецкая Галина Георгиевна, доктор юридических наук,
g.shinkaretskaya@yandex.ru

ISSN: 2454-0633

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 06-04-2023

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Shinkaretskaya Galina Georgievna, doktor yuridicheskikh nauk,
g.shinkaretskaya@yandex.ru

ISSN: 2454-0633

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Нарутто Светлана Васильевна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993. г. Москва, ул. Садовая-Кудринская 9, svetanarutto@yandex.ru

Кравец Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории истории государства и права, конституционного права Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 630090, Новосибирская обл., г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, kravigor@gmail.com

Николайчук Ольга Алексеевна – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, профессор Департамента экономической теории, 125993, г. Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, д. 49, 18111959@mail.ru

Гомонов Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета, декан юридического факультета, 183052, г. Мурманск, просп. Кольский, 51, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Быков Илья Анатольевич – доктор политических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра связей с общественностью в политике и государственном управлении 199004, Россия, Санкт-Петербург область, г. Санкт-Петербург, ул. 1-я Линия, 26, оф. 509.

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133.

Алимов Кадыр Захидович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Национального университета Узбекистана им. М. Улугбека, главный редактор журнала «Узбекский журнал международного права», вице-президент Ассоциации юристов-международников Узбекистана (Узбекистан, 700174, г. Ташкент, ВУЗ городок)

Бальмон Луи — доктор права, профессор университета Ницца-София Антиполис (Франция, avenue Doyen Louis Trotabas, 06050 Nice, Франция)

Александр Белоглавец — профессор юридического факультета Пражского университета /Чехия/, арбитр Международного арбитражного суда Международной торговой палаты /Париж/, президент Всемирной ассоциации юристов /г. Вашингтон/ (Jana Zajice 32, CZ-17000, Praha-7, Czech Republic)

Буроменский Михаил Всеволодович — доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Академии правовых наук Украины, профессор кафедры международного права Национального юридического университета им. Ярослава Мудрого (Украина, 61024, г. Харьков, ул. Пушкинская, д. 77).

Голицын Владимир Владимирович — доктор юридических наук, профессор, судья

Международного трибунала по морскому праву, профессор кафедры международного права юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 /4-й учебный корпус/)

Даниленко Денис Васильевич — доктор права, Университет Экс-Марсель /Aix-Marseille Université, France/, главный редактор журнала «Международное право и международные организации» и журнала «Право и политика», исполнительный директор Академической издательской группы NOTA BENE - ООО "НБ-Медиа" (115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211)

Денисов Владимир Наумович — доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Академии правовых наук Украины, заслуженный деятель науки и техники Украины, заведующий отделом международного права и сравнительного правоведения Института государства и права им. В.М. Корецкого Национальной академии наук Украины (01601, м. Киев, ул. Трёхсвятительская, д. 4)

Исполинов Алексей Станиславович — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 /4-й учебный корпус/)

Камиллери Энрико — профессор юридического факультета Палермского университета /Италия/ (Italia, Università degli Studi di Palermo, Via Maqueda, 172)

Капустин Анатолий Яковлевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, первый заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, президент Ассоциации международного права (117218, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, д. 34)

Ковлер Анатолий Иванович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры судебной власти факультета права Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики", судья Европейского суда по правам человека от Российской Федерации /1999-2012/ (119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 /4-й учебный корпус/)

Саул Бен — доктор права, профессор, директор Сиднейского центра международного и глобального права (Room 635 Sydney Law School, Australia)

Стоун Петер Алан — профессор юридического факультета Эссекского университета /Великобритания/ (stonp@essex.ac.uk)

Толстомятенко Геннадий Петрович — доктор юридических наук, профессор, декан международно-правового факультета Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России (119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76)

Шинкарецкая Галина Георгиевна — доктор юридических наук, главный научный сотрудник, руководитель группы международно-правовых проблем в отношениях между странами-членами Содружества Независимых Государств Института государства и права Российской академии наук (119019, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10)

Штиблар Франьо — профессор юридического факультета Люблянского университета /Словения/, профессор Болонского университета /Италия/ (Emonska, 10, 1000, Ljubljana, Slovenia)

Юмашев Юрий Михайлович — доктор юридических наук, заведующий сектором правовых проблем международных экономических отношений Института государства и права Российской академии наук, профессор кафедры международного публичного и частного права факультета права Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" (119019, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10)

Кембаев Женис Мухтарович – доктор права, Университет КИМЭП, юридический факультет, профессор, Проспект Абая 2, г. Алматы 050010, Казахстан, kembayev@kimep.kz

Коробеев Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, Дальневосточный федеральный университет. 690992, г. Владивосток, пос. Аякс, кампус ДВФУ

Минникес Ирина Викторовна – доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Иркутского института (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции». 664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4. iaminnikes@yandex.ru

Беляева Галина Серафимовна – доктор юридических наук, профессор, Юго-Западный государственный университет кафедра теории и истории государства и права, 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85,

Пешкова Христина Вячеславовна – доктор юридических наук, доцент заведующая кафедрой гражданского, процессуального права, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, 394006, ул. 20-летия Октября, 95, Воронеж Peshkova1@yandex.ru

Брызгалин Аркадий Викторович - кандидат юридических наук, директор ЗАО «Центр «Налоги и финансовое право». 620027. Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Луначарского, 77.

Винницкий Данил Владимирович - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Уральской государственной юридической академии, член Президиума Международной ассоциации финансового права, Председатель Уральского отделения. 620137. Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21.

Гомонов Николай Дмитриевич - доктор юридических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», профессор кафедры юриспруденции, 183010, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, ул. Халтурина, 7, оф. 10, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Деметрадзе Марине Резоевна - доктор политических наук, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, главный научный сотрудник, институт мировых цивилизаций, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), профессор, 117292, Россия, г. Москва, ул. Нахимовский проспект дом 48 кв.96,

48, demetradze1959@mail.ru

Ерпылева Наталия Юрьевна - доктор юридических наук, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", руководитель департамента правового регулирования бизнеса факультета права, 109028, Россия, г. Москва, пер. Б. Трехсвятительский, 3, оф. 411а, natasha.erpyleva@rambler.ru

Кежутин Андрей Николаевич - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Приволжский исследовательский медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, 603005, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. М. Горького, 160, кв. 58, kezhutin@rambler.ru

Мезяев Александр Борисович - доктор юридических наук, Университет управления ТИСБИ, зав.кафедрой международного права, профессор, 420012, Россия, республика Татарстан, г. Казань, ул. Муштары, 13, оф. 248, alexmezyaev@gmail.com

Никитина Ирина Эдуардовна - доктор юридических наук, ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, главный научный сотрудник, 141080, Россия, Московская область, г. Королев, ул. Легостаева, 4, кв. 293, irinanikitina23@rambler.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628, Россия, г. Москва, ул. Знаменские сады, 1 корпус 1, кв. 12, rwmmos@rambler.ru

Рыжов Валерий Борисович - Doctor of Juridical Science (S. J. D. or J. S. D.), Московский институт юриспруденции, заведующий криминалистической лабораторией, 125057, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, 75, корп. 1 А, кв. 291, valeriy_ryzhov@mail.ru

Самович Юлия Владимировна - доктор юридических наук, Казанский филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия» (г. Казань), профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, 421001, Россия, республика Татарстан, г. Казань, ул. Чистопольская, 73, кв. 123, juliasamovich@gmail.com

Скаридов Александр Станиславович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова», Заведующий кафедрой международного и морского права, Общество с ограниченной ответственностью "Агентство морского права", Директор, 190121, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, пер. Калинин, 4, корп.1, оф. 1-Н, alexskar@oceanlaw.ru

Батурин Юрий Михайлович - доктор юридических наук, профессор МГУ им. М.И. Ломоносова, чл.-корр. РАН, директор Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (ИИЕТ РАН), 109012, РФ, Москва, Старопанский переулок, д. 1/5, ИИЕТ РАН

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса ИГП РАН, профессор кафедры УДПОП ЦКШУ Академии управления МВД России. 119019 Москва, ул. Знаменка, д.10, E-mail: rwmMos@rambler.ru

Чернядьева Наталья Алексеевна - доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия. chernyadnatalya@yandex.ru

COUNCIL OF EDITORS

Narutto Svetlana Vasilyevna – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MGUA), 125993. Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str. 9, svetanarutto@yandex.ru

Igor Kravets – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the History of State and Law, Constitutional Law Novosibirsk National Research State University, 630090, Novosibirsk Region, Novosibirsk, Pirogova str., 1, kravigor@gmail.com

Nikolaichuk Olga Alekseevna – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Economic Theory, 125993, Moscow, GSP-3, Leningradsky Prospekt, 49, 18111959@mail.ru

Nikolay Dmitrievich Gomonov – Doctor of Law, Professor, North-Western Institute (branch) Moscow University of Humanities and Economics, Dean of the Faculty of Law, 183052, Murmansk, ave. Kola, 51, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Ilya A. Bykov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State University, Department of Public Relations in Politics and Public Administration 199004, Russia, St. Petersburg region, St. Petersburg, 1st Line str., 26, office 509.

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133.

Alimov Kadyr Zahidovich — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Law of the National University of Uzbekistan named after M. Ulugbek, Editor-in-Chief of the journal "Uzbek Journal of International Law", Vice-President of the Association of International Lawyers of Uzbekistan (Uzbekistan, 700174, Tashkent, University town)

Balmont Louis — Doctor of Law, Professor at the University of Nice-Sofia Antipolis (France, avenue Doyen Louis Troabas, 06050 Nice, France)

Alexander Beloglavek — Professor of the Faculty of Law of Prague University /Czech Republic/, arbitrator of the International Arbitration Court of the International Chamber of Commerce /Paris/, President of the World Bar Association / Washington/ (Jana Zajice 32, CZ-17000, Praha-7, Czech Republic)

Buromensky Mikhail Vsevolodovich — Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the Academy of Legal Sciences of Ukraine, Professor of the Department of International Law of the National Law University. Yaroslav the Wise (Ukraine, 61024, Kharkiv, Pushkinskaya str., 77).

Golitsyn Vladimir Vladimirovich — Doctor of Law, Professor, Judge of the International Tribunal for the Law of the Sea, Professor of the Department of International Law of the Faculty of Law of the Lomonosov Moscow State University (119991, Moscow, Leninskie Gory, 1, p. 13 /4th Academic Building/)

Denis Vasilyevich Danilenko — Doctor of Law, University of Aix-Marseille /Aix-Marseille Universite, France/, Editor-in-chief of the journal "International Law and International Organization" and the journal "European Politics". President of the Association of Russian

Organizations" and the journal "Law and Politics", Executive Director of the Academic Publishing Group NOTA BENE - NB-Media LLC (115114, Moscow, Paveletskaya Embankment, building 6A, office 211)

Vladimir Naumovich Denisov — Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the Academy of Legal Sciences of Ukraine, Honored Worker of Science and Technology of Ukraine, Head of the Department of International Law and Comparative Jurisprudence of the V.M. Koretsky Institute of State and Law of the National Academy of Sciences of Ukraine (4, Trekhsvyatelska Str., Kyiv, 01601)

Alexey Stanislavovich Ispolinov — Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of International Law of the Faculty of Law of the Lomonosov Moscow State University (119991, Moscow, Leninskie Gory, 1, p. 13 /4th Academic Building/)

Camilleri Enrico — Professor of the Faculty of Law of the University of Palermo /Italy/ (Italia, Universita' degli Studi di Palermo, Via Maqueda, 172)

Anatoly Yakovlevich Kapustin — Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, First Deputy Director of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, President of the Association of International Law (34 Bolshaya Cheremushkinskaya Str., Moscow, 117218)

Kovler Anatoly Ivanovich — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Professor of the Department of Judicial Power of the Faculty of Law of the National Research University "Higher School of Economics", Judge of the European Court of Human Rights from the Russian Federation /1999-2012/ (119991, Moscow, Leninskie gory, d. 1, p. 13 /4th academic building/)

Saul Ben — Doctor of Law, Professor, Director of the Sydney Center for International and Global Law (Room 635 Sydney Law School, Australia)

Stone Peter Alan — Professor at the Faculty of Law of the University of Essex /UK/ (stonp@essex.ac.uk)

Tolstopyatenko Gennady Petrovich — Doctor of Law, Professor, Dean of the International Law Faculty of the Moscow State Institute of International Relations (University) The Ministry of Foreign Affairs of Russia (76 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454)

Galina Georgievna Shinkaretskaya — Doctor of Law, Chief Researcher, Head of the Group of International Legal Problems in Relations between the member Countries of the Commonwealth of Independent States of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (10 Znamenka str., Moscow, 119019)

Stiblar Franjo — Professor at the Faculty of Law of the University of Ljubljana /Slovenia/, Professor at the University of Bologna /Italy/ (Emonska, 10, 1000, Ljubljana, Slovenia)

Yuri Mikhailovich Yumashev — Doctor of Law, Head of the Sector of Legal Problems of International Economic Relations of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of International Public and Private Law of the Faculty of Law of the National Research University "Higher School of Economics" (10 Znamenka Str., Moscow, 119019)

Zhenis Mukhtarovich Kembayev – Doctor of Law, KIMEP University, Faculty of Law, Professor, Abaya Avenue 2, Almaty 050010, Kazakhstan, kembayev@kimep.kz

Korobeev Alexander Ivanovich, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University. 690992, Vladivostok, village Ajax, FEFU campus

Minnikes Irina Viktorovna – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice. 664011, Irkutsk, Nekrasova str. , 4. iaminnikes@yandex.ru

Belyaeva Galina Serafimovna – Doctor of Law, Professor, Southwest State University Department of Theory and History of State and Law, 85 Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russia,

Hristina V. Peshkova – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Procedural Law, Central Branch of the Russian State University of Justice, 95 20th Anniversary of October Str., Voronezh, 394006 Peshkova1@yandex.ru

Arkady Viktorovich Bryzgalin - Candidate of Law, Director of the Center for Taxes and Financial Law CJSC. 620027. Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, Lunacharsky str., 77.

Vinnitsky Danil Vladimirovich - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Financial Law of the Ural State Law Academy, member of the Presidium of the International Association of Financial Law, Chairman of the Ural Branch. 620137. Russia, Yekaterinburg, Komsomolskaya str., 21.

Nikolay Dmitrievich Gomonov - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Murmansk Arctic State University", Professor of the Department of Jurisprudence, 7 Khalturina str., office 10, Murmansk, Murmansk Region, 183010, Russia, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Demetradze Marina Rezoevna - Doctor of Political Sciences, D. S. Likhachev Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage, Chief Researcher, Institute of World Civilizations, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Professor, 48 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117292, Russia sq.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Natalia Yurievna Erpyleva - Doctor of Law, National Research University "Higher School of Economics", Head of the Department of Legal Regulation of Business, Faculty of Law, 109028, Russia, Moscow, B. Trekhsvyatitsky Lane, 3, office 411a, natasha.erpyleva@rambler.ru

Kezhutin Andrey Nikolaevich - Doctor of Historical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Volga Research Medical University" of the Ministry of Health of the Russian Federation, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Sciences, 603005, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, M. Gorky str., 160, sq. 58, kezhutin@rambler.ru

Mezyaev Alexander Borisovich - Doctor of Law, TISBI University of Management, Head of the Department of International Law, Professor, 420012, Russia, Republic of Tatarstan, Kazan, 13 Mushtari str., office 248, alexmezyaev@gmail.com

Nikitina Irina Eduardovna - Doctor of Law, FBU RFTSSE under the Ministry of Justice of Russia, Chief Researcher, 141080, Russia, Moscow region, Korolev, Legostaeva str., 4, sq. 293, irinanikitina23@rambler.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process, Federal State State Educational Institution of Higher Education "Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", Professor of the Department of Management of Public Order Units of the Center for Command and Control staff exercises, 117628, Russia, Moscow, Znamenskiye sadki str., 1 building 1, sq. 12, rwmms@rambler.ru

Ryzhov Valery Borisovich - Doctor of Judicial Science (S. J. D. or J. S. D.), Moscow Institute of Jurisprudence, Head of the Forensic Laboratory, 125057, Russia, Moscow, Leningradsky Prospekt, 75, building 1 A, sq. 291, valeriy_ryzhov@mail.ru

Yulia Vladimirovna Samovich - Doctor of Law, Kazan Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State University of Justice" (Kazan), Professor of the Department of State and Legal Disciplines, 421001, Russia, Republic of the Republic of Tatarstan, Kazan, 73 Chistopolskaya str., 123 sq., juliasamovich@gmail.com

Skaridov Alexander Stanislavovich - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Admiral S.O. Makarov State University of Maritime and River Fleet", Head of the Department of International and Maritime Law, Limited Liability Company "Agency of Maritime Law", Director, 190121, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, trans . Kalinkin, 4, building 1, of. 1-N, alexskar@oceanlaw.ru

Baturin Yuri Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of Lomonosov Moscow State University, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of the History of Natural Science and Technology named after S.I. Vavilov of the Russian Academy of Sciences (IIET RAS), 109012, RF, Moscow, Staropansky Lane, 1/5, IIET RAS

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Professor, leading researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the IGP RAS, Professor of the Department of UDPOP of the CCSHU Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 10 Znamenka str., Moscow, 119019, E-mail: rwmms@rambler.ru

Natalia A. Chernyadyeva - Doctor of Law, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Crimean Branch of the Russian State University of Justice. chernyadnatalya@yandex.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

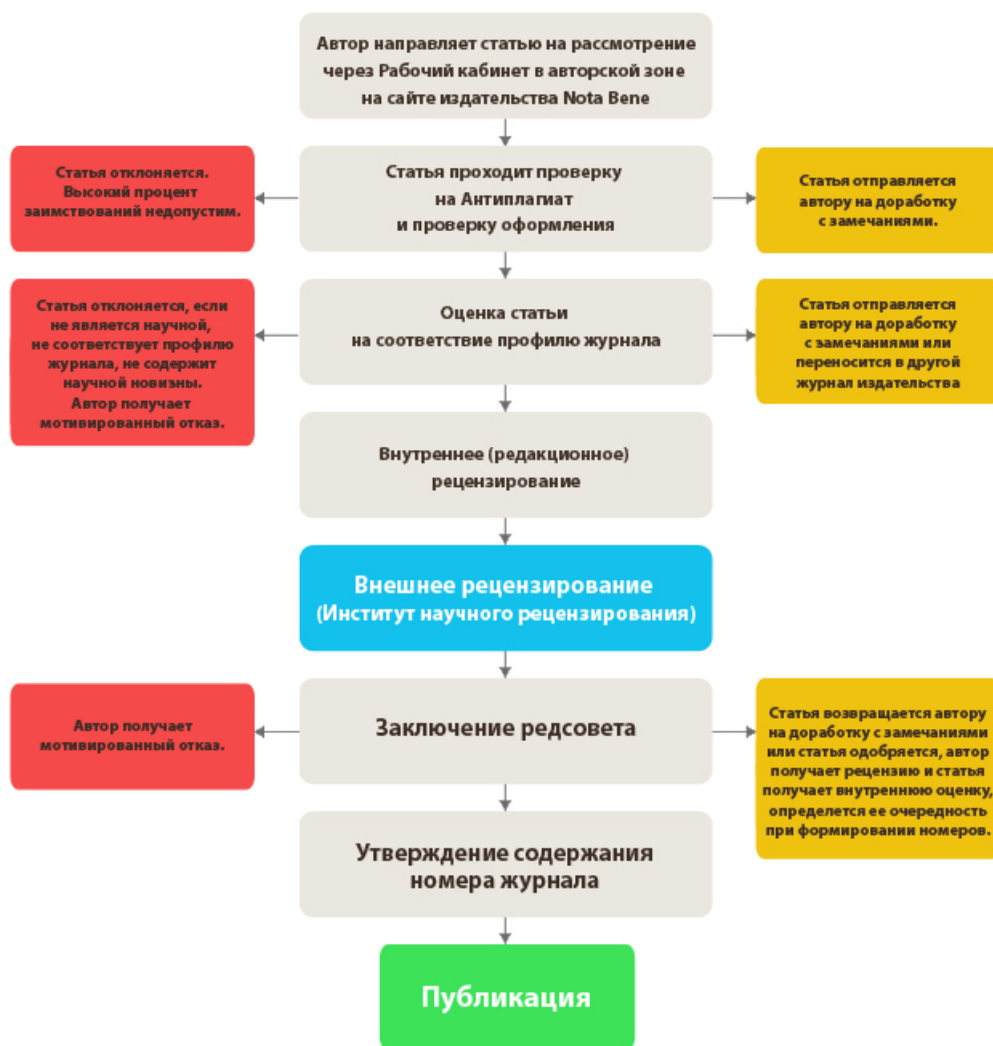
Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Хадыров Р.Ю. Политические, экономические аспекты и перспективы интеграционной политики Таджикистана	1
Лю К.А. Основные направления наднационального регулирования общественных отношений в цифровой сфере на современном этапе (на примере Европейского союза)	12
Гирис В.А. Правовой статус органов и учреждений Европейского Союза в области обеспечения кибербезопасности	26
Топорнин Н.Б. Правовые основы регулирования санкционных мер в Европейском Союзе	42
Шинкарецкая Г.Г. Цифровые доказательства в процессе Международного Суда	55
Редникова Т.В. Значение Конвенции CITES для охраны биологического разнообразия: полувековой опыт реализации положений	67
Дубень А.К. Международно-правовые основы информационной безопасности: итоги и новые вызовы	79
Сергеева А.А., Соколова Е.В., Питулько К.В. Квалификация Европейским Судом по правам человека унижающего достоинство обращения в учреждениях уголовно-исполнительной системы	88
Англоязычные метаданные	97

Contents

Khadyrov R.Y. Political, Economic Aspects and Prospects of Tajikistan's Integration Policy	1
Lyu K.A. The Main Directions of Supranational Regulation of Public Relations in the Digital Sphere at the Present Stage (on the Example of the European Union)	12
Giris V.A. Legal Status of European Union Bodies and Institutions in the Field of Cybersecurity	26
Topornin N.B. Legal Framework for the Regulation of Sanctions Measures in the European Union	42
Shinkaretskaya G.G. Digital Evidence in the Process of the International Court of Justice	55
Rednikova T.V. The Significance of CITES for Biodiversity Conservation: Semi-century Experience	67
Duben A.K. International Legal Basis of Information Security: Results and New Challenges	79
Sergeeva A.A., Sokolova E.V., Pitulko K.V. Qualification by the European Court of Human Rights of Degrading Treatments in Penitentiary Institutions	88
Metadata in english	97

Международное право и международные организации / International Law and International Organizations

Правильная ссылка на статью:

Хадыров Р.Ю. — Политические, экономические аспекты и перспективы интеграционной политики Таджикистана // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. – 2023. – № 1. DOI: 10.7256/2454-0633.2023.1.39865 EDN: IPJXTR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39865

Политические, экономические аспекты и перспективы интеграционной политики Таджикистана

Хадыров Равшан Юнусович

кандидат политических наук

аспирант, кафедра мировых политических процессов, МГИМО

115764, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Москва, 63, оф. Москва

✉ khadyrov.r.u@mail.ru

[Статья из рубрики "Теория"](#)

DOI:

10.7256/2454-0633.2023.1.39865

EDN:

IPJXTR

Дата направления статьи в редакцию:

24-02-2023

Дата публикации:

03-03-2023

Аннотация: Статья раскрывает дискуссионную тему анализа баланса политических, экономических издержек и выгод при выборе ответственного интеграционного решения о вхождении Таджикистана в Евразийский экономический союз. Рассматриваются официальные позиции правительства, экспертные суждения сторонников, скептиков и противников участия страны в экономическом союзе. Обосновывается аргументация о принятии руководством Таджикистана ответственного политического решения, обеспечивающего дальнейшую социально-экономическую модернизацию страны в составе Евразийского экономического союза. 29 мая 2014 года президенты России, Беларуси и Казахстана подписали договор о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС), 2 января 2015 года к ЕАЭС присоединилась Армения, 8 мая – Киргизстан. Казалось очевидным - в политических и экономических элитах Республики Таджикистан (далее по тексту - РТ) возобладает понимание долгосрочных экономических и политических выгод, их преобладание над краткосрочными рисками снижения таможенных и налоговых поступлений и страна станет следующим членом этого интеграционного союза. Однако руководство РТ не проявило инициативы по вхождению

в ЕАЭС. Уже 8 лет возможное членство РТ в ЕАЭС активно обсуждается в научно-экспертном сообществе, СМИ, однако правительственные структуры РТ фактически остановились в интеграционном движении, оправдывая это необходимостью более глубокого учета национальных интересов, детального расчета выгод и рисков при вступлении в экономический союз. Согласимся - анализ баланса политических и экономических выгод и издержек действительно необходим для принятия стратегических решений развития.

Ключевые слова:

Таджикистан, ЕАЭС, политические аспекты, экономические аспекты, интеграция, преимущества интеграции, риски интеграции, интеграционная лояльность, внешнеполитические решения, управленческие решения

Введение

29 мая 2014 года президенты России, Беларуси и Казахстана подписали договор о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС), 2 января 2015 года к ЕАЭС присоединилась Армения, 8 мая – Киргизстан. Казалось очевидным - в политических и экономических элитах Республики Таджикистан (далее по тексту - РТ) возобладает понимание долгосрочных экономических и политических выгод, их преобладание над краткосрочными рисками снижения таможенных и налоговых поступлений [\[13\]](#) и страна станет следующим членом этого интеграционного союза. Однако руководство РТ не проявило инициативы по вхождению в ЕАЭС. Уже 8 лет возможное членство РТ в ЕАЭС активно обсуждается в научно-экспертном сообществе, СМИ, однако правительственные структуры РТ фактически остановились в интеграционном движении, оправдывая это необходимостью более глубокого учета национальных интересов, детального расчета выгод и рисков при вступлении в экономический союз. Согласимся - анализ баланса политических и экономических выгод и издержек действительно необходим для принятия стратегических решений развития.

Целью данной статьи является рассмотрение политических, в меньшей степени - экономических аспектов интеграции РТ, их влияния на принятие властями внешнеполитических и управленческих решений по вступлению в ЕАЭС. Также вызывает интерес интеграционная лояльность, выражаемая на государственном уровне позициями руководства РТ, чиновников, академических кругов, бизнес-элит. Особенностью исследования является преобладающее обращение к экспертным источникам, так как корпус официальных заявлений, публикаций властей РТ и научных источников по данной интеграционной тематике весьма ограничен.

Основная часть

Контент-анализ текстов официальных заявлений, интервью, научных трудов и докладов, публикаций в СМИ дифференцировал позиции сторонников, скептиков и противников интеграции, по-разному трактующих политические, экономические предпосылки и барьеры интеграции, воздействие благоприятных и негативных факторов в формируемом экономическом пространстве. Многочисленная группа сторонников объединяет различные слои таджикского общества: это часть высших чиновников-силовиков, лидеры политических партий, ученые-политологи, правоведы, эксперты-экономисты, социологи, энергетики, бизнесмены-производственники, аграрии и большинство

населения страны. По данным Евразийского банка развития (ЕАБР) 2021 года 69% населения РТ - за вхождение в ЕАЭС, против - 4%^[8]. В группе скептиков – чиновники экономического блока правительства РТ, налоговой, таможенной служб, часть независимых политологов, экспертов-правоведов, представители мелкого и среднего бизнеса, связанного с приграничной торговлей. Немногочисленную, но активную группу противников интеграции образуют часть таджикистанской интеллигенции, экспертов, проживающих вне РТ, бизнес-элит, ориентированных на сотрудничество с западными, китайскими компаниями, активисты филиалов западных фондов, институтов, международных неправительственных организаций, базирующихся в РТ.

Различия в позициях однако не обнаруживают признаков политического раскола в обществе, не вызывают межведомственной или партийной полемики, острых публичных научных и общественных дискуссий, более того – по этой жизненно важной проблеме в информационном пространстве должной активности не наблюдается. Попробуем выявить и понять причины этого политического феномена, опираясь на суждения ученых и оценки экспертов этой непростой темы.

К 2022 году странами-членами союза являются Россия, Казахстан, Кыргызстан, Армения и Беларусь, статус стран-наблюдателей получили Молдавия (с 14.05.2018 года), Узбекистан и Куба (с 11.12.2020 года)^[7]. Особенностью союза является соблюдение принципов экономической интеграции без использования политико-идеологических механизмов и с уважением особенностей политического устройства государств-членов союза^[1]. В докладе экспертов ЕАБР констатируется: «Ни со стороны Таджикистана, ни со стороны стран ЕАЭС нет политической задачи вступления ради признания результата присоединения как такового»^[14, 4].

Экспертной группой Центрально-Азиатского экспертного клуба «Евразийское развитие» еще в 2014 году разработана «Дорожная карта» для подготовки к вступлению РТ в ЕАЭС, где обозначены стратегические подходы и приоритеты, обеспечивающие соблюдение баланса взаимных обязательств и ожиданий между членами ЕАЭС и РТ. В 2016 году проблемы интеграции были изучены специальной рабочей группой, направившей заключение на рассмотрение в правительство. В 2018 году правительство РФ предложило Таджикистану стать наблюдателем в ЕАЭС, однако обращений и действий по оформлению такого статуса со стороны РТ не последовало.

В июле 2019 года Центр стратегических исследований при президенте Таджикистана (ЦСИ) объявил о завершении разработки и передаче в рабочую группу при Минэкономразвития и торговли РТ нового расширенного документа, в котором отражены положительные и отрицательные аспекты членства страны в ЕАЭС в их актуальных миграционных, экономических, политических вопросах^[22]. Ведущий эксперт ЦСИ А. Рахнамо заявил, что выработана чётко выраженная позиция, проведён глубокий анализ каждого аспекта, «по которым руководство страны будет принимать решение на базе национальных интересов»^[6]. С этим 70-ти страничным документом уже четвертый год работает Межведомственная комиссия при правительстве, изучая возможности вступления в ЕАЭС на основе соблюдения национальных интересов, укрепления государственности, ускорения модернизации, обеспечения региональной безопасности.

Нужно отметить, что в концептуальных политических документах РТ после 2014 года проблематика интеграции с ЕАЭС практически исчезла. Так, в Концепции внешней политики РТ, определяющей внешнеполитические приоритеты и национальные интересы, участие РТ в экономических интеграционных объединениях не предусмотрено, а ЕАЭС в

качестве приоритетных международных организаций в документе не упомянут [\[2\]](#). Актуальными национальными интересами РТ в интерпретации Ш. Ризоёна являются: обеспечение национальной безопасности, политической независимости, территориальной целостности, укрепление демократичности и светскости государства, стабильного развития общества. РТ продолжает строить двусторонние отношения со странами-членами ЕАЭС и другими внешнеполитическими игроками, проводя многовекторную политику «открытых дверей», ориентируясь на сотрудничество с множеством внешних партнеров [\[17\]](#). Вот здесь весьма актуально предупреждение российского политолога Т.В. Бордачева - страны проводящие «многовекторную» политику, «рано или поздно становятся объектами ресурсной эксплуатации со стороны Запада или Китая» [\[5, 10\]](#).

Напротив, Ф. Салимов считает, что руководство РТ в интеграционной политике реализует «модель прагматичного подхода», руководствуясь национальными интересами и их приоритетной защитой, учитывая положительный и негативный интеграционный опыт [\[18\]](#). Действительно, неудачи прошлых интеграционных инициатив в Центральной Азии - Центрально-Азиатский Союз (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан), Центрально-Азиатское Экономическое Сообщество (Узбекистан, Киргизстан, Казахстан), Организация Центрально-Азиатского Сотрудничества (Казахстан, Киргизстан, Таджикистан, Узбекистан), переформатированная при участии России в Евразийское экономическое сообщество (в ЕврАзЭС РТ участвовала в 2011-2014 годы) дали повод руководству Таджикистана не торопиться в ЕАЭС.

Скептик интеграции А. Сатторзода предупреждает - проекты в рамках таких инициатив не являются в полной мере реализуемыми, поскольку эти проекты рассматриваются их инициаторами как геополитические инструменты [\[19, 17\]](#). В этом с ним солидарен и Ш. Ризоён: «Становится очевидным, что ЕАЭС в большей степени геополитическая структура и направлена на воссоздание еще более тесных связей между бывшими республиками Советского Союза, ограничение их суверенитета в пользу наднациональной структуры» [\[17, 207\]](#). Большинство экспертов и обозревателей пока не предвидят каких-либо кардинальных изменений во внешней политике РТ и сомневаются во вхождении в ЕАЭС даже в среднесрочной перспективе, а многие анкетированные компании РТ уклоняются от раскрытия своих позиций по этому вопросу [\[26\]](#). Например, экономический обозреватель Н. Сафаров не видит в членстве ЕАЭС необходимости - республика и так интегрирована со странами ЕАЭС в рамках СНГ и двусторонних соглашений. Кроме того, интересы крупных монополий, торгующих с КНР, будут препятствовать вхождению страны в ЕАЭС, хотя сама экономическая ситуация подталкивает таджикское правительство к вхождению в ЕАЭС [цит. по 12].

В 2020 году З. Завкизода, министр экономического развития и торговли РТ, объявил, что решение о вступлении в ЕАЭС не принято, неясно и время, когда будет объявлено о нем. Министр считает, что «Таджикистану не надо спешить со вступлением в ЕАЭС, в настоящее время правительство оценивает плюсы и минусы присоединения к ЕАЭС, решение о членстве республики в ЕАЭС будет принято после тщательного изучения и анализа, а на формирование модельной статистики об экономической деятельности организации могут уйти годы» [\[15\]](#). Попытку активировать позицию правительства 21 декабря 2022 года сделал посол России в РТ С.В. Григорьев в ходе Конференции о деятельности ЕАЭС, убеждая в возможности присоединения к ЕАЭС в качестве наблюдателя, что полностью соответствует национальным интересам РТ [\[24\]](#).

Президент РТ Э. Рахмон в своих публичных выступлениях вообще редко говорит о перспективах вступления в ЕАЭС, его официальная позиция по интеграции ограничивается формулировкой - Таджикистан изучает условия вступления в ЕАЭС. 23 декабря 2022 года в очередном послании к Маджлиси Оли президент Э. Рахмон, упоминая основные направления международного сотрудничества в рамках «сбалансированной» внешней политики, не счел нужным высказать парламенту и нации отношение правительства к Евразийскому интеграционному проекту ^[4]. Причину такого замалчивания и скептического отношения руководства страны к интеграции таджикистанский политолог Х.Х. Хуррамов находит в политической осторожности – власть не может позволить себе испортить отношения с Москвой, но и очень «дорожит своей многовекторной политикой, приносящей определенные финансово-экономические преференции» ^[25].

К.Х. Рахимов видит причины неспешности участия РТ в интеграционных проектах во влиянии Китая на правящие политико-экономические элиты. Для них - это сознательный выбор стратегии неторопливых решений и действий, нежелание публично аргументировать свое отрицающую позицию. Так проявляется влияние Китая на экономику и элиты РТ, ограничивающее выбор векторов геоэкономического и геополитического развития ^[16]. Ожидаемая синхронизация российских и китайских интеграционных проектов сделает вероятным сценарий вступления Таджикистана в ЕАЭС, хотя «Душанбе не будет форсировать этот процесс и займет выжидательную позицию с целью получения как можно больше преференций от России» ^[21]. Схожая оценка ситуации и у автора данной статьи, осознающего, что правящая элита РТ, крупные аффилированные с властью компании имеют плотные экономические связи с Китаем ^[10], но и полагающего, что соглашения и совместные усилия России, ЕАЭС и КНР по структурной модернизации экономики РТ дадут синергетический эффект в будущем.

Пока же многомиллионные, но точечные китайские инвестиции в выгодные КНР бизнес-проекты, не играют решительной роли в индустриальном и социально-экономическом развитии РТ. Объективный анализ факторов модернизации показывает, что ремитационный характер экономики и поставленные в Национальной стратегии развития до 2030 года (НСР-2030) сложные задачи реиндустриализации страны (обеспечение энергетической безопасности и эффективное использование электроэнергии, выход из коммуникационного тупика и превращение в транзитную страну, обеспечение продовольственной безопасности, расширение продуктивной занятости) ^[3] невозможно решить без вступления РТ в ЕАЭС:

В августе 2021 года Ш. Хахимов, один из лидеров оппозиционной Социал-демократической партии Таджикистана, так охарактеризовал ситуацию: «Все положительные и отрицательные моменты, связанные с вступлением Таджикистана в ЕАЭС, давно определены не только политическим руководством республики, но и правительством и экспертным сообществом страны». Причина затягивания - отсутствие политической воли, это решение абсолютно зависит от главы государства ^[23]. Вслед за ним председатель другой оппозиционной партии - Демократической партии Таджикистана С. Усмонзода также призвал президента Э. Рахмона содействовать присоединению РТ к ЕАЭС. Политик считает, что участие в Евразийском проекте положит конец проблемам пребывания мигрантов в России, откроет поток продукции из РТ на российские рынки, поможет быстро вернуть долги Китаю, который представляет угрозу для РТ ^[20].

Таким образом, в интеграционной политике РТ обнаруживается влияние политических

аспектов на экономику. Обратное влияние экономической аргументации на принятие политических решений можно проследить через экономические аспекты интеграционной политики.

В ноябре 2020 года ЕАБР опубликовал аналитический доклад, в котором прогнозировались экономические эффекты вступления РТ в ЕАЭС. Согласно оценкам ЕАБР ожидается рост денежных переводов и заработной платы мигрантов в среднем на 10–30%, что обеспечит в течение 5 лет после присоединения к ЕАЭС дополнительный приток денежных поступлений в страну в размере 1,3–1,5 млрд долл. Потенциальные минусы сводятся к возможному снижению оборотов торговли с третьими странами, рискам потери западных источников финансирования экономического развития и трудностям в процессе адаптации национальной правовой базы к требованиям экономического союза [27]. Большинство экспертов-сторонников интеграции указывают на краткосрочность рисков финансовых потерь для бюджета и на долгосрочные выгоды, при этом баланс выгод и издержек для РТ при вступлении в ЕАЭС будет положительным, а членство в союзе станет новым импульсом социально-экономической модернизации, благотворно повлияет на политическую стабильность в стране и регионе.

Само существование ЕАЭС является надежной гарантией отсутствия геостратегических противоречий между Россией и Китаем в Центральной Евразии. А важнейшая долгосрочная цель развития ЕАЭС — укрепление национального суверенитета стран-участниц через их совместные ответы на общие вызовы внутри и вовне [5, 11]. Несомненно, для РТ интерес представляет масштабный общий рынок ЕАЭС, особенно рынок труда для мигрантов, которые своими переводами поддерживают экономическую и политическую стабильность страны. Оформление внешней таможенной границы ЕАЭС в РТ также снимет острую проблему приграничных споров с Киргизстаном и будет способствовать развитию экспорта собственной продукции предприятий РТ: электроэнергии, алюминиевого литья, трикотажной, хлопковой, шелковой пряжи, шлифованных поделочных и ювелирных камней, винной продукции, фруктов и овощей. Можно согласиться с утверждением Г.М. Майтдиновой, что интеграция могла бы способствовать формированию гигантской евразийской экономической зоны, связывающей страны ЕАЭС и ШОС, что уже сейчас требует внесения корректировки в НСР-2030 с учетом переформатирования мирового порядка и формирования новой экономической системы [9, 15].

Все эти доводы руководству РТ известны и учитываются при подготовке к принятию решения по интеграционной судьбе республики. Однако, им понятна и аргументация скептиков и противников интеграции. Обобщим и объединим эти аргументы в массив экспертных суждений и оценок негативных прогнозов и последствий интеграцией РТ в ЕАЭС.

Первая группа аргументов объединяет негативные оценки состояния ЕАЭС как экономического института. Утверждается, что смысл Евразийской экономической интеграции, ее результаты непонятны большинству населения и элит стран-участниц. ЕАЭС для них – это геополитическая структура, направленная на воссоздание влияния России на бывшие республики СССР и ограничивающая их суверенитет введением наднациональных структур управления экономического союза. Это приведет к сужению пространства политических возможностей РТ по реализации многовекторной внешней политики, к еще большей политической и экономической зависимости от России. Эта ситуация усугубляется неопределенностью геополитической конъюнктуры, резким обострением взаимоотношений России и Запада и проблемами внутри ЕАЭС.

Эти проблемы выражаются в организационной слабости, формальном характере созданных институтов ЕАЭС, в отсутствии постоянно работающих межправительственных институтов. Исполнительные органы власти стран-членов, институты ЕАЭС сами часто создают друг другу двусторонние политические и экономические проблемы, не исполняют в полном объеме свои обязательства. Не завершено формирование наднациональных институтов и структур (например, межпарламентская ассамблея, исполнительный аппарат) самого ЕАЭС, призванных направлять, контролировать и регулировать общий интеграционный процесс. Сотрудничество стран в рамках ЕАЭС не привело к прочным и взаимовыгодным интеграционным связям, взаимной поддержке в условиях санкционного давления, что продемонстрировали отношения России и Казахстана, России и Киргизстана, России и Армении.

Вторая группа аргументов объединяет отношение властей и элит к обязанностям, налагаемым членством в ЕАЭС. Политизация мировой экономики, дискуссия внутри союза об угрозе антироссийских и вторичных санкций, российских контрмер, их негативных эффектов для стран, входящих в ЕАЭС расшатывают и так нестойкие принципы взаимодействия, ответственности за соблюдение интеграционных соглашений, взаимных обязательств. Это усугубляется отсутствием должного уровня политического консенсуса среди элит стран-членов ЕАЭС, необходимостью официальной реакции властей на международные конфликты, в которые вынужденно вовлечены какие-либо страны-члены ЕАЭС.

Третья группа аргументов связана уже с оценкой финансово-экономических рисков бизнеса, граждан и потерь поступлений в бюджет РТ. Приведем некоторые из них. Смещение таможенной границы ЕАЭС до границ Таджикистана вызовет повышение цен на местных рынках из-за введения высоких таможенных пошлин на товары, производимые в ЕАЭС. Единые таможенные правила вызовут подорожание товаров из КНР, что скажется на ухудшении уровня жизни бедных слоев населения. РТ будет вынуждена открыть свой рынок для товаров членов ЕАЭС, которые вытеснят с рынка неконкурентоспособную продукцию местных мелких и средних предприятий, не востребованную и на рынках других стран ЕАЭС. Резко сократятся сборы пошлин и налогов в бюджет, которые составляют 35-40% бюджетных поступлений, а квалифицированные кадры, молодежь при послаблении миграционных требований массово покинут страну.

Подобные опасения, страхи, угрозы, так или иначе, учитывались и руководством, элитами Киргизстана перед принятием решения о членстве в ЕАЭС, но в отличие от РТ это важное решение было принято достаточно оперативно. Во многом здесь положительно сыграла дипломатия России и других стран-членов ЕАЭС. Сегодня результаты интеграционной дипломатии не достаточно позитивны - страны ЕАЭС прямо не поддерживали Россию в санкционном противостоянии с Евросоюзом и США. Да и внешнеполитический фон для решения интеграционного вопроса о вступлении РТ в ЕАЭС благоприятным назвать трудно.

И все же, в отличие от Казахстана, Армении, политические элиты РТ не пытаются дистанцироваться от России, руководство РТ выражает нейтральную позицию по поводу событий на Украине. При этом РТ не признало Крым российским, независимость ДНР и ЛНР, затем вхождение новых регионов в Российскую Федерацию, однако воздерживается при голосовании в ООН по резолюциям, осуждающим ввод российских войск. В стране не было протестных акций против действий России, как и акций в поддержку операции. Руководство страны отказалось от публичных оценок, а дискуссии

на эту тему не выносятся в официальное поле [11]. Политическая позиция РТ демонстрирует, что страна верит в Россию, является не только ее стратегическим партнером, но и союзником в этой сложной ситуации, что дает определенную уверенность в благоприятном исходе столь длительного интеграционного процесса.

Заключение

ЕАЭС доказал свою жизнеспособность, находясь под западными санкциями (Россия, Беларусь), пройдя тяжелое испытание экономик пандемией COVID-19. Сегодня численность населения союза составляет 191,3 млн человек, суммарный ВВП – 2063,1 трлн долларов. Возможное вступление в союз Таджикистана и стран-наблюдателей (Узбекистана, Молдовы и Кубы) увеличит численность населения ЕАЭС на 63,6 млн человек, ВВП союза - на 200 млрд долларов (в данных статистики 2022 года). Это будущее одного из политических и экономических столпов нового мироустройства и безопасности в Европе и Центральной Азии, это – стимул для принятия ответственного решения руководства РТ за судьбу страны.

Пока сценарные прогнозы ЕАБР, предполагавшие вступление РТ в ЕАЭС в 2022 году [27, 53] оказались нереалистичными, президент Э. Рахмон еще не принял ответственного политического решения. Очевидные преимущества вхождения РТ в ЕАЭС не подталкивают правящие элиты к ускорению евразийской интеграции, они занимают выжидательную позицию для последующего торга по преференциям от России и других членов союза. Экспертные сообщества РТ, стран ЕАЭС высказывают осторожные прогнозы о сроках принятия интеграционного решения президента Э. Рахмона – оно может быть принято перед началом или в ходе процедуры транзита власти в 2027 году. Будем верить.

Библиография

1. Договор о Евразийском экономическом союзе : офиц. текст в ред. на 24.03.2022 г. : Минэкономразвития России [Сайт]. Режим доступа:- https://www.economy.gov.ru/material/file/2bbbbb9ae33443d533d855bf2225707e/Dogov_or_ees.pdf. (дата обращения : 11.01.2023).;
2. Концепция внешней политики Республики Таджикистан. Утверждена Указом Президента РТ от 27 января 2015 года, № 332 : офиц. текст. МИД РТ [Сайт]. Режим доступа:-<https://www.mfa.tj/ru/main/view/988/kontseptsiya-vneshnei-politiki-respubliki-tadzhikistan>. (дата обращения : 16.01.2023).;
3. Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года. Утверждена постановлением МНМО РТ от 1.12.2016 №636. – Душанбе : Дониш, 2016.-102 с.
4. Об основных направлениях внутренней и внешней политики республики : послание президента Республики Таджикистан Э. Рахмона : офиц. текст. / ИА Ховар, 23. 12. 2022. [Сайт]. Режим доступа:-<https://khovar.tj/rus/2022/12/poslanie-prezidenta-respubliki-tadzhikistan-uvazhaemogo-emomali-rahmona-ob-osnovnyh-napravleniyah-vnutrennej-i-vneshnej-politiki-respubliki/>. (дата обращения : 19.01.2023).;
5. В поисках новой архитектуры многополярности: международное сотрудничество ЕАЭС : докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. / Ю. А. Белоус, Т. В. Бордачев, М. К. Глазатова и др. ; под научн. ред. Т. А. Мешковой . — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. — 132 с.
6. Власти Таджикистана изучают плюсы и минусы возможного вступления в ЕАЭС.

- Руководство республики будет принимать решение на базе национальных интересов. 26.07. 2019. [Сайт]. Режим доступа:-<https://tass.ru/ekonomika/6704651>. (дата обращения : 22.01.2023).;
7. Евразийская экономическая комиссия ЕАЭС. [Сайт]. Режим доступа:-
https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/o-statuse-gosudarstva-nablyudatelya.php. (дата обращения : 22.01.2023).;
 8. Интеграционный бизнес-барометр ЕАБР : доклад 22/1. / Е. Чимирис, А. Алмакаева, А. Немировская, Н. Соболева, В. Перебоев // Центр интеграционных исследований ЕАБР.-М. : Евразийский банк развития, 2022. – 64 с.
 9. Майтдинова Г. М. Таджикистан в геополитических трендах в начале третьего десятилетия XXI в // Постсоветские исследования, 2021.-Т.4.-№ 1. – С. 9-16.
 10. Мамий С. Вступит ли Таджикистан в ЕАЭС? : интервью Р. Хадырова ИА Eurasia Daily // ИА EADaily, 20.05.2021. [Сайт]. Режим доступа:-
<https://easily.com/ru/news/2021/05/20/vstupit-li-tadzhikistan-v-eaes>. (дата обращения : 22.01.2023).;
 11. Махмутова Е. Есть ли у Таджикистана выбор в условиях санкций против России? // Российский совет по международным делам, 11.08. 2022. [Сайт]. Режим доступа:-
<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/est-li-u-tadzhikistana-vybor-v-usloviyakh-sanktsiy-protiv-rossii/>. (дата обращения : 24.01.2023).;
 12. Муллоджанов П. Таджикистану придётся решить – пойдёт он в ЕАЭС или нет // ИА Asiaplustj, 2021. [Сайт]. Режим доступа:-
<https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/politics/20210204/tadzhikistanu-pridyotsya-reshit-poidyot-on-v-eaes-ili-net>. (дата обращения : 24.01.2023).;
 13. Оценка экономического эффекта присоединения Таджикистана к ТС и ЕЭП : аналитический доклад // Центр интеграционных исследований дирекции по аналитической работе ЕАБР.-М. : ЕАБР, 2020. –С. 64.
 14. Потенциальные выгоды и издержки от вступления Таджикистана в ЕАЭС : аналитический доклад / Д. А. Коршунов, А. Р. Петросьян // Центр интеграционных исследований дирекции по аналитической работе ЕАБР. – М. : ЕАБР, 2019. – 24 с.
 15. Пресс-конференция министра экономического развития и торговли РТ З. Завкизода // МИА Спутник Таджикистан, 03.08.2020. [Сайт]. Режим доступа:-/
<https://tj.sputniknews.ru/20200803/ocenit-plyusy-minusy-otvet-minekonomrazvitiya-vstuplenie-tajikistan-eaeu-1031675902.html>. (дата обращения : 30.01.2023).;
 16. Рахимов К. Х. Перспективы интеграции Таджикистана в ЕАЭС / Евразийский юридический портал. [Сайт]. Режим доступа:-
https://www.eurasialegal.info/index.php?option=com_content&view=article&id=5070:2016-07-26-05-59-00&catid=1:eurasianintegration&Itemid=1. (дата обращения : 01.02.2023).;
 17. Ризоён Ш. Национальные интересы во внешней политике Республики Таджикистан : монография / Ш.Ш. Ризоён.-Душанбе : Дониш, 2020. – 320 с.
 18. Салимов Ф. Анализ участия и политики Таджикистана в международных организациях // Институт по освещению войны и мира (IWPR), ИА Cabar.Asia, 20.07.2020. [Сайт]. Режим доступа:-<https://cabar.asia/ru/analiz-uchastiya-i-politiki-tadzhikistana-v-mezhdunarodnyh-organizatsiyah>. (дата обращения : 02.02.2023).;
 19. Сатторзода А. Многовекторная политика и его перспективы // Приоритетные направления и перспективы многовекторной политики Республики Таджикистан в современных условиях: материалы республиканской научно-практической

- конференции 11.12. 2019 (на тадж. яз.).-Душанбе: ТНУ, 2019.-С. 17.
20. Сулаймони И., Джумъев М. Усмонзода: Присоединение Таджикистана к ЕАЭС необходимо для безопасности, а польза и вред второстепенны : интервью С. Усмонзода // ИА Asia-Plus, 28.12.2021. [Сайт]. Режим доступа:-
<https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/politics/20211228/usmonzoda-prisoedinenie-tadzhikistana-k-eaes-neobhodimo-dlya-bezopasnosti-a-polza-i-vred-vtorostepenni>. (дата обращения : 04.02.2023).;
21. Султанов К. Плюсы и минусы ЕАЭС: Вступит ли Таджикистан в этот союз? : интервью К. Рахимова / ИА Взгляд, 07.05. 2019. [Сайт]. Режим доступа:-
<https://vzglyad.az/news/136411/Плюсы-и-минусы-ЕАЭС--Вступит-ли-Таджикистан-в-этот-союз--ИНТЕРВЬЮ.html>. (дата обращения : 06.02.2023).;
22. Супер Е. Таджикистан стал ближе к вступлению в ЕАЭС. При принятии решения правительство будет учитывать национальные интересы. [Сайт]. Режим доступа:-
<https://www.sonar2050.org/publications/tadzhikistan-stal-blije-k-vstupleniyu-v-eaes/>. (дата обращения : 28.01.2023).;
23. Таджикистан – ЕАЭС: кто кому больше нужен : интервью Ш. Хакимова // ИА Авеста, 18.08. 2021. [Сайт]. Режим доступа:-<https://avesta.tj/2021/08/18/tadzhikistan-eaes-kto-komu-bolshe-nuzhen/>. (дата обращения : 22.01.2023).;
24. Таджикистан может присоединиться к ЕАЭС как наблюдатель // МИА Спутник Таджикистан. [Сайт]. Режим доступа:-
https://tj.sputniknews.ru/20221221/tadzhikistan-nabludatel-eaeu-1053680956.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D. (дата обращения : 06.02.2023).;
25. Хуррамов Х.Х. Таджикистан – ЕАЭС: ожидания и опасения // Аналитический портал CABAR.asia, 28.03.2018. [Сайт]. Режим доступа:-<https://cabar.asia/ru/hursand-hurramov-tadzhikistan-eaes-ozhidaniya-i-opaseniya>. (дата обращения : 13.01.2023).;
26. Чоршанбиев П., Фатуллоев Ф. Нужно ли Таджикистану идти в ЕАЭС? Бизнес в растерянности. // Asia-Plus, 25.02. 2022. [Сайт]. Режим доступа:-
<https://asiaplustj.info/news/tajikistan/politics/20220225/nuzhno-li-tadzhikistanu-idti-v-eaes-biznes-v-rasteryannosti>. (дата обращения : 22.01.2023).;
27. Экономические эффекты вступления Таджикистана в Евразийский Экономический Союз : аналитический доклад ноябрь 2020 // Центр интеграционных исследований дирекции по аналитической работе ЕАБР. – М. : ЕАБР, 2020.-64 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования являются проблемы и перспективы интеграционной политики Таджикистана на примере процесса интеграции в Евразийский экономический союза (ЕАЭС). Учитывая сложность интеграционных процессов на евразийском пространстве, а также проблемы, порождаемые центробежными устремлениями некоторых постсоветских стран, теоретическую актуальность статьи трудно переоценить. Весьма позитивные перспективы вступления Таджикистана в ЕАЭС придают рецензируемой работе дополнительную практическую значимость. В качестве использованной в процессе исследования методологической базы автор декларировал контент-анализ текстов официальных заявлений, интервью, публикаций в СМИ и т. д., а также экспертных заключений. Дополнительно использовались общенаучные

аналитические методы, а также институциональный и исторический. Корректное применение указанного методологического инструментария позволило автору получить результаты, обладающие признаками научной новизны. Прежде всего, речь идёт об эксплицированных политических факторах затягивания правительством Таджикистана экономического решения о вступлении в ЕАЭС. Интересен также анализ роли Китая в исследуемых интеграционных процессах на евразийском пространстве. Любопытен также анализ причин опасений элит Таджикистана относительно будущих рисков вступления в ЕАЭС. Наконец, определённый интерес представляет достаточно оптимистичная оценка автором перспектив указанного союза в противостоянии геополитическому давлению со стороны стран Запада. В структурном плане работа производит положительное впечатление: её логика последовательна и отражает основные аспекты проведённого исследования. Хотя авторское решение по рубрикации нельзя признать удачным: совершенно непонятно, зачем помимо традиционных разделов «Введение» и «Заключение» выделять раздел «Основная часть»; гораздо лучше было бы основной содержательный раздел разбить на несколько тематических блоков, каждый из которых посвящать конкретному аспекту исследования. В стилистическом плане рецензируемую статью можно квалифицировать в качестве научной работы. В тексте встречается незначительное количество стилистических (например, название статьи «Политические, экономические аспекты и перспективы интеграционной политики Таджикистана» гораздо шире реальной проблематики, которой посвящено проведённое исследование; впредь автору рекомендуется либо подбирать более адекватное название, либо уточнять в заголовке тот аспект проблемы, которому посвящена работа (например, через двоеточие: «на примере процесса интеграции Таджикистана в Евразийский экономический союз»)) и грамматических (например, отсутствие запятой перед соединительным союзом «и» в сложносочинённом предложении: «...Возоблаждает понимание долгосрочных экономических и политических выгод... и страна станет следующим членом...»; или) погрешностей, однако в целом текст написан достаточно грамотно, на хорошем научном языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 27 наименований и в достаточной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи, хотя и могла бы быть существенно усилена за счёт использования источников на иностранных языках. Апелляция к оппонентам имеет место при обсуждении перспектив вступления Таджикистана в Евразийский экономический союз.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, соответствующей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут представлять интерес для политологов, политических социологов, специалистов в области государственного управления, мировой политики и международных отношений, а также для студентов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Международное право и международные организации / International Law and International Organizations». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.

Международное право и международные организации / International Law and International Organizations

Правильная ссылка на статью:

Лю К.А. — Основные направления наднационального регулирования общественных отношений в цифровой сфере на современном этапе (на примере Европейского союза) // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. – 2023. – № 1. DOI: 10.7256/2454-0633.2023.1.39923 EDN: CVWCTO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39923

Основные направления наднационального регулирования общественных отношений в цифровой сфере на современном этапе (на примере Европейского союза)

Лю Кирилл Алексеевич

аспирант, кафедра Европейского права Международно-правового факультета, Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации

119454, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 76

✉ kirill.lu.0322@gmail.com

[Статья из рубрики "Интеграционное право и наднациональные объединения"](#)

DOI:

10.7256/2454-0633.2023.1.39923

EDN:

CVWCTO

Дата направления статьи в редакцию:

08-03-2023

Дата публикации:

17-03-2023

Аннотация: Предметом исследования в настоящей статье выступили особенности наднационального правового регулирования общественных отношений, возникающих в цифровой сфере. При этом в качестве непосредственного предмета для анализа был выбран опыт Европейского союза (как наиболее продвинутого интеграционного объединения) в соответствующей сфере. Объектом исследования стали общественные отношения, складывающиеся в цифровой сфере на современном этапе. В настоящей статье предпринимается попытка систематизировать все существующие в настоящее время на уровне ЕС направления наднационального регулирования общественных отношений в цифровой сфере. Соответствующая систематизация может быть полезной как с точки зрения дальнейшего теоретического осмысления наднационального регулирования на современном этапе, так и с точки зрения использования опыта ЕС для гармонизации регулирования цифрового пространства в рамках ЕАЭС. Несмотря на то что по отдельности практически все направления наднационального регулирования

становились предметом исследований, их совокупное, системное действие не подвергалось анализу. Это и предопределяет научную новизну настоящего исследования. Кроме того, научная новизна статьи проявляется и в том, что автор вовлекает в научный оборот наиболее актуальные направления наднационального правового регулирования общественных отношений, возникающих в цифровой сфере (в частности, речь здесь идет о наднациональном регулировании искусственного интеллекта и криптоактивов). В настоящей статье на основе анализа опыта ЕС сделан общий вывод о том, что наднациональное регулирование общественных отношений в цифровой сфере сегодня существенно расширилось (и продолжает расширяться) за счет включения в свой состав принципиально новых сфер общественной жизни, возникших в связи с развитием информационно-коммуникационных технологий. Кроме того, в статье была проведена подробная систематизация и классификация ключевых направлений наднационального регулирования общественных отношений, возникающих в цифровой сфере.

Ключевые слова:

персональные данные, защита авторских прав, цифровые услуги, антимонопольные требования, компании-привратники, цифровые публичные закупки, облачная инфраструктура, кибертерроризм, искусственный интеллект, криптоактивы

Введение

Актуальность выбранной для исследования темы. Вызовы современной цифровой эпохи порождают потребность в формировании специфического регулирования не только на национальном, но и на наднациональном уровне. В целом, круг вызовов для наднационального регулирования, связанных с широкомасштабной цифровизацией общественной жизни, настолько широк, что сегодня все чаще решение соответствующих проблем обеспечивается не по отдельности, а комплексно – в рамках правового регулирования цифрового пространства в целом. Однако, подобное комплексное регулирование представляет собой совокупность ряда направлений, находящихся в тесной связи друг с другом, но, тем не менее, обладающие собственными отличительными характеристиками в рамках системы наднационального регулирования цифрового пространства в целом. Именно исследованию подобных отдельных направлений регулирования как составных элементов общего наднационального регулирования общественных отношений в цифровой сфере и посвящена настоящая статья.

Обзор литературы. В современной правовой литературе практически отсутствуют исследования, посвященные анализу наднационального регулирования общественных отношений в цифровой сфере в целом. Преимущественно исследователи концентрируют свое внимание лишь на отдельных направлениях такого регулирования.

В частности, с увеличением роли информационно-коммуникационных технологий по-новому начали звучать проблемы обеспечения безопасности соответствующей инфраструктуры [\[1\]](#), предоставления доступа к созданию и развитию ИКТ иностранным юридическим лицам [\[2\]](#), актуализировалась дискуссия о создании специальных антимонопольных требований, подлежащих применению в цифровой сфере [\[3\]](#). Также углубилась степень изученности проблемы создания эффективного правового регулирования обращения персональных (и неперсональных) данных в сетевом

пространстве, защиты этих данных, их хранения и удаления (в т.ч. в рамках систем искусственного интеллекта) [\[4, 5\]](#). Дополнительные сложности возникли и в контексте нерешенных проблем с защитой интеллектуальной собственности и авторских прав в сети Интернет [\[6, 7, 8\]](#). Возросла и значимость исследования особенностей формирования современной правовой базы в сфере кибербезопасности, безопасности цифровой инфраструктуры и защиты от кибертерроризма [\[9, 10\]](#). Дополнительную актуальность получили проблемы правового противодействия распространению ложной и не соответствующей действительности информации в сети Интернет [\[11, 12\]](#). Тесно с особенностями правового регулирования цифрового пространства начали связываться вопросы защиты окружающей среды [\[13\]](#) (прежде всего, в контексте требований о климатической нейтральности и энергоэффективности объектов цифровой инфраструктуры).

Тем не менее, систематизация теоретических знаний в соответствующей сфере до сих пор не проведена, что предопределяет недостаточную степень научной разработанности выбранной для исследования темы.

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы на примере наднационального регулирования общественных отношений в цифровой сфере, сложившегося к настоящему моменту в рамках Европейского союза (далее также – ЕС), выявить ключевые направления наднационального регулирования цифрового пространства в целом, тем самым постаравшись системным образом описать соответствующее направление наднациональной интеграции на современном этапе.

Методы исследования представлены как общенаучными методами (метод диалектической логики, анализ, синтез, индуктивно-дедуктивный метод, системный метод), так и специальными научными методами (сравнительно-правовой анализа, историко-правовой анализ, формально-юридический метод и др.).

Научная новизна настоящей статьи предопределена тем, что в ней разрабатывается авторский подход к классификации основных направлений наднационального регулирования общественных отношений в цифровой сфере на современном этапе (с выделением наиболее актуальных и перспективных направлений подобного регулирования). При этом соответствующая классификация выступает в качестве основы для системного теоретического описания наднационального регулирования общественных отношений в цифровой сфере в целом.

Гипотеза исследования состоит в том, что в настоящее время наднациональное регулирование общественных отношений в цифровой сфере существенно расширилось (и продолжает расширяться) за счет включения в свой состав принципиально новых сфер общественной жизни, возникших в связи с развитием информационно-коммуникационных технологий. В частности, к подобным новым сферам может быть отнесено наднациональное регулирование единого рынка цифровых услуг и наднациональные антимонопольные требования на цифровых рынках, которые были внедрены на уровне ЕС с принятием Регламента о едином рынке цифровых услуг [\[14\]](#) (далее также – DSA) и Регламента о конкурентных и справедливых рынках в цифровом секторе [\[15\]](#) (далее также – DMA). Кроме того, текущие инициативы Еврокомиссии свидетельствуют о наличии намерений ЕС расширить наднациональное регулирование также на сферу искусственного интеллекта [\[16\]](#) (далее также – ИИ) и криптоактивов [\[17\]](#).

Основная часть

Направления наднационального регулирования общественных отношений в цифровой сфере весьма разнообразны, что обусловлено проникновением цифровых технологий во все сферы современной общественной жизни. Наиболее явно отмеченная особенность сегодня проявляется на уровне наднационального регулирования общественных отношений в цифровой сфере, которое сегодня существует (и разрабатывается) в рамках Европейского союза. Так, на уровне ЕС сегодня предпринимаются попытки сформировать комплексное наднациональное регулирование, которое бы полностью охватывало следующие основные сферы:

1. *Наднациональное регулирование порядка обращения персональных данных* в рамках единого цифрового пространства на уровне ЕС сегодня регулируется Общим регламентом о защите персональных данных [\[18\]](#), в соответствии с которым установлены коммунитарные правила, обеспечивающие формирование унифицированного режима сбора, хранения и использования персональных данных на всей территории Европейского союза. Кроме того, данным регламентом также закрепляются правовой режим трансграничной передачи персональных данных и выводы персональных данных за пределы цифрового пространства ЕС. Также в Регламенте находят свое отражение право пользователей сети Интернет на псевдоним, право на забвение в сети Интернет. Регламентом устанавливается и наличие специальных должностных лиц, уполномоченных обеспечивать защиту персональных данных [\[19\]](#).

2. *Наднациональное регулирование порядка доступа к официальной государственной информации и иным неперсональным данным* в пространстве интеграционного объединения также присутствует в рамках ЕС.

Соответствующие коммунитарные правила были закреплены в рамках Регламента о свободном обращении неперсональных данных на территории ЕС [\[20\]](#). Данным регламентом, в частности, устанавливаются наднациональные требования к хранению и обработке неперсональных данных, особенности хранения данных в облачной инфраструктуре, порядок доступа к данным со стороны органов государственной власти, правила ведения электронного документооборота и особенности обращения неперсональных данных в цифровом пространстве.

При этом в соответствии с положениями Европейской стратегии данных [\[21\]](#) предполагается расширение наднационального регулирования порядка обращения неперсональных данных в цифровой среде, развития процесса сбора, анализа и обмена данными, а также создание коммунитарной системы предоставления доступа к неперсональным данным для резидентов Европейского союза (особенно в сфере бизнес-взаимодействий B2B и в сфере взаимодействий граждан с правительствами G2C). Также в соответствии со стратегией закрепляется принцип свободного доступа к отдельным категориям публичных данных государств-членов ЕС и наднациональных институтов ЕС (например, в сфере здравоохранения).

3. *Наднациональные правила в сфере защиты интеллектуальной собственности и авторских прав в цифровом пространстве* в качестве самостоятельного направления наднационального регулирования на сегодняшний день в ЕС отсутствуют.

Однако, Европейской комиссией еще в 2011 г. было инициировано подписание Меморандумов о взаимопонимании между правообладателями с одной стороны и лицами, косвенно способствующими распространению контрафактной продукции через сеть Интернет или создающим источники доходов для размещения цифровых продуктов в сети

Интернет без согласия их правообладателей. Подобными лицами, в частности, являются рекламодатели, которые соглашаются размещать объявления на сайтах с «пиратским» контентом, интернет-магазины, онлайн-медиа и грузоперевозчики, которые способствуют реализации контрафактной продукции и иные «заинтересованные лица» (в терминах Еврокомиссии). При этом подобные меморандумы предполагают привлечение к подписанию «заинтересованных сторон» не только из ЕС, но и из третьих стран.

Наиболее актуальным примером подобных меморандумов является Меморандум о взаимопонимании в сфере интернет-рекламы и правах на интеллектуальную собственность 2018 г. [22] Данный меморандум был подписан по итогам собрания всех потенциально заинтересованных стороны, включая представителей рекламной индустрии, онлайн-посредников, представителей сектора по защите контента в сети Интернет, онлайн-медиа, правообладателей, представителей гражданского общества, организаций-потребителей и рекламодателей. Стороны пришли к соглашению о необходимости ограничения доходов «пиратов» от размещения рекламы на сайтах, которые нарушают права интеллектуальной собственности.

Однако, отмеченный шаг стал лишь первым этапом в формировании наднационального подхода ЕС к защите интеллектуальной собственности в сети Интернет. Серьезный прорыв в сфере противодействия нарушениям авторских прав в сети Интернет был осуществлен с принятием Регламента о едином рынке цифровых услуг (DSA) и Регламента о конкурентных и справедливых рынках в цифровом секторе (DMA), в которых содержится комплексное регулирование порядка защиты интеллектуальной собственности в сети Интернет. В частности, в DSA закрепляется понятие незаконного контента, а также на лиц, предоставляющих посреднические цифровые услуги (веб-сайты, онлайн-видеохостинги, стриминговые платформы и т.д.) возлагается обязанность удалять незаконный контент на основании распоряжений уполномоченных административных или судебных органов государств-членов ЕС (подобные «распоряжения» применяются государствами-членами ЕС и ранее, однако Регламент предполагает формирование для них общей наднациональной правовой базы).

4 . *Наднациональное регулирование единого цифрового рынка и порядка предоставления цифровых услуг*, впрочем, представляет собой ключевую цель принятия DSA и DMA. Помимо мер дополнительной защиты интеллектуальной собственности в сети Интернет они включают целую систему наднационального регулирования единого рынка цифровых услуг ЕС. Принятие данных регламентов призвано обеспечить формирование актуального режима функционирования единого цифрового рынка с наиболее полной реализацией принципов свободы движения товаров и услуг в ЕС.

При этом в части организации свободного движения цифровых услуг и регулирования особенностей их предоставления на едином рынке ЕС ключевую роль играет DSA. Под действие данного регламента попадают веб-сайты, онлайн-хостинги, онлайн-платформы хранения данных, а также любые иные лица, которые оказывают «посреднические» услуги по передаче, хранению, распределению или размещению информации в сети Интернет.

Отличительной особенностью Регламента о цифровых услугах является экстерриториальный характер его действия. Обязанность его соблюдения распространяется на любых лиц (вне зависимости от места их нахождения, резидентства или инкорпорации), оказывающих цифровые услуги физическим и юридическим лицам, являющихся резидентами ЕС.

5. Одновременно, DSA и DMA содержат в себе новые *антимонопольные правила*, подлежащие применению непосредственно в сети Интернет и распространяющиеся на особых субъектов, занимающих доминирующее положение именно в цифровом пространстве («цифровых привратников»).

В рамках данного направления наднационального регулирования общественных отношений в цифровой среде ключевую роль играет уже DMA. В нем осуществлено закрепление и институционализация новой правовой категории – цифровых привратников – IT-компаний, которые осуществляют поставку цифровых услуг в качестве базовой цифровой платформы, а именно: информационно-посреднических услуг в сети Интернет; поисковых услуг; услуг по созданию и поддержанию функционирования социальных сетей; услуг по обмену видео; услуг в сфере обеспечения межличностной коммуникации; услуг по созданию и обслуживанию операционных систем; услуг в сфере облачных вычислений. При этом под соответствующее регулирование также попадает деятельность компаний-привратников по предоставлению рекламных услуг на принадлежащих им цифровых платформах.

DMA формирует особый правовой режим функционирования подобных компаний, возлагает на них серьезные дополнительные обязанности и ограничения. При этом, в целом, регулирование деятельности цифровых привратников осуществляется по аналогии с регулированием деятельности субъектов естественных монополий. Таким образом, DMA представляет собой не просто правовой механизм наднационального регулирования цифровой сферы, но весьма прогрессивный шаг для права в целом, которое по состоянию на текущий момент не отличается высокой проработанностью в сфере регулирования деятельности цифровых монополий и олигополий.

При этом DMA (как и DSA) наделен экстерриториальным действием. Его требования распространяются на любые компании-привратники, которые предоставляют или предлагают свои услуги конечным пользователям, зарегистрированным или проживающим на территории ЕС.

6. *Наднациональное регулирование цифровых публичных закупок*, осуществляемых на едином рынке интеграционного объединения, также активно развивается. Данное направление наднационального регулирования включает в себя два не связанных друг с другом аспекта: во-первых, здесь ведется работа по расширению практики использования цифровых сервисов для проведения публичных закупок (*digital procurement*); а, во-вторых, формируются наднациональные правила и стратегии осуществления публичных закупок инновационных товаров и услуг (*innovation procurement*).

В рамках первого субнаправления в ЕС приняты такие акты, как: Сообщение Комиссии о сквозных электронных закупках [\[23\]](#); Директива об электронном выставлении счетов-фактур в сфере публичных закупок [\[24\]](#); Исполнительный регламент Комиссии о формах публикации уведомлений о госзакупках [\[25\]](#), а также отдельные положения общей Директивы о государственных закупках [\[26\]](#) и ряд других актов. Данные акты ориентируют государства-члены ЕС на расширение практики использования цифровых технологий при проведении публичных закупок, формируют единые электронные формы документов, процедуры осуществления закупок в электронной форме и т.д.

В свою очередь, второе субнаправление наднационального регулирования цифровых закупок предполагает создание общей коммунитарной основы для осуществления

публичных закупок в сферах цифровой и облачной инфраструктуры. Правовой основой тут выступают положения Директивы о государственных закупках, касающиеся особенностей осуществления закупочной деятельности в инновационных сферах. Кроме того, в данной сфере также планируется формирование единой коммунитарной системы публичных закупок, осуществляемых в целях создания, развития и поддержания функционирования цифровой и облачной инфраструктуры [27]. При этом осуществление подобных закупок тесно увязывается с необходимостью совершенствования наднационального регулирования в сфере обеспечения безопасности подобной инфраструктуры [28].

7. Таким образом, предыдущее направление наднационального регулирования общественных отношений в цифровой сфере оказывается тесно связано с коммунитарным *регулированием обеспечения развития, надежности, безопасности, устойчивости и защищенности информационно-коммуникационной инфраструктуры*.

Формирование безопасной, высокопроизводительной и устойчивой цифровой инфраструктуры представляет собой одну из ключевых задач, стоящих перед наднациональным регулированием ЕС на текущем этапе.

Основы соответствующего регулирования были заложены в переработанном Европейском кодексе электронных коммуникаций [29], которым были установлены ключевые требования к созданию, функционированию и защите информационно-коммуникационной инфраструктуры в масштабах всего Европейского союза. Вопросам обеспечения безопасности информационно-коммуникационной инфраструктуры посвящены положения Директивы о безопасности сетей и информационных систем 2016 г. [30]

Вместе с тем, в рамках анализируемого направления наднационального регулирования сегодня формируются и принципиально новые аспекты, связанные уже не с ИКТ-инфраструктурой, а с облачной. Создание облачной инфраструктуры планируется обеспечить за счет активизации инновационных закупок, совершенствования коммунитарного регулирования порядка обращения неперсональных данных, введения в действие Регламентов о цифровых рынках и о цифровых услугах, создания наднациональной правовой базы для развития облачных вычислений. Основной для реализации соответствующей деятельности выступает Европейская стратегия данных [21].

При этом особое внимание в рамках всего исследуемого направления уделяется вопросам обеспечения энергоэффективности и экологической нейтральности [31] создаваемой и функционирующей цифровой и информационно-коммуникационной инфраструктуры в соответствии с принципами Европейского зеленого пакта [32]. Формирование соответствующего регулятивного механизма было возложено на Еврокомиссию, которая должна разработать и утвердить расширенные индексы цифровой экономики и общества (англ. Digital Economy and Society Index, DESI [33]).

8. Наднациональные основы совместного противодействия киберпреступности и кибертерроризму, а также обеспечения кибербезопасности.

В рамках данного направления наднационального регулирования на уровне ЕС еще в 2013 г. была принята Стратегия кибербезопасности ЕС [34]. В 2020 г. она была заменена на более актуальную Стратегию кибербезопасности ЕС на цифровое десятилетие [35]. В 2016 г. требования к обеспечению кибербезопасности нашли свое отражение в рамках

Директивы по безопасности сети и информационных систем ^[36] (Директива NIS). В 2017 г. Комиссия выпустила Рекомендацию в сфере общего уровня безопасности сетей и информационных систем в ЕС ^[37]. Особый всплеск законотворческой активности пришелся на 2018-2019 гг., когда был принят Пакет законодательных актов в сфере кибербезопасности ^[38], включающий в себя, в том числе, Регламент о кибербезопасности ^[39]. Также на обеспечение кибербезопасности направлен уже отмечавшийся выше Регламент о защите персональных данных. Он призван обеспечить надежное хранение и обработку таких данных с максимальным снижением рисков их утечки. Предполагается установление новых требований к кибербезопасности в сфере публичных закупок.

Кроме того, в 2021 г. для обеспечения кибербезопасности на уровне ЕС было создано Объединенное подразделение по кибербезопасности (*англ. Joint Cybersecurity Unit*), которое обеспечило более тесную координацию между наднациональными институтами ЕС и органами государственной власти государств-членов ЕС ^[40].

9. Одним из наиболее актуальных направлений наднационального регулирования общественных отношений в цифровой сфере является регулирования систем *искусственного интеллекта*. В настоящее время на уровне ЕС соответствующее регулирование еще отсутствует, однако в 2021 г. Европейской комиссией было выдвинуто Предложение о принятии *Регламента об искусственном интеллекте* ^[41] (*Artificial intelligence act, AIA*), в соответствии с которым предполагается сформировать на уровне ЕС прогрессивный режим правового регулирования ИИ, основанный на риск-ориентированном подходе. Кроме того, в рамках соответствующего регламента предлагается возложить дифференцированные обязанности и ответственность на поставщиков (разработчиков) и пользователей ИИ-систем, создать гармонизированную европейскую систему оценки соответствия, сертификации и регистрации ИИ-систем, а также учредить специальные наднациональные и национальные органы власти, наделенные полномочиями в сфере регистрации и контроля функционирования ИИ-систем. При этом, стоит отметить, что принятие Регламента об искусственном интеллекте может позволить ЕС стать лидером в соответствующей сфере, за счет создания прозрачного и эффективного правового режима ИИ, которого в настоящее время нет ни в одной стране мира (в подобном контексте AIA рассматривается как перспективный инструмент нормативной силы ЕС ^[42, 43, 44]).

10. Еще одним новаторским направлением наднационального регулирования цифрового пространства в ЕС стало регулирование *криптоактивов*. Еще в 2020 г. Европейской комиссией было выдвинуто Предложение о принятии Регламента о рынках криптоактивов ^[45] (далее также – MiCA). В соответствии с проектом данного регламента предполагается обеспечить инкорпорацию крипто-активов и крипто-валютных бирж в систему правового регулирования рынка капиталов, а также в сферу платежей. MiCA предполагает внедрение на уровне ЕС требований к минимальному размеру капиталов криптовалютных бирж и эмитентов криптоактивов, к управлению ими, к процедурам аудита и контроля, комплаенса и т.д. Также в рамках MiCA предлагается дифференциация правового регулирования криптоактивов в зависимости от их типа. Выделяются: обычные криптоактивы; обеспеченные криптоактивы и криптовалюты. В зависимости от типа криптоактива к нему подлежат применению различные требования (также указанные в MiCA). При этом значение принятия MiCA состоит не только в том, что в ЕС планируется создать эффективную правовую базу для регулирования криптоиндустрии (чего фактически нет ни в одном современном правовом порядке), но и

стать лидером в соответствующей сфере правового регулирования (что позволит использовать MiCA в качестве еще одного инструмента нормативной силы ЕС).

Таким образом, на уровне ЕС в настоящее время можно заметить реализацию достаточно большого количества направлений наднационального регулирования общественных отношений в цифровой сфере. При этом Европейский союз сегодня представляет собой весьма продвинутое интеграционное объединение с наличием широкого круга полномочий наднациональных институтов, что позволяет рассматривать именно его опыт в качестве наиболее передового.

Так, для сравнения на уровне ЕАЭС сегодня также ведется деятельность по формированию наднациональных правовых основ регулирования цифровых общественных отношений. Однако, круг вопросов, подлежащих наднациональному регулированию, здесь значительно уже.

Соответствующие положения можно встретить в рамках дополнительных протоколов к Договору о Евразийском экономическом союзе [\[46\]](#) (в частности, в Протоколе об информационно-коммуникационных технологиях и информационном взаимодействии в рамках Евразийского экономического союза [\[47\]](#), которым устанавливаются общие особенности обмена неперсональными государственными данными в рамках ЕАЭС). Некоторой гармонизации также подвергается регулирование осуществления государственных закупок в электронной форме. Кроме того, в настоящее время в ЕАЭС реализуется Цифровая повестка, принятая в 2016 г. [\[48\]](#), которая предполагает формирование: 1) цифрового измерения интеграции (электронный документооборот, наднациональные базы данных, межгосударственные цифровые сервисы и услуги); 2) цифровых рынков ЕАЭС; 3) цифровых инфраструктур и цифровых активов ЕАЭС [\[49\]](#).

Однако, отмеченные наднациональные акты ЕАЭС не содержат в себе норм, направленных на непосредственное правовое регулирование цифрового пространства на наднациональном уровне. Протоколы представляют собой инструмент гармонизации национальных законодательств в отдельных сферах, а Цифровая повестка ЕАЭС является лишь общим документом стратегического планирования, который содержит только максимально широкие концепции развития единой цифровой сферы.

Заключение

Сегодня существуют следующие основные направления наднационального регулирования общественных отношений в цифровой сфере: 1) наднациональное регулирование порядка обращения персональных данных в рамках единого цифрового пространства; 2) наднациональное регулирование порядка доступа к официальной государственной информации и иным неперсональным данным в пространстве интеграционного объединения; 3) наднациональные правила в сфере защиты интеллектуальной собственности и авторских прав в рамках единого цифрового пространства интеграционного объединения; 4) наднациональное регулирование единого цифрового рынка и порядка предоставления цифровых услуг; 5) наднациональные правила в сфере защиты конкуренции и запрета дискриминации по признаку страны происхождения на единых рынках цифровых услуг; 6) наднациональное регулирование цифровых публичных закупок, осуществляемых на едином рынке интеграционного объединения; 7) наднациональные требования к надежности, безопасности, устойчивости (прежде всего, экологической) и защищенности информационно-коммуникационной инфраструктуры; 8) наднациональные основы

совместного противодействия киберпреступности и кибертерроризму, а также обеспечения кибербезопасности. При этом данный список не является исчерпывающим и может включать в себя и иные направления, которые потенциально могут появиться в будущем. Так, в частности, на уровне ЕС сегодня уже инициированы процедуры по принятию регламентов, устанавливающих наднациональные требования к системам искусственного интеллекта и к криптоактивам.

Библиография

1. Хлопов О. А. Проблемы кибербезопасности и защиты критической инфраструктуры // The Scientific Heritage. 2020. № 45-5(45). С. 64-69.
2. Оюн Ч. О., Попантонопуло Е. В. Объекты критической информационной инфраструктуры // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2018. №9. С. 45-49.
3. Шалаевская В. Н. Антимонопольное право в эпоху цифровой экономики // Умная цифровая экономика. 2022. Т. 2. № 1. С. 31-36.
4. Ларионова С. Л. Методика защиты персональных данных с учетом требований регламента ЕС General Data Protection Regulation // Инновации и инвестиции. 2020. № 6. С. 198-205.
5. Чубукова С. Г. Правовые проблемы обработки персональных данных в контексте COVID-19: опыт России и ЕС // Роль и значение права в условиях пандемии: Монография по итогам Международного онлайн-симпозиума / Под общей редакцией В.В. Блажеева, М. А. Егоровой. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2021. С. 52-62.
6. Мостовой Г. И. "Цифровой тупик" защиты интеллектуальной собственности в сети интернет и возможности его преодоления / Г. И. Мостовой, В. И. Харин // Вопросы российской юстиции. 2020. № 8. С. 576-584.
7. Копылов В. А. Защита интеллектуальной собственности в сети интернет на современном этапе развития гражданского оборота // Будущее науки-2020: сборник научных статей 8-й Международной молодежной научной конференции: в 5 томах, Курск, 21-22 апреля 2020 года. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2020. С. 281-287.
8. Шафоростова К. И. Защита интеллектуальной собственности в сети Интернет на национальном и международно-правовом уровне // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2019. № 6. С. 161-166.
9. Литвинова Т. Н. Европейская и российская политики противодействия кибертерроризму (на примере борьбы с "кибер-джихадом") // Национальная безопасность / nota bene. 2020. № 3. С. 32-47.
10. Гедгафов М. М. Развитие кибертерроризма в условиях глобализации информационного пространства // Образование и право. 2021. № 6. С. 304-308.
11. Буткевич С. А. Фейк-ньюс и медиа: проблемы дифференциации и пенализации // Юрист-Правоведъ. 2021. № 2(97). С. 74-79.
12. Фельдман П. Я. "Постправда" и "фейк-ньюз" в современном коммуникационном пространстве: перспективы политико-правового регулирования // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 2(12). С. 134-146.
13. Hustad E., Olsen D. Creating a sustainable digital infrastructure: The role of service-oriented architecture // Procedia Computer Science. 2021. Vol. 181. P. 597-604.
14. Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market For Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act) PE/30/2022/REV/1 // OJ L 277, 27.10.2022, p. 1-102.

15. Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector and amending Directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act) PE/17/2022/REV/1 // OJ L 265, 12.10.2022, p. 1–66
16. Proposal for a Regulation of the European parliament and of the Council laying down harmonised rules on artificial intelligence (artificial intelligence act) and amending certain union legislative acts. COM/2021/206 final. Brussels, 21.4.2021 // [Electronic source]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52021PC0206> (accessed: 08.03.2023)
17. Proposal for a Regulation of the european parliament and of the council on Markets in Crypto-assets, and amending Directive (EU) 2019/1937. COM/2020/593 final. Brussels, 24.9.2020 // [Electronic source]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52020PC0593> (accessed: 08.03.2023).
18. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) // OJ L 119, 4.5.2016, p. 1–88.
19. Чурилов А.Ю. Принципы общего Регламента Европейского союза о защите персональных данных (GDPR): проблемы и перспективы имплементации // Сибирское юридическое обозрение. 2019. №1. С. 29-35.
20. Regulation (EU) 2018/1807 of the European Parliament and of the Council of 14 November 2018 on a framework for the free flow of non-personal data in the European Union // OJ L 303, 28.11.2018, p. 59–68.
21. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European economic and social committee and the Committee of the regions: A European strategy for data (COM/2020/66 final). Brussels, 19.2.2020 // [Electronic source]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1593073685620&uri=CELEX%3A52020DC0066> (accessed: 08.03.2023).
22. Memorandum of understanding on online advertising and intellectual property rights (21.06.2018) [Electronic source] // European Commission. URL: <https://ec.europa.eu/docsroom/documents/30226> (accessed: 08.03.2023).
23. Communication from the Commission to the European parliament, the Council, the European economic and social committee and the Committee of the regions «End-to-end e-procurement to modernize public administration» (COM/2013/0453 final) // [Electronic source]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52013DC0453> (accessed: 08.03.2023).
24. Directive 2014/55/EU of the European Parliament and of the Council of 16 April 2014 on electronic invoicing in public procurement // OJ L 133, 6.5.2014, p. 1–11
25. Commission Implementing Regulation (EU) 2015/1986 of 11 November 2015 establishing standard forms for the publication of notices in the field of public procurement and repealing Implementing Regulation (EU) No 842/2011 // OJ L 296, 12.11.2015, p. 1–146.
26. Directive 2014/24/EU of the European Parliament and of the Council of 26 February 2014 on public procurement and repealing Directive 2004/18/EC // OJ L 94, 28.3.2014, p. 65–242.
27. Review No 02/2019: Challenges to effective EU cybersecurity policy (Briefing Paper). European Court of Auditors. 2019.
28. Madiega T. Digital sovereignty for Europe. European Parliamentary Research Service

- (EPRS) Ideas Paper. July 2020. 12 p.
29. Directive (EU) 2018/1972 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 establishing the European Electronic Communications Code (Recast) (PE/52/2018/REV/1) // OJ L 321, 17.12.2018, p. 36–214.
 30. Directive (EU) 2016/1148 of the European Parliament and of the Council of 6 July 2016 concerning measures for a high common level of security of network and information systems across the Union // OJ L 194, 19.7.2016, p. 1–30.
 31. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European economic and social committee and the Committee of the regions: 2030 Digital Compass: the European way for the Digital Decade (COM/2021/118 final). Brussels, 9.3.2021 // [Electronic source]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A52021DC0118> (accessed: 08.03.2023).
 32. Communication from the Commission to the European Parliament, the European council, the Council, the European economic and social committee and the Committee of the regions: The European Green Deal (COM/2019/640 final). Brussels, 11.12.2019 // [Electronic source]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2019%3A640%3AFIN> (accessed: 08.03.2023).
 33. The Digital Economy and Society Index [Electronic source] // European Commission. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/desi> (accessed: 08.03.2023).
 34. Joint communication to the European Parliament, the Council, the European economic and Social Committee and the Committee of the regions «Cybersecurity Strategy of the European Union: An Open, Safe and Secure Cyberspace» (JOIN (2013) 1 final). Brussels, 7.2.2013 // [Electronic source]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A52013JC0001> (accessed: 08.03.2023).
 35. Joint communication to the European parliament and the Council The EU's Cybersecurity Strategy for the Digital Decade. JOIN(2020) 18 final. Brussels, 16.12.2020 // [Electronic source]. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/eus-cybersecurity-strategy-digital-decade-0> (accessed: 08.03.2023).
 36. Directive (EU) 2016/1148 of the European Parliament and of the Council of 6 July 2016 concerning measures for a high common level of security of network and information systems across the Union // OJ L 194, 19.7.2016, p. 1–30.
 37. Commission Recommendation (EU) 2017/1584 of 13 September 2017 on coordinated response to large-scale cybersecurity incidents and crises // OJ L 239, 19.9.2017, p. 36–58.
 38. Joint Communication to the European Parliament and the Council «Resilience, Deterrence and Defence: Building strong cybersecurity for the EU» (JOIN/2017/0450 final) // [Electronic source]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A52017JC0450> (accessed: 08.03.2023).
 39. Regulation (EU) 2019/881 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on ENISA (the European Union Agency for Cybersecurity) and on information and communications technology cybersecurity certification and repealing Regulation (EU) No 526/2013 (Cybersecurity Act) // OJ L 151, 7.6.2019, p. 15–69
 40. Regulation (EU) 2021/887 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2021 establishing the European Cybersecurity Industrial, Technology and Research Competence Centre and the Network of National Coordination Centres. PE/28/2021/INIT // OJ L 202, 8.6.2021, p. 1–31
 41. Proposal for a Regulation of the European parliament and of the Council laying down

- harmonised rules on artificial intelligence (artificial intelligence act) and amending certain union legislative acts. COM/2021/206 final. Brussels, 21.4.2021 // [Electronic source]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52021PC0206> (accessed: 08.03.2023).
42. Саворская Е.В. Сущность концепции «Нормативной силы» Европейского союза // Балт. рег.. 2015. №4. С. 90-104.
 43. Игумнова Л.О. Образ нормативной силы Евросоюза в заявлениях Европейской внешнеполитической службы // Современная Европа. 2017. №6 (78). С. 81-93.
 44. Степанян А.Ж. Регламент Европейского Союза об искусственном интеллекте (Artificial Intelligence Act): первый взгляд на проект // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 7. С. 93-98.
 45. Proposal for a Regulation of the european parliament and of the council on Markets in Crypto-assets, and amending Directive (EU) 2019/1937. COM/2020/593 final. Brussels, 24.9.2020 // [Electronic source]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52020PC0593> (accessed: 08.03.2023).
 46. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии <http://www.eurasiancommission.org/>, 05.06.2014.
 47. Приложение № 3 к Договору о Евразийском экономическом союзе. Протокол об информационно-коммуникационных технологиях и информационном взаимодействии в рамках Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/Pages/DisplayDocument.aspx?s=bef9c798-3978-42f3-9ef2-d0fb3d53b75f&w=632c7868-4ee2-4b21-bc64-1995328e6ef3&l=540294ae-c3c9-4511-9bf8-aaf5d6e0d169&EntityID=3610> (дата обращения: 08.03.2023).
 48. Заявление о цифровой повестке ЕАЭС [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/materials/Pages/docs.aspx> (дата обращения: 08.03.2023).
 49. Общие подходы к формированию цифрового пространства Евразийского экономического союза в перспективе до 2030 года (Подготовлено ЕЭК в рамках выработки предложений по формированию цифрового пространства ЕАЭС) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/materials/Pages/docs.aspx> (дата обращения: 08.03.2023).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. Предметом исследования статьи являются "отдельные направления регулирования как составные элементы общего наднационального регулирования общественных отношений в цифровой сфере (пространстве)", а именно их система (комплекс).

Методология исследования. Методология исследования охарактеризована самим автором: "Методы исследования представлены как общенаучными методами (метод диалектической логики, анализ, синтез, индуктивно-дедуктивный метод, системный метод), так и специальными научными методами (сравнительно-правовой анализа, историко-правовой анализ, формально-юридический метод и др.)". Действительно,

методологический аппарат данной статьи представлен современными приемами и способами научного познания.

Актуальность исследования. Актуальность темы исследования не вызывает никакого сомнения, поскольку глобальная цифровизация общественных отношений обуславливает потребность в соответствующем правовом регулировании, и не только во внутреннем законодательстве, но и на международном уровне. Полагаем, что опыт ЕС в этом плане имеет не только научный интерес, но и практическую значимость: формирование такой нормативно-правовой базы правового регулирования общественных отношений в цифровом пространстве, которая отвечала бы и национальным потребностям отдельных государств.

Научная новизна. Любая публикация по теме цифровизации имеет определенные элементы научной новизны, поскольку сам процесс внедрения телекоммуникационных технологий в обществе требует должного правового регулирования. Автором данной статьи предложена собственная концепция "классификации основных направлений наднационального регулирования общественных отношений в цифровой сфере на современном этапе (с выделением наиболее актуальных и перспективных направлений подобного регулирования)".

Стиль, структура, содержание. Статья написана научным стилем, с использованием юридической терминологии. Материал изложен последовательно, грамотно и ясно. выводы и предложения автора аргументированы. Статья структурирована, хотя, как представляется, содержит излишние части (например, обзор литературы, поскольку ссылки на отдельные публикации позволяют читателю сделать вывод о том, кто из ученых (кроме автора этой статьи) обращался ранее к обозначенной теме. Далее, полагаем, что введение статьи (гипотеза, актуальность, научная новизна, цель, методы) можно не дробить на части, сделать более логичным. По содержанию тема раскрыта.

Библиография. Автором изучено достаточное количество библиографических источников, в том числе публикации по теме последних лет, включая зарубежных авторов.

Апелляция к оппонентам. Обращение к оппонентам корректное в форме цитирования со ссылками на источник опубликования.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья "Основные направления наднационального регулирования общественных отношений в цифровой сфере на современном этапе (на примере Европейского союза)" отвечает требованиям, предъявляемым к научным публикациям, является актуальной, практически значимой и содержит элементы научной новизны. Рецензируемая статья рекомендуется к опубликования в научном журнале "Международное право и международные организации / International Law and International Organizations

". По мнению рецензента, статья будет представлять интерес для специалистов в области международного права, информационного права, а также, для преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов, а кроме того, всех, кто интересуется вопросами правового регулирования цифрового пространства.

Международное право и международные организации / International Law and International Organizations

Правильная ссылка на статью:

Гирис В.А. — Правовой статус органов и учреждений Европейского Союза в области обеспечения кибербезопасности // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. – 2023. – № 1. DOI: 10.7256/2454-0633.2023.1.39986 EDN: CNSRAT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39986

Правовой статус органов и учреждений Европейского Союза в области обеспечения кибербезопасности

Гирис Валерия Алексеевна

ORCID: 0000-0000-0000-0000

аспирант, кафедра интеграционного и европейского права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

123000, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9

✉ valeri_ka@list.ru

[Статья из рубрики "Интеграционное право и наднациональные объединения"](#)

DOI:

10.7256/2454-0633.2023.1.39986

EDN:

CNSRAT

Дата направления статьи в редакцию:

14-03-2023

Дата публикации:

21-03-2023

Аннотация: Актуальность темы исследования обуславливается тем, что в решении проблем кибербезопасности в государствах задействованы различные органы, каждый из которых имеет свои цели и задачи, при этом их успешное решение всецело зависит от эффективного сотрудничества между ними. Существующие ресурсы и опыт, имеющиеся в государствах-членах ЕС и соответствующих институтах, органах и агентствах ЕС, обеспечивают прочную основу для коллективного реагирования на угрозы кибербезопасности. Благодаря чему в ЕС была создана система органов по управлению рисками в области кибербезопасности. На данный момент в России не были разработаны комплексные исследования, специально посвященные анализу деятельности органов и учреждений Европейского Союза в области обеспечения кибербезопасности. Целью настоящей статьи является исследование деятельности ключевых органов ЕС в области кибербезопасности. Для достижения указанной цели автором были использованы системный подход, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, исторический метод, с их помощью была проанализирована деятельность основных

органов ЕС в области кибербезопасности. Автор приходит к выводу, что сотрудничество и обмен информацией являются важнейшими элементами в решении вопросов кибербезопасности. При этом для достижения согласованности действий между органами, занимающимися вопросами кибербезопасности, в ЕС предпринимаются меры, направленные на укрепление их совместной работы. Кроме этого, делается вывод о том, что ЕС как региональная интеграционная организация, где государства члены действуют на основе принципа взаимного доверия, представляет собой надежную платформу для решения проблем кибербезопасности.

Ключевые слова:

право ЕС, кибербезопасность, киберугрозы, киберустойчивость, киберзащита, киберпространство, кибер атака, информационная безопасность, киберпреступность, киберинцидент

Потребность в усилении безопасности современного общества от резко увеличивающегося числа киберугроз стала катализатором для развития нормативной правовой базы, направленной на повышение уровня киберустойчивости современных государств.

Сегодня требования к кибербезопасности, предъявляемые в одном государстве, могут значительно отличаться от требований, предъявляемых в другом. Это обстоятельство стало одной из причин, по которой вопрос обеспечения кибербезопасности приобрел большое международное значение.

Однако развитие международного права по данному вопросу осложнено. На международном уровне до сих пор отсутствуют универсальные соглашения по вопросу обеспечения кибербезопасности, равно как и отсутствуют совместные механизмы для реагирования на киберугрозы. Это обстоятельство делает уязвимым государства к возникающим киберугрозам, поскольку в киберпространстве государства находятся в состоянии взаимозависимости из-за децентрализованного характера угроз.

Европейский Союз (далее – ЕС, Союз) предпринял попытку создать единый подход к кибербезопасности среди государств-членов ЕС и обеспечить его реализацию с помощью деятельности системы органов ЕС.

Профессор С. Ю. Кашкин отмечает, что ЕС располагает широким организационным механизмом, субъекты которого все более необычным образом переплетаются между собой [\[1, с.70\]](#). В этой связи, хотелось бы отметить, что с развитием области кибербезопасности в ЕС наметилась тенденция к усложнению институциональной системы.

Далее мы остановимся на более детальном рассмотрении правового статуса и деятельности органов ЕС в области кибербезопасности.

Европейская комиссия ставит своей целью укрепить сотрудничество государств-членов по вопросу повышения уровня кибербезопасности. Достижение указанной цели Европейская комиссия осуществляет совместно с другими институтами, органами и агентствами ЕС.

Ключевое место среди органов ЕС в области кибербезопасности занимает Агентство ЕС

по кибербезопасности, ранее называвшееся Европейское агентство по сетевой и информационной безопасности (далее – Агентство). Следует отметить, что в соответствии с законодательством ЕС, агентства являются отдельными органами, отличными от институтов ЕС, и отдельными юридическими лицами, которые учреждаются для выполнения конкретных задач.

Согласно п. 2 ст. 1 Регламента №460/2004 о создании Европейского агентства по сетевой и информационной безопасности, роль Агентства заключается в «оказании помощи Европейской комиссии и государствам-членам ЕС, а также, поддержки сотрудничества с предпринимателями, чтобы помочь им выполнить требования, предъявляемые к сетевой и информационной безопасности, обеспечивая тем самым бесперебойное функционирование внутреннего рынка, включая требования, изложенные в настоящем и будущем законодательстве Сообщества» [\[2\]](#).

Исходя из этого, работа Агентства сведена как к независимому консультационному органу государств-членов ЕС и европейских предпринимателей, обеспечивающему доступ к информации и ресурсам, необходимым для функционирования в киберпространстве.

Первоначально работа Агентства в основном заключалась в сборе информации обо всех возникающих угрозах в киберпространстве, предоставлении необязательных консультаций государствам-членам ЕС и иным заинтересованным лицам, а также в создании платформы для обмена опытом.

Правовой основой, принятия Регламента №460/2004, учредившего Агентство, стала ст. 95 Договора об учреждении Европейского Сообщества, которая позволяет принимать органам ЕС меры, гармонизирующие национальное законодательство государств-членов ЕС.

Тем не менее со стороны Великобритании была проявлена озабоченность по поводу правомерности использования статьи 95 Договора об учреждении Европейского Сообщества в качестве правовой основы для создания Агентства, поскольку «функции Агентства ограничиваются развитием экспертизы и предоставлением консультаций широкому кругу потенциальных получателей, и единственная возможная связь, которая может существовать между задачами, которые оно выполняет, и гармонизацией права, - это связь, вытекающая из того факта, что Агентство помогает Европейской комиссии. Однако эта роль, которая представляется как техническая исследовательская функция, слишком далека от законодательства Сообщества, направленного на гармонизацию национального законодательства» [\[3\]](#).

Великобритания в поданном в Суд ЕС заявлении об отмене Регламента №460/2004 заявила, что предоставление необязательных консультаций не может быть равносильно «сближению положений, установленных законодательными актами, регламентами или административными актами в государствах-членах» по смыслу ст. 95 Договора об учреждении Европейского Сообщества. Более того распространение таких рекомендаций может на практике увеличить различия, которые существуют между национальными законами» [\[3\]](#).

В своем Решении Суд ЕС отклонил заявление Великобритании и обосновал правомерность принятия Европейским парламентом Регламента №460/2004 в соответствии со ст. 95 Договора об учреждении Европейского Сообщества, постановив следующее:

- задачи, возложенные на Агентство в соответствии со ст. 3 Регламента №460/2004 тесно связаны с целями, преследуемыми Директивами, регулирующими услуги электронных коммуникаций и связанных с ними средств и услуг, и конкретными Директивами в области сетевой и информационной безопасности.

-Европейский парламент был вправе считать, что мнение независимого органа, предоставляющего технические консультации по просьбе Европейской комиссии и государств-членов ЕС, может облегчить перенос Директив, регулирующих услуги электронных коммуникаций в законы государств-членов и реализацию этих Директив на национальном уровне.

-Регламент №460/2004 не представляет собой изолированную меру, но входит в соответствующий законодательный механизм, ограниченный Директивой [\[4\]](#) и специальными Директивами, и направлен на завершение внутреннего рынка в области электронных коммуникаций.

Таким образом, вышеуказанное решение позволило ЕС не только предпринимать меры, способствующие гармонизации, но и учреждать органы, способные облегчить сближение политик государств-членов ЕС в области кибербезопасности. Суд ЕС постановил, что Агентство является надлежащим средством предотвращения возникновения различий, которые могут создать препятствия для бесперебойного функционирования внутреннего рынка в данной области.

Спустя год функционирования Агентства Европейская комиссия провела оценку его деятельности, которое было заранее предусмотрено ст. 25 Регламента №460/2004 и было обязательно для принятия решения о дальнейшем продлении полномочий данной организации после окончания пятилетнего мандата.

Оценка деятельности Агентства была изложена в соответствующем сообщении Европейской комиссии [\[5\]](#), в котором последняя сделала положительное заключение о продлении мандата Агентства, а также указала на ряд проблем, связанных с деятельностью Агентства, и пути их решения.

Основные проблемы, обозначенные Европейской комиссией, можно определить как организационные, в них входят недостатки в структуре Агентства, удаленность местоположения Агентства (штаб-квартира Агентства располагалась в Ираклионе, Греция) и проблема стратегической роли Агентства, которая на тот момент была сосредоточена в основном на подготовке отчетов о ходе реализации своей деятельности. В своем сообщении Европейская комиссия предложила рекомендации относительно структуры управления Агентства, а также о пересмотре ст. 2 и ст. 3 Регламента №460/2004 для того, чтобы установить основанные на конечных результатах ключевые цели Агентства.

Учитывая положительную оценку деятельности Агентства, выданную Европейской комиссией в 2008 г. Европейский парламент и Совет приняли еще один Регламент № 1007/2008 [\[6\]](#), продлевающий мандат Агентства до марта 2012г..

В Резолюции Совета ЕС от 18 декабря 2009 г. [\[7\]](#) признается роль и потенциал Агентства и необходимость «дальнейшего развития Агентства в эффективный орган». В связи с этим Европейской комиссией был разработан проект нового Регламента об Агентстве [\[8\]](#), предлагающий расширение его функций и продление мандата. В качестве правовой основы данной организации предложено использовать ст. 114 Договора о

функционировании ЕС, которая почти идентична ст. 95 Договора об учреждении Европейских Сообществ.

Стратегия кибербезопасности для Европейского союза 2013 года - Открытое, безопасное и надежное [\[9\]](#) определила Агентство как необходимого субъекта, осуществляющего надзор за управлением кибербезопасностью, которая нуждалась только в модернизированном мандате с дополнительными полномочиями. В связи с этим был принят новый Регламент об Агентстве, который усиливал мандат данной организации. Ранее Регламент № 580/2011 [\[10\]](#) продлил срок действия мандата Агентства до 13 сентября 2013 г. Новый мандат был утвержден Регламентом 526/2013 16 апреля 2013 г. [\[11\]](#) и был установлен на семь лет.

Как уже было сказано, новый Регламент об Агентстве предусматривал усиление его роли. В первую очередь новый Регламент предоставил Агентству полномочия на поддержку создания и функционирования полномасштабной Группы реагирования на компьютерные чрезвычайные ситуации ЕС (далее – CERT-EU) для противодействия кибератакам на уровне ЕС.

Для повышения эффективности работы новый Регламент учредил новый дополнительный филиал Агентства с оперативным персоналом в Афинах. Изменения коснулись и структуры управления, в которую был введен исполнительный совет, позволяющий правлению Агентства сосредоточиться на вопросах стратегической важности и тем самым повысить эффективность Агентства. Исполнительный директор, согласно Регламенту, назначается с одобрения Европейского парламента.

Директивой № 2016/1148 [\[12\]](#) Агентству была отведена роль секретариата Групп реагирования на инциденты, связанные с компьютерной безопасностью (далее- CSIRTs), которая была создана для содействия быстрому и эффективному оперативному сотрудничеству между государствами-членами ЕС в отношении конкретных инцидентов в области кибербезопасности и обмена информацией о рисках.

Таким образом, с принятием Директивы №2016/1148 фактически произошло усиление роли Агентства, которое в дальнейшем было признано Европейской комиссией в ходе проведения оценки его деятельности и закреплено в последующем принятом Регламенте №2019/881 [\[13\]](#), который окончательно отвел Агентству центральную роль в обеспечении кибербезопасности в ЕС.

Одним из аспектов кибербезопасности выступает киберпреступность. С целью минимизации рисков от киберпреступности в рамках ЕС были приняты нормативные правовые акты, направленные на борьбу с киберпреступностью. Кроме этого, значимую роль в решении вопросов киберпреступности осуществляют специализированные органы ЕС, такие как Агентство ЕС по сотрудничеству между полицейскими органами (далее – Европол) и Агентство ЕС по сотрудничеству в области уголовной юстиции (далее – Евроюст).

Евроюст был учрежден на основании решения Совета ЕС [\[14\]](#) в качестве агентства ЕС с целью улучшения координации и сотрудничества между компетентными судебными органами государств-членов особенно в отношении серьезной организованной преступности. Упомянутое решение было заменено Регламентом 2018/1727 [\[15\]](#), который в свою очередь направлен на то, чтобы укрепить роль Евроюста в отправлении правосудия через границы для более безопасной Европы. В Евроюсте создана Группа по

борьбе с финансовыми и экономическими преступлениями (далее – Группа) в полномочия которой входит борьба с киберпреступностью.

Дополнительно к работе Группы в 2016 г. на основании Заключения Совета ЕС от 9 июня 2016г. [\[16\]](#) была создана Европейская судебная сеть по борьбе с киберпреступностью при Евроюсте для поддержки судебных органов, занимающихся киберпреступностью. Пленарные заседания Европейской судебной сети по борьбе с киберпреступностью проводятся два раза в год при поддержке Евроюста и при совместном участии представителей из Европола, Европейской комиссии, что, в свою очередь, способствует обмену мнениями между заинтересованными сторонами об общих проблемах киберпреступности.

Европол это правоохранительное учреждение, которое было учреждено Решением Совета от 6 апреля 2009 г. о создании Европейского полицейского ведомства. Согласно которому, оно предназначено для оказания практического содействия и информационной поддержки на европейском уровне мероприятиям полицейских органов государств в области борьбы: с транснациональной организованной преступностью, с международным терроризмом, а также с другими тяжкими формами преступности международного характера: торговлей наркотиками, отмыванием денег и т.д. [\[17\]](#). Современной правовой основой деятельности Европола является Регламент (ЕС) 2016/794 Европейского парламента и Совета от 11 мая 2016 г. об Агентстве ЕС по сотрудничеству между правоохранительными органами (Европол) и заменяющий и отменяющий Решения Совета 2009/371/ПВД, 2009/934/ПВД, 2009 г. /935/ПВД, 2009/936/ПВД и 2009/968/ПВД.

Изначально решение вопросов, связанных с киберпреступностью, не входило в область задач Европола. Действительно, в одном из исследований Э. Ильбиз и К. Каунерт подчеркивают, что деятельность Европола, направленная на борьбу с киберпреступностью, до второй половины 2010х. г. не являлась его приоритетной задачей [\[18, с.3\]](#).

Тем не менее в принятой Европейской комиссией 22 ноября 2010 г. Стратегии внутренней безопасности ЕС [\[19\]](#) отмечается, что Центр по борьбе с высокотехнологичными преступлениями Европола играет важную координирующую роль для правоохранительных органов в борьбе с киберпреступностью.

В качестве одного из дальнейших приоритетных действий Стратегии внутренней безопасности ЕС определил учреждение к 2013 г. в рамках Европола Европейского центра по борьбе с киберпреступностью.

Более подробное предложение с описанием основных функций Европейского центра по борьбе с киберпреступностью было изложено в Сообщении [\[20\]](#) Европейской комиссии. Официальный запуск Европейского центра по борьбе с киберпреступностью был осуществлен Европолом в январе 2013г. в качестве его подразделения.

Важно отметить, что правовой основой для создания данного подразделения послужил Европол. На наш взгляд, создание данного подразделения в рамках организационной структуры Европола послужило прочной правовой основой для дальнейшего его развития как значимого субъекта в борьбе с киберпреступностью, поскольку позволило ему использовать уже имеющийся и накопленный арсенал возможностей Европола для проведения расследований и сотрудничества в расследовании киберпреступлений.

Таким образом, в ЕС была создана простая и экономичная организационная структура для того, чтобы обеспечить эффективное выполнение задач, поставленных перед ней [\[21\]](#).

Учитывая количество органов, задействованных в предотвращении киберпреступности, важно обратить внимание на то, что в ЕС особое внимание уделяется сотрудничеству между ними, обеспечению синергии и взаимодополняемости их мандатов и компетенций.

В этой связи для обсуждения и определения приоритетов ключевых проблем и дальнейших действий в борьбе с киберпреступностью в ЕС создаются площадки для взаимодействия. К числу таких относится Целевая группа ЕС по борьбе с киберпреступностью. Она является форумом для руководителей органов ЕС по борьбе с киберпреступностью и государств-членов, который собирается два раза в год в Европоле. Кроме этого, Европейским центром по борьбе с киберпреступностью Европола совместно с Целевой группой ЕС по борьбе с киберпреступностью была создана Совместная целевая группа по борьбе с киберпреступностью, которая состоит из сотрудников по кибербезопасности из государств-членов, партнеров по правоохранительным органам, не входящих в ЕС, и сотрудников Европейского центра по борьбе с киберпреступностью Европола.

Европейские исследователи, проведя анализ деятельности различных структур, занимающихся киберпреступностью как в ЕС, так и в государствах-членах приходят к мнению, что существует приемлемость создания совершенно новых организационных структур, особенно в текущем экономическом климате [\[22, с.41\]](#).

В итоге хотелось бы подчеркнуть, что в результате проведенного анализа можно сделать вывод, что расширение организационного механизма ЕС, основным видом деятельности которого является борьба с преступностью, свидетельствует о растущем характере угроз, связанных с киберпреступностью. В условиях, когда деятельность специализированного органа не может справиться с решением вновь возникших видов преступлений, требуется создание эффективных подразделений, деятельность которых будет сосредоточена только на борьбе с отдельными видами преступлений (киберпреступлений).

Продолжая мысль о растущем характере угроз, которые влекут за собой информационно-коммуникационные технологии, Р. Вессел и Ю. Мядзвецкая отмечают, что растущее число кибератак и их разрушительный характер стали причиной для создания в ЕС ответных мер, ориентированных на внешнюю политику [\[23, с.414\]](#).

Согласно Оперативному руководству по международному сотрудничеству ЕС в области наращивания киберпотенциала [\[24\]](#), опубликованному Европейской комиссией, необходимыми мерами в области кибербезопасности являются меры по обеспечению дипломатических обязательств, направленных на поддержание открытого, свободного и безопасного киберпространства, и разработка стратегий киберзащиты для защиты военных сетей и активов.

В реализации вышеуказанных мер активную деятельность осуществляют Европейская служба внешнеполитической деятельности, Европейское оборонное агентство, Постоянное структурированное сотрудничество.

Европейская служба внешнеполитической деятельности была учреждена Решением Совета ЕС 2010/427/ЕС от 26 июля 2010 г. [\[25\]](#) в качестве автономного органа ЕС, который находится под руководством Высокого представителя и оказывает ему

поддержку в выполнении его мандата. Европейская служба внешнеполитической деятельности оказывает поддержку государствам-членам в использовании дипломатических мер, в частности, что касается общественной коммуникации, поддержки общей ситуационной осведомленности и взаимодействия с третьими странами в случае кризиса.

В рамках Европейской службы внешнеполитической деятельности в вопросе обеспечения кибербезопасности задействованы Центр анализа разведанных ЕС, Группа экспертов высокого уровня и Военный штаб ЕС.

Анализируя роль Европейской службы внешнеполитической деятельности в сфере кибербезопасности, Д. Дуйч приходит к выводу, что основная роль данной службы является вспомогательной и заключается в обеспечении большей согласованности и координации в сфере кибербезопасности, особенно в области киберзащиты [\[26, с.101\]](#).

Европейское оборонное агентство учреждено Решением Совета 2004/551/CFSP от 12 июля 2004 г. о создании Европейского оборонного агентства [\[27\]](#) и является агентством ЕС, целью которого является развитие оборонного потенциала в области управления кризисными ситуациями, а также содействие и укрепление европейского сотрудничества в области вооружений. Европейское оборонное агентство было создано на основании п. 3 ст. 42 Договора о ЕС. Его задачи подробно изложены в ст. 45 Договора о ЕС.

В области кибербезопасности Европейское оборонное агентство является ответственным за координацию киберзащитных возможностей. Под эгидой Европейского оборонного агентства функционирует несколько программ, которые также фокусируются на развитии сотрудничества между государствами-членами по вопросам кибербезопасности. Из их числа можно выделить программу Развертываемый потенциал сбора и оценки кибердоказательств, которая направлена на разработку технической демонстрации возможностей цифровой криминалистики для военных.

Также в рамках проектной группы Европейского оборонного агентства по киберзащите был запущен проект Федерация киберполигонов, целью которого является объединение и совместное использование существующих возможностей киберполигонов между государствами-членами.

В качестве одной из последних программ Европейского оборонного агентства следует отметить оперативную сеть Военной компьютерной группы реагирования на чрезвычайные ситуации – MICNET. Запуск этой программы был инициирован Политикой ЕС в области киберзащиты [\[28\]](#). MICNET должна служить основой и инфраструктурой для обмена информацией между различными уровнями сообщества киберзащиты и внешними заинтересованными сторонами.

Кроме этого, вопросы, связанные с областью кибербезопасности, включены в Постоянное структурированное сотрудничество, запущенное в 2017 г. Решением Совета ЕС [\[28\]](#). Его правовой основой является ст. 42 (6) Договора о ЕС, которая предусматривает, что те государства-члены, военный потенциал которых соответствует более высоким критериям и которые взяли на себя более обязательные обязательства друг перед другом в этой области с целью выполнения наиболее сложных задач, должны установить постоянное структурированное сотрудничество в рамках Союза.

Для области кибербезопасности Постоянное структурированное сотрудничество осуществляет немаловажную роль. В качестве одного из первых проектов, которое было

инициировано в рамках Постоянного структурированного сотрудничества, стал проект по организации Групп быстрого кибернетического реагирования. Специалисты в области кибербезопасности, объединенные в рамках такой группы, могут оказывать помощь государствам-членам, институтам ЕС, миссиям и операциям ЕС, а также странам-партнерам, внося свой вклад в общий потенциал ЕС по предотвращению, сдерживанию и реагированию на киберугрозы.

К.К. Ренда справедливо указывает, что отсутствие у ЕС централизованного киберкомандования подрывает его возможности киберзащиты и ограничивает его амбиции стать более влиятельным в этой новой области политики [\[29, с.482\]](#).

Тот факт, что для военных операций и миссий ЕС в киберпространстве или через него также требуется создание соответствующей организационной структуры, которая могла бы адекватно отражать требования киберзащиты, было подтверждено в Стратегии ЕС в отношении киберпространства как области операций [\[30\]](#). В дальнейшем опубликованная Политика ЕС в области киберзащиты [\[28\]](#) заложила основу для создания Конференции киберкомандующих ЕС. Планируется, что она будет собираться при секретариате Европейского оборонного агентства и при участии Военного штаба ЕС не реже двух раз в год для обсуждения оперативных вопросов и других актуальных тем.

Таким образом, подход ЕС к обеспечению кибербезопасности основывается не только на обеспечении внутренней безопасности посредством правоохранительных органов, таких как Европол и Евроюст. В ЕС особое внимание уделяется внешним аспектам безопасности, международному участию ЕС в решении данных вопросов, включая реагирование на вредоносные действия. В этой связи в рамках общей политики безопасности и обороны с помощью деятельности Европейского оборонного агентства, Европейской службы внешнеполитической деятельности, Постоянного структурированного сотрудничества ведется работа по укреплению общего уровня кибербезопасности государств-членов и ЕС.

Безусловно, достижение высокого уровня кибербезопасности невозможно без развития и формирования интеллектуального потенциала. В связи с этим в организационную структуру ЕС Регламентом №2021/887 Европейского парламента и Совета от 20 мая 2021 [\[31\]](#) были включены еще два структурных элемента : Европейский центр компетенции по промышленной, технологической и исследовательской кибербезопасности (далее - Центр компетенции) и Сеть национальных координационных центров (далее - Сеть).

Согласно ст. 3 Регламента, роль Центра компетенции и Сети состоит в том, чтобы помочь ЕС в развитии технологического, академического общественного, исследовательского и промышленного потенциала кибербезопасности.

Из представленного следует, что в ЕС обеспечением кибербезопасности занимается разветвленная система органов. В качестве основных органов в области кибербезопасности можно выделить Агентство ЕС по кибербезопасности, Европейское оборонное агентство, Европол и Евроюст.

Учитывая, что сотрудничество и обмен информацией в решении проблем кибербезопасности являются важнейшими элементами для достижения высокого уровня защиты от киберугроз, необходимо создание согласованного механизма взаимодействия и сотрудничества между органами, задействованными в области кибербезопасности.

Характеризуя организационный механизм ЕС, профессор А.Я. Капустин также указывает,

что поддержание постоянного диалога и сотрудничества между институтами ЕС является существенной характеристикой взаимоотношений между институтами [\[32, с.232\]](#).

Так, с целью установления сотрудничества между Европолом и Агентством ЕС по кибербезопасности и оказания поддержки государствам-членам ЕС и его учреждениям в предотвращении и борьбе с киберпреступностью в 2014 г. было подписано Соглашение о стратегическом партнерстве между Агентством ЕС по кибербезопасности и Европолом [\[31\]](#), которое также закладывает основу для взаимодействия и взаимопомощи между данными организациями.

Тем не менее в правовом плане отправной точкой для установления сотрудничества между органами, занимающимися кибербезопасностью, послужила статья ст. 7 Регламента №2019/881 [\[13\]](#). В указанном Регламенте в качестве обязательства определено, что Агентство должно сотрудничать на оперативном уровне и налаживать взаимодействие с институтами, органами, учреждениями и агентствами Союза, включая CERT-EU, органами, занимающимися киберпреступностью, и органами, занимающимися защитой конфиденциальности и персональных данных.

Официально соглашение о сотрудничестве между Агентством и CERT-EU было установлено после подписания в 2021г. Меморандума о взаимопонимании [\[33\]](#), в котором определены области сотрудничества (наращивание потенциала, оперативное сотрудничество, а также знания и информация) и устанавливает примерное распределение ролей между ними: CERT-EU будет играть ведущую роль в оказании помощи институтам, органам и учреждениям ЕС, а Агентство будет вносить свой вклад в объеме и пределах, определенных его мандатом, и наоборот.

Кроме того, для улучшения сотрудничества между Европейским оборонным агентством, Агентством ЕС по кибербезопасности, Европейским центром по борьбе с киберпреступностью и CERT-EU был также подписан Меморандум о взаимопонимании [\[34\]](#). В Докладе [\[35\]](#) Европейской комиссии определено, что данный Меморандум укрепил сотрудничество и синергию между этими организациями в соответствии с их мандатами и способствовал дальнейшему развитию предоставления экспертных знаний, оперативной и технической поддержки ЕС и государствам-членам в области кибербезопасности.

В июне 2021 г. Европейская комиссия в своей Рекомендации [\[36\]](#) объявила о создании Совместного кибер-подразделения. Ранее предложение о его создании было изложено в политических руководящих принципах [\[37\]](#) председателя Европейской комиссии Урсулы фон дер Ляйен. Данная инициатива является важным шагом на пути к завершению европейской системы управления рисками в области кибербезопасности. Она направлена на обеспечение координации усилий в ЕС по предотвращению, обнаружению, сдерживанию, смягчению последствий и реагированию на крупномасштабные киберинциденты и кризисы.

Объединенное киберподразделение будет выступать в качестве платформы для обеспечения скоординированного реагирования ЕС на крупномасштабные киберинциденты и кризисы, а также для оказания помощи в восстановлении после этих атак.

Объединенное киберподразделение обеспечивает виртуальную и физическую платформу и не требует создания дополнительного автономного органа. Его создание не должно влиять на компетенцию и полномочия национальных органов по кибербезопасности и

соответствующих структур Союза. Оно объединяет все сообщества по кибербезопасности, то есть гражданское население, правоохранительные органы, дипломатию и оборону.

Участники платформы должны играть либо оперативную, либо вспомогательную роль. Оперативные участники должны включать Агентство по кибербезопасности, Европол, Группу реагирования на компьютерные чрезвычайные ситуации для институтов, органов и агентств ЕС, Европейскую комиссию, Европейскую службу внешних действий, сеть CSIRTs и Европейская сеть организации по связям с киберкризисами^[1] (далее - EU-CyCLONe). Вспомогательные участники должны включать Европейское оборонное агентство, председателя Горизонтальной рабочей группы Совета по киберпространству и одного представителя из проектов по кибербезопасности Постоянного структурированного сотрудничества.

Следует подчеркнуть, что в настоящий момент ЕС находится на пути к завершению европейской системы управления рисками в области кибербезопасности.

Результаты работы Агентства ЕС по кибербезопасности демонстрируют успешный опыт в объединении заинтересованных субъектов, деятельность которых направлена на обеспечение кибербезопасности. Принятые нормативные правовые акты в ЕС, усиливающие мандат Агентства по кибербезопасности ЕС, а также акты, регламентирующие деятельность в области кибербезопасности иных рассмотренных органов, подчеркивают эту необходимость.

Таким образом, подход ЕС к достижению высокого уровня кибербезопасности заключается в создании оптимальных условий для усиления дальнейшей координации и сотрудничества между соответствующими институтами, органами и агентствами ЕС. С целью оказания взаимной помощи киберсообществам, ответственным за кибербезопасность, за борьбу с киберпреступностью, за проведение кибердипломатии, за киберзащиту было инициировано создание Совместного кибер подразделения.

Завершая, следует отметить, что ЕС как региональная интеграционная организация, где государства-члены действуют на основе принципа взаимного доверия, представляет собой надежную платформу для решения проблем кибербезопасности. Это обстоятельство демонстрирует необходимость в дальнейшем укреплении сотрудничества между Российской Федерацией и ее партнерами на региональном уровне для достижения высокого общего уровня кибербезопасности.

^[1]С принятием в декабре 2022г. Директивы 2022/2555 официально была создана Европейская сеть организации по связям с киберкризисами (далее - EU-CyCLONe) для поддержки скоординированного управления инцидентами кибербезопасности в масштабах всего ЕС, а также для обеспечения регулярного обмена информацией между государствами членами и институтами, органами, офисами и агентствами ЕС.

Библиография

1. Кашкин С.Ю. Лиссабонский договор-новый этап развития права Европейского Союза // Государство и право. 2008. №9. С.59-66.
2. Regulation (EC) No 460/2004 of the European Parliament and of the Council of 10 March 2004 establishing the European Network and Information Security Agency // Official Journal of the European Union. 13.3.2004. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32004R0460> (дата обращения 20.02.2023 г.).

3. Judgment of the Court United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland v European Parliament and Council of the European Union. Regulation (EC) No 460/2004-European Network and Information Security Agency-Choice of legal basis. CaseC-217/04. 2 May 2006 C.10 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:62004CJ0217&from=EN> (дата обращения 20.02.2023 г.).
4. Directive 2002/21/EC of the European Parliament and of the Council of 7 March 2002 on a common regulatory framework for electronic communications networks and services (Framework Directive) // Official Journal. 24.04.2002. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=CELEX%3A32002L0021> (дата обращения 20.02.2023 г.).
5. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council On the evaluation of the European Network and Information Security Agency (ENISA) // Brussels. 1.6.2007. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:52007DC0285> (дата обращения 20.02.2023 г.).
6. Regulation (EC) no 1007/2008 of the European Parliament and of the Council of 24 September 2008 amending Regulation (EC) No 460/2004 establishing the European Network and Information Security Agency as regards its duration // Official Journal of the European Union. 31.10.2008. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32008R1007&from=EN> (дата обращения 20.02.2023 г.).
7. Council Resolution of 18 December 2009 on a collaborative European approach to Network and Information Security 2009/C 321/01 // Official Journal of the European Union. 29.12.2009. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32009G1229%2801%29> (дата обращения 20.02.2023 г.).
8. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council concerning the European Network and Information Security Agency (ENISA) // Brussels. 30.9.2010. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52010PC0521&from=EN> (дата обращения 20.02.2023 г.).
9. Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the regions Cybersecurity Strategy of the European Union: An Open, Safe and Secure Cyberspace // Brussels. 7.2.2013. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52013JC0001&from=EN> (дата обращения 20.02.2023 г.).
10. Regulation (EU) No 580/2011 of the European Parliament and of the Council of 8 June 2011 amending Regulation (EC) No 460/2004 establishing the European Network and Information Security Agency as regards its duration Text with EEA relevance // Official Journal of the European Union. 24.6.2011. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32011R0580&from=EN> (дата обращения 20.02.2023 г.).
11. Regulation (EU) No 526/2013 of the European Parliament and the Council of 21 May 2013 concerning the European Union Agency for Network and Information Security (ENISA) and repealing Regulation (EC) No 460/2004 // Official Journal of the European Union. 18.6.2013. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX:32013R0526> (дата обращения 20.02.2023 г.).

20.02.2023 г.).

12. Directive (EU) 2016/1148 of the European Parliament and of the Council of 6 July 2016 concerning measures for a high common level of security of network and information systems across the Union // Official Journal of the European Union. 19.07.2016. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32016L1148&from=EN> (дата обращения 20.02.2023 г.).
13. Regulation (EU) 2019/881 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on ENISA (the European Union Agency for Cybersecurity) and on information and communications technology cybersecurity certification and repealing Regulation (EU) No 526/2013 (Cybersecurity Act) // Official Journal of the European Union. 07.06.2019. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2019.151.01.0015.01.ENG (дата обращения 20.02.2023 г.).
14. Decision 2002/187/JHA — setting up Eurojust with a view to reinforcing the fight against serious crime // Official Journal of the European Communities. 6.3.2002. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32002D0187> (дата обращения 20.02.2023 г.).
15. Regulation (EU) 2018/1727 of the European parliament and of the Council of 14 November 2018 on the European Union Agency for Criminal Justice Cooperation (Eurojust), and replacing and repealing Council Decision 2002/187/JHA/ // Official Journal of the European Union. 21.11.2018. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32018R1727&from=BG> (дата обращения 20.02.2023 г.).
16. Conclusions of the Council of the European Union on the European Judicial Cybercrime Network-Council conclusions // Brussels. 9 June 2016. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.consilium.europa.eu/media/24301/network-en.pdf> (дата обращения 20.02.2023 г.).
17. Четвериков А.О. Решение Совета от 6 апреля 2009 г. о создании Европейского полицейского ведомства (Европол) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eulaw.ru/translation/reshenie-o-sozdanii-evropola/> (дата обращения 20.02.2023 г.).
18. Ilbiz E., Kaunert C. Europol and cybercrime: Europol's sharing decryption platform // Journal of Contemporary European Studies. 2021. С.3
19. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council the EU Internal Security Strategy in Action: Five steps towards a more secure Europe // Brussels. 22.11.2010. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A52010DC0673> (дата обращения 20.02.2023 г.).
20. Communication From The Commission To The Council And The European Parliament Tackling Crime in our Digital Age: Establishing a European Cybercrime Centre // Brussels. 28.3.2012. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:52012DC0140> (дата обращения 20.02.2023 г.).
21. Robinson N., Disley E., Potoglou D., Reding A., Culley D. M., Maryse M., Botterman M., Carpenter G., Blackman C., Millard J. Feasibility Study for a European Cybercrime Centre // RAND Corporation. 2012.
22. Miadzvetskaya Y., Wessel R.A. The Externalisation of the EU's Cybersecurity Regime:

- The Cyber Diplomacy Toolbox // European Papers. 2022. No. 27/2022. 7(1). С. 413-438.
23. Operational guidance for the EU's international cooperation on cyber capacity building // Luxembourg: Publications Office of the European Union. 2018. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.iss.europa.eu/content/operational-guidance-eu%E2%80%99s-international-cooperation-cyber-capacity-building> (дата обращения 20.02.2023 г.).
 24. Council decision of 26 July 2010 establishing the organisation and functioning of the European External Action Service 2010/427/EU/ // Official Journal of the European Union. 3.8.2010. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2010:201:0030:0040:EN:PDF> (дата обращения 20.02.2023 г.).
 25. Duic D. The EEAS as a Navigator of EU Defence Aspects in Cyberspace/ Duic D. // European Foreign Affairs Review. –2021.–№
 26. – С. 101 – 114. 26. Council Joint Action 2004/551/CFSP of 12 July 2004 on the establishment of the European Defence Agency // Official Journal. 17.7.2004. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32004E0551> (дата обращения 20.02.2023 г.).
 27. EU Policy on Cyber Defence // Brussels. 10.11.2022 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/Comm_cyber%20defence.pdf (дата обращения 20.02.2023 г.).
 28. Council Decision (CFSP) 2017/2315 of 11 December 2017 establishing permanent structured cooperation (PESCO) and determining the list of participating Member States // Official Journal of the European Union. 14.12.2017 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A32017D2315> (дата обращения 20.02.2023 г.).
 29. Renda K.K. The development of EU cybersecurity policy: from a coordinating actor to a cyber power? // Ankara AvrupaÇalışmalarıDergisi. N2.2021. С. 467-495
 30. European Union Military Vision and Strategy on Cyberspace as a Domain of Operations // (EEAS(2021) 706 REV 4, 15 September 2021. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32004E0551> (дата обращения 20.02.2023г.).
 31. Regulation (EU) 2021/887 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2021 establishing the European Cybersecurity Industrial, Technology and Research Competence Centre and the Network of National Coordination Centres // Official Journal of the European Union. 8.6.2021. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32021R0887> (дата обращения 20.02.2023 г.).
 32. Капустин А.Я. Общая характеристика основных принципов институциональной системы Европейского Союза // Известия высших учебных заведений. правоведение.№1.2000. С.232.
 33. Agreement on strategic co-operation between the European Union Agency for Network and information security and the European Police office (26.06.2014) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.europol.europa.eu/cms/sites/default/files/documents/Agreement_on_Strategic_Co-operation_between_the_European_Union_Agency_for_Network_and_Information_Security_and_the_European_Police_Office.pdf (дата обращения 20.02.2023)
 34. Memorandum of Understanding on structured cooperation between ENISA and CERT-EU

- (15.02.2021). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.enisa.europa.eu/about-enisa/structure-organization/management-board/management-board-decisions/mb-decision-2021-4-on-structured-cooperation-with-cert-eu-with-annex-mou> (дата обращения 20.02.2023г.).
35. Memorandum of Understanding The European Union Agency for Network and Information Security (ENISA) of the first The European Defence Agency (EDA) of the second part, Europol's European Cybercrime Centre (EC3) of the third part, The Computer Emergency Response Team for the EU Institutions, Agencies and Bodies (CERT-EU) of the fourth part (23.05.2018) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eda.europa.eu/docs/default-source/documents/mou---eda-enisa-cert-eu-ec3---23-05-18.pdf> (дата обращения 20.02.2023 г.)
36. Commission Recommendation (EU) 2021/1086 of 23 June 2021 on building a Joint Cyber Unit // Official Journal of the European Union. 5.7.2021. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32021H1086> (дата обращения 20.02.2023 г.)
37. Ursula von der Leyen A Union that strives for more My agenda for Europe : political guidelines for the next European Commission 2019-2024. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/43a17056-ebf1-11e9-9c4e-01aa75ed71a1> (дата обращения 20.02.2023 г.)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. Предметом рецензируемой статьи "Правовой статус органов и учреждений Европейского Союза в области обеспечения кибербезопасности" являются нормы права, закрепленные в международно-правовых актах, определяющие правовое положение органов (организаций) Европейского Союза, на которые возложены функции по обеспечению международной информационной безопасности государств-членов.

Методология исследования. Методологический аппарат этой научной работы составили современные методы познания: исторический, формально-логический, юридико-технический, формально-догматический, сравнительного правоведения и др. Также автором статьи применялись такие научные способы и приемы, как дедукция, моделирование, систематизация и обобщение. Основной метод - сравнительный анализ. В работе использовалось сочетание теоретической и эмпирической информации.

Актуальность исследования. Глобальная цифровизация и построение информационного общества (с переходом к обществу знаний) безусловно кроме "удобств" несет много вызовов, рисков и угроз, что требует принятия соответствующих юридических, организационных и технических мер, в том числе на международном уровне. Организационно-правовой опыт Европейского Союза может представлять не только научный, но и практический интерес. Заслуживает внимания вопрос об организации (структуре органов) обеспечения информационной безопасности на территории Европейского Союза.

Научная новизна исследования. Вопросы обеспечения кибербезопасности, включая организацию деятельности органов (организаций) Европейского Союза, были предметом исследования таких авторов как В.А. Гирис, В.И. Пантин, А.К. Паньковская и др. Однако выбранный автором этой статьи аспект исследования имеет элементы научной новизны: впервые аргументируется необходимость и целесообразность особого учреждения: "с целью оказания взаимной помощи киберсообществам, ответственным за

кибербезопасность, за борьбу с киберпреступностью, за проведение кибердипломатии, за киберзащиту было инициировано создание Совместного киберподразделения".

Стиль, структура, содержание. Статья написана научным стилем, с применением специальной терминологии. Материал изложен последовательно, грамотно и ясно. Позиция автора аргументирована. Статья хотя формально не разделена на части, тем не менее логически структурирована (введение, основная часть и заключение) . Заявленная автором тема раскрыта, по содержанию статья соответствует своему названию. Хотя, на взгляд рецензента, возможно некорректно использование в названии статьи термина "учреждения", т.к. необходимо его разъяснение. Можно только домыслить, что автор имел ввиду такую юридическую категорию как "организация", поскольку "учреждение" для юристов - это особая организационно-правовая форма некоммерческих организаций.

Библиография. Несмотря на достаточно большой перечень использованных источников, можно сделать замечание, что автором не изучены работы других ученых (выше о них упоминалось: В.А. Гирис, В.И. Пантин, А.К. Паньковская), которые тоже изучали проблемы международной информационной безопасности Европейского Союза. Нет в статье ссылок на работы ведущего российского специалиста в области информационного права и информационной безопасности Т.А. Поляковой.

Апелляция к оппонентам. Обращение к точкам зрения других ученых корректное, все заимствования оформлены в форме цитирования со ссылками на источник опубликования.

Выводы, интерес читательской аудитории. Рецензируемая статья "Правовой статус органов и учреждений Европейского Союза в области обеспечения кибербезопасности" отвечает требованиям, предъявляемым к научным публикациям, является актуальной, практически значимой и содержит элементы научной новизны. Данная работа рекомендуется к опубликования в научном журнале "Международное право и международные организации / International Law and International Organizations". поскольку отвечает редакционной политике этого издания. Статья может представлять интерес для специалистов в области информационного права и информационной безопасности, международного права, а также преподавателей, докторантов, аспирантов, магистрантов и студентов юридических факультетов и вузов.

Международное право и международные организации / International Law and International Organizations

Правильная ссылка на статью:

Топорнин Н.Б. — Правовые основы регулирования санкционных мер в Европейском Союзе // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. – 2023. – № 1. – С. 42 - 54.
DOI: 10.7256/2454-0633.2023.1.40014 EDN: BBBIYR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40014

Правовые основы регулирования санкционных мер в Европейском Союзе

Топорнин Николай Борисович

ORCID: 0000-0003-4658-9466

кандидат юридических наук

доцент, кафедра Европейского права, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

1194554, Россия, Москва, г. Москва, ул. Лобачевского, 76, оф. 302

✉ n.topornin@yandex.ru

[Статья из рубрики "Интеграционное право и наднациональные объединения"](#)

DOI:

10.7256/2454-0633.2023.1.40014

EDN:

BBBIYR

Дата направления статьи в редакцию:

20-03-2023

Дата публикации:

27-03-2023

Аннотация: Предметом настоящей статьи являются правовые основы механизма принятия санкций (ограничительных мер) в рамках Европейского союза. Автор проследил эволюцию применения санкций с момента создания Европейского экономического сообщества (1957) до наших дней, проанализировал соответствующие разделы важнейших учредительных актов ЕС и рассмотрел особенности санкционного механизма Евросоюза на современном этапе. В последние десятилетия практика применения политических и экономических санкций значительно расширилась в системе международных отношений. При этом если раньше инициатором международных ограничительных мер как правило выступал Совет Безопасности ООН, то сейчас в мире доминируют односторонние национальные санкции, принимаемые на основе внутригосударственных политико-правовых норм. Несколько особняком в этом процессе стоят страны Европейского союза, которые руководствуются коллективными санкционными мерами, утвержденными в рамках ЕС. Цель данной статьи заключается в изучении особенностей санкционной политики ЕС, определении правовой природы

коллективных санкций, а также их соответствие действующим принципам и стандартам современного международного права. В ходе эволюции Европейского союза как субъекта международно-правовых отношений особое место было отведено формированию общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ) ЕС. Автор приходит к выводу, что постепенное превращение экономического объединения в политический союз привело к необходимости проведения единой согласованной политики на международной арене. По мнению автора, на современном этапе санкционные меры Евросоюза стали неотъемлемой частью ОВПБ, усиливая его роль и значение в качестве важного звена системы международных отношений. При этом ЕС, не обладая своими вооруженными силами, все больше рассматривает коллективные санкции как инструмент своего политического и экономического влияния в мире. Новизна данного исследования заключается в рассмотрении санкционного механизма ЕС с точки зрения формирования единой общей внешней политики этого наднационального объединения.

Ключевые слова:

санкции, ограничительные меры, Европейский союз, ЕС, общая внешняя политика, международное право, Лиссабонский договор, ОВПБ, Верховный представитель, европейские ценности

Санкции или ограничительные меры являются одним из важнейших инструментов внешней политики и политики безопасности в Европейском союзе, посредством которых ЕС может воздействовать на субъекты международных отношений в целях предотвращения возникновения конфликтов или урегулирования существующих кризисных ситуаций. Несмотря на достаточно ясное понимание в юридико-лингвистической трактовке термина «санкции» или «ограничительные меры» («рестриктивные меры») в Европейском союзе не считают, что они носят исключительно «наказуемый» или «карательно-штрафной» характер. По логике европейских политиков санкции направлены на изменение политики или поведения того или иного субъекта международных отношений, которые ответственны за противоправные с точки зрения ЕС действия.

Действительно, одним из ярко выраженных трендов в области международных отношений последних двух десятилетий стало значительное расширение практики использования санкционных мер, в которые как правило включались различные ограничения широкого спектра действия одних субъектов международного права против других. Главной целью таких действий является изменение политики и (или) поведения «токсичного» участника международных отношений, который по мнению инициаторов санкций нарушает принципы и стандарты международного права, в первую очередь устав ООН и вытекающие из практики деятельности Совета Безопасности ООН нормативные документы, а также региональные соглашения по вопросам безопасности, территориальной целостности и соблюдения прав человека. Классическое международное право относит разработку и применение мер санкционного характера к исключительной компетенции Совбеза ООН, однако в последние годы на практике это оказалось затруднительным по целому ряду причин. Главной проблемой стало наличие «права вето» у постоянных членов СБ ООН, которое они могут накладывать на любое решение или резолюцию ключевого органа этой всемирной международной организации. В результате, учитывая принципиальное противостояние США и СССР в годы «холодной войны», деятельность СБ ООН вплоть до

последней декады прошлого столетия в сфере использования своих санкционных полномочий была практически незаметной. Государства в большинстве случаев прибегали к использованию национальных санкционных механизмов в индивидуальном порядке или по договоренности с группами стран, как правило в рамках «западного сообщества».

Во время «холодной войны» СБ ООН лишь дважды удалось согласовать и применить коллективные экономические санкции, в одном случаях они были направлены против Южной Африки (1962-1994), в другом против Родезии (ныне Зимбабве) (1965-1968). Тогда еще не было Европейского союза в нынешнем виде, а только формировалось Европейское Экономическое Сообщество (ЕЭС), состоявшее из 6 государств, и которое не имело ярко выраженной внешнеполитической компетенции. Поэтому страны ЕЭС в некоторых довольно редких случаях прибегали как правило к использованию односторонних национальных санкций. И даже когда СБ ООН ввел санкции против Южной Родезии, европейские страны решили обеспечить их выполнение не через институты Сообщества, а через свои национальные санкционные механизмы.

Вообще на начальном этапе формирования и развития деятельности ЕЭС вопросам внешней политики санкционным мерам практически не уделялось должного внимания, так как это не было отражено в Римском договоре 1957г, являвшимся правовым фундаментом при создании ЕЭС. Поэтому санкции длительное время оставались в сфере компетенции отдельных европейских государств (включая и тех, кто не входил в ЕЭС), которые выполняли редкие санкционные резолюции СБ ООН, либо действовали по своему усмотрению, исходя из собственных национальных интересов (в частности, в отношении своих колоний в Африке и Азии). Так, например, Франция дважды вводила экономические ограничения против Туниса, своей бывшей колонии: в первый раз в 1957-1963 годах с целью прекращения поддержки алжирских повстанцев со стороны тунисского правительства, и второй раз в 1964-1966 гг. во время конфликта вокруг экспроприации аграрных земель, принадлежавших французским гражданам в Тунисе. Великобритания также дважды прибегала к односторонним санкциям, приняв ограничительные меры против Уганды в 1972-1979 гг. и против Южной Родезии в 1965-1979 гг.

Если в отношении третьих стран страны-члены ЕЭС могли по своему усмотрению использовать национальные меры воздействия, то в отношении друг друга такой компетенции у них не было. Римский договор 1957 г.^[1] не разрешал государствам ЕЭС применять ограничительные меры в таможенной сфере в отношении членов Сообщества, в первую очередь, путем введения квот и количественных ограничений во взаимной торговле ^[1, ст.30-32]. В рамках создаваемого на территории ЕЭС таможенного союза запрещалось установление импортных и экспортных таможенных пошлин и любых других равнозначных сборов в торговых отношениях между государствами-членами. Кроме того, не допускалось введение ограничительных мер в отношении импортных товаров третьих стран, попавших на территорию стран ЕЭС с соблюдением всех необходимых формальностей ^[1, ст. 9-10].

Начавшийся в 1970-80 гг. процесс расширения и более глубокой экономической интегрированности Европейского Сообщества оказал достаточно большое влияние на повышение уровня консолидации действий европейских государств. Это касалось как взаимодействия в рамках создания «Общего рынка» внутри ЕЭС, так и совместных действий на внешней арене. В 1979 г. заработал Европарламент, новый законодательный институт Сообщества, который впервые был сформирован на основе

прямых демократических выборов. Он стал важным постоянно действующим политическим форумом ЕЭС, в рамках которого стали активнее обсуждаться внешнеполитические процессы. Европарламент в немалой степени способствовал эффективной реализации механизма Европейского политического сотрудничества, который появился несколькими годами ранее и который официально сформировался с вступлением в силу Единого европейского акта в 1987г. [\[2\]](#)

Период 1970-1980 гг. стал важным этапом в углублении интеграционных процессов в ЕЭС, все больше добавляя структурированности элементам политического взаимодействия при построении единого внутреннего рынка в рамках Сообщества. Вполне логично, что подписанный в феврале 1992г. Маастрихтский договор о Европейском союзе (ЕС) [\[3\]](#) заложил путь к трансформации ЕЭС в экономический, политический и валютный союз. Этот важнейший системообразующий нормативный акт привнес существенные изменения в различные сферы жизнедеятельности Евросоюза, в частности, в области международной юрисдикции объединения появилась отдельная «опора», посвященная проведению общей внешней политики и политики безопасности ЕС (далее ОВПБ). В разделе V Маастрихтского договора впервые были изложены цели ОВПБ и в общем плане были установлены пути их достижения на практике.

Нужно отметить, что сфера ведения ОВПБ была отнесена к сфере совместной компетенции Союза и его государств-членов и имела ярко выраженный характер межправительственного сотрудничества. Так, основными полномочиями в рамках ОВПБ наделялся важнейший наднациональный институт Союза - Совет ЕС, который мог принимать решения и предписания по инициативе государств-членов на основе единогласия (консенсуса). Другие институты ЕС выполняли в основном лишь консультативно-вспомогательные функции, например, Европарламент лишь информировался о предпринимаемых действиях, а Европейская комиссия, которая являлась «мотором» Евросоюза в сфере реализации торгово-таможенной и внешнеэкономической политики, в рамках ОВПБ выполняла вспомогательные функции по обеспечению согласованности действий государств-членов ЕС в рамках выработанных общих подходов по внешнеполитическим вопросам. Финансовые расходы, связанные с осуществлением ОВПБ, покрывались в большинстве случаев из национальных бюджетов государств-членов Евросоюза.

На практике оказалось, что новая конструкция взаимодействия в сфере ОВПБ не отличалась большой эффективностью вследствие различных внешнеполитических интересов стран ЕС, которые порой бывали диаметрально противоположными. Возникавшие кризисные ситуации в Африке, на Ближнем Востоке и особенно в Югославии со всей очевидностью показали неготовность Европейского союза к быстрой и своевременной согласованной реакции на эти события, в результате чего его имидж как влиятельной политической силы в международных отношениях серьезно страдал в глазах мирового сообщества.

Стало очевидно, что для повышения эффективности и согласованности действий на внешней арене было необходимо разработать новые механизмы и процедуры ОВПБ. В этом и заключалась одна из основных задач Межправительственной конференции по пересмотру и дополнению Маастрихтского договора (МПК), по итогам которой в июне 1997 года был одобрен пакет масштабных поправок, которые стали фундаментом принятого нового Амстердамского договора [\[4\]](#). В его тексте раздел по ОВПБ уже состоял из 18 статей, из которых лишь 6 статей практически дословно воспроизводили соответствующие статьи Маастрихтского договора. Такие вопросы, как координация

действий государств-членов Союза в международных организациях, включая Совет Безопасности ООН, взаимодействие их загранпредставительств, сотрудничество с Европарламентом, порядок внесения предложений и инициатив в Совет ЕС, функции Политического комитета и Еврокомиссии не претерпели изменений по сравнению с Маастрихтским договором. Три статьи раздела V Амстердамского договора содержали концептуально новые положения: о механизме принятия решений (J.13), о порядке заключения международных соглашений (J.14) и о полномочиях Высокого представителя по ОВПБ (J.16).

Остальные 9 статей были в той или иной степени изменены и дополнены по сравнению с текстом Маастрихтского договора. Некоторые поправки носили уточняющий характер, но ряд нововведений характеризовал эволюцию позиции Союза по вопросам внешней политики и безопасности. В частности, если пункт статьи J.1 Договора о ЕС 1993 г. относил определение и осуществление ОВПБ к совместной компетенции Союза и его государств-членов, то в редакции статьи J.1 Амстердамского договора речь уже идет об этой функции только в отношении Союза. Соответственно, одна из главных целей ОВПБ - укрепление общей безопасности всеми доступными способами - уже не относилась к ведению государств-членов, а входила в круг ведения всего Союза в целом (п. 2 статьи J.1).

Согласно положениям Амстердамского договора произошло определенное укрепление роли и значения Еврокомиссии в сфере ОВПБ. Так, новый пункт 4 статьи J.4 предусматривал, что "Совет может просить Комиссию представить ему любые соответствующие предложения, касающиеся ОВПБ, для обеспечения осуществления совместных действий". По сути Еврокомиссия получила *de facto* право инициативы по выдвижению предложений в области ОВПБ, которое до этого в перечне полномочий у нее не значилось. Стоит также отметить и повышение роли Европейского парламента в сфере ОВПБ. И хотя формально в текст Амстердамского договора не были включены положения, прямо расширяющие его внешнеполитическую компетенцию, тем не менее к мнению Европарламента по важнейшим аспектам ОВПБ стали более внимательно относиться в Совете ЕС, учитывая возросший политический вес европейских законодателей при принятии общих важнейших решений в рамках Евросоюза.

Одной из новелл Амстердамского договора во внешнеполитической сфере стало учреждение поста Высокого представителя по ОВПБ. Отсутствие должностного лица в ЕС, которое бы персонифицировало внешнюю политику ЕС на мировой арене, справедливо оценивалось многими политиками в 90-е гг. прошлого столетия как явно негативный фактор, существенно снижающий имидж и состоятельность Союза в международных отношениях. Но в то же время инновационное предложение Франции ввести специальную высокую политическую должность для координации в сфере ОВПБ было оценено большинством государств-членов как слишком смелое и далеко идущее. Возникали опасения, что весомое политическое должностное лицо могло бы серьезно влиять на поддержание баланса интересов, сложившегося в отношениях Союза и его государств-членов в сфере ОВПБ. В результате поддержку получила компромиссная идея – наделить административными и представительскими функциями в вопросах ОВПБ должностное лицо, которое уже было упомянуто в действующих договорах. В итоге статья J.8 Амстердамского договора установила, что Высшим представителем Союза по ОВПБ становился Генеральный секретарь Совета, который соответствии со статьей 151 ДЕС назначался на должность единогласным решением Совета.

Первым и единственным человеком, занявшим должность Генерального секретаря Совета ЕС, стал бывший Генеральный секретарь НАТО Х.Солана (Испания). Согласно

статье J.16 "Генеральный секретарь Совета, Высокий Представитель по ОВПБ, помогает Совету в вопросах, охватываемых сферой ОВПБ, в том числе путем содействия в формулировании, подготовке и осуществлении политических решений и в тех случаях, когда это необходимо и когда есть запрос со стороны страны-председателя Совета, он от его имени осуществляет политический диалог с третьими сторонами».

Амстердамский договор в значительной степени усилил компетенцию Союза в вопросах проведения общей внешней политики, однако нельзя сказать, что полностью исчезли расхождения в трактовке тех или иных международных событий, а согласованность действий в сфере ОВПО достигла желаемого уровня. Усилить единый голос ЕС на внешней арене была призвана подписанная в 2004 г. Конституция ЕС (Договор о введении Конституции для Европы) ^[5], в которой значительно расширялась компетенция Союза по вопросам общей внешней политики и политики безопасности, однако провал референдумов по одобрению Конституции ЕС в Голландии и Франции поставил на паузу усилия брюссельских политиков по повышению роли Союза в сфере ОПВБ. Тем не менее их старания не пропали даром и многие идеи и положения Конституции ЕС нашли свое выражение в тексте Лиссабонского договора ^[6], подписанного 13 декабря 2007 г. и вступившего в силу 1 декабря 2009 г.

В рамках Лиссабонского договора (ЛД) деятельность ЕС на международной арене осуществляется исходя из принципов и стандартов, которые лежали в основе его создания и последующей эволюции. Их перечень изложен в статье 21 (1) ЛД, и состоит из таких категорий как:

- демократия,
- правовое государство
- всеобщность и неделимость прав человека и основных свобод
- уважение человеческого достоинства
- равенство и солидарность
- соблюдение положений Устава ООН и международного права.

При этом теперь ЕС четко обозначил свои цели во всех сферах международных отношений. Сюда относятся:

- защита европейских ценностей, основополагающих интересов в вопросах безопасности, независимости и целостности;
- консолидация и поддержка демократии, правового государства, прав человека и принципов международного права;
- сохранение мира, предотвращение конфликтов и укрепление международной безопасности в соответствии с целями и принципами Устава ООН, а также принципами Хельсинского Заключительного акта и целями Парижской хартии (подписана 21.11.1990 г. в рамках ОБСЕ), включая те, которые относятся к внешним границам;
- поддержка устойчивого развития в экономическом, социальном и экологическом плане развивающихся стран, ставя основной целью искоренение бедности;
- поощрение интеграции всех стран в мировую экономику, в том числе за счёт

постепенной отмены препятствий на пути международной торговли;

- содействие выработке международных мер по сохранению и улучшению качества окружающей среды и надёжному управлению мировыми природными ресурсами для обеспечения устойчивого развития;
- оказание помощи населению, странам и регионам, которые сталкиваются с катастрофами, вызываемыми природными факторами или человеком;
- развитие международной системы, основанной на усиленном многостороннем сотрудничестве и хорошем глобальном управлении.

Несмотря на то, что в Лиссабонском договоре была устранена установленная Маастрихтским договором «система трех опор», сфера ОВПБ не только не потеряла свою значимость, а наоборот, она была значительно переработана и получила ряд важных дополнений и изменений. Во-первых, нужно отметить, что был учрежден пост президента (председателя) Европейского совета, избираемого на 2,5 года. Среди его полномочий согласно ст.15 (п.6) выделено положение обеспечивать представительство Союза на международной арене по вопросам, относящимся к общей внешней политике и политике безопасности, но без ущерба полномочиям Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности.

Другим важным нововведением ЛД стало учреждение поста Верховного представителя Союза по иностранным делам и политике безопасности, которому были переданы все функции и полномочия Генерального секретаря Совета ЕС. Он назначается Европейским советом на основе квалифицированного большинства с согласия председателя Еврокомиссии и ответственен за проведение согласованной общей внешней политики и политике безопасности Союза. В его подчинение была переведена Европейская служба внешнеполитической деятельности Союза, включая посольства ЕС в-третьих странах и представительства при международных организациях. Под его руководством начала функционировать специальная «формация» Совета ЕС - Совет министров иностранных дел. Он также получил должность вице-председателя Еврокомиссии и может быть отправлен в отставку Европарламентом в случае вынесения ей вотума недоверия.

Важной функцией Верховного представителя по иностранным делам стала разработка предложений и инициатив в сфере международной политики ЕС и их реализация в случае одобрения Советом ЕС. На практике он стал своего рода «министром иностранных дел» Союза, ответственным за внешнюю политику и политику безопасности ЕС в современных условиях. Он также занимает ключевую позицию в санкционном механизме Евросоюза, предлагая конкретные ограничительные меры и контролируя их исполнение.

В отличие от Маастрихтского и Амстердамского договоров в новом Договоре о функционировании Европейского союза (ДФЕС) появился отдельный раздел (IV), посвященный ограничительным мерам. Он, правда, состоит всего из одной статьи (ст. 215), однако ее значение нельзя недооценивать, так как она создала непосредственный правовой фундамент для санкционных действий. Во-первых, предложения по ограничительным мерам готовит Верховный представитель по иностранным делам и политике безопасности и совместно с Еврокомиссией он вносит их в Совет ЕС. Во-вторых, окончательное решение о принятии ограничительных мер выносит Совет ЕС на основе консенсуса или квалифицированного большинства в зависимости от их предметной направленности. В-третьих, санкционные меры могут предусматривать полное или частичное приостановление или сокращение экономических и финансовых отношений с одной или несколькими третьими странами. В-четвертых, Совет ЕС также

уполномочен принимать ограничительные меры против физических и юридических лиц, групп лиц или негосударственных образований.

Отдельно стоит остановиться на вопросах так называемых «правовых гарантий» по принимаемым санкциям. Речь идет о правомерности с точки зрения права ЕС утвержденных ограничительных мер и возможности со стороны заинтересованной стороны их обжаловать. По общим правилам «гарантом справедливости» в Европейском союзе выступает Суд ЕС, однако в силу статьи 275 ДФЕС он не обладает полномочиями в отношении положений по общей внешней политике и политике безопасности, равно как и в отношении актов, принимаемых на их основе. Тем не менее указанное положение не запрещает физическим и юридическим лицам обращаться в Суд ЕС с целью отмены введенных санкций, и многие пользуются этим правом на практике. В общем плане юридические и физические лица, на которых наложены такие меры, могут оспорить их в Суде Европейского Союза по признакам разумности, обоснованности, соразмерности и пропорциональности.

Вместе с тем в случае оспаривания актов Евросоюза о вынесенных санкциях Суд ЕС обладает ограниченной юрисдикцией, так как он рассматривает только вопросы, касающиеся соблюдения процедурных моментов и оценке достоверности использованных фактологических данных при принятии мер в отношении физических и юридических лиц, но не субстантивную сторону и содержательную мотивировку самих санкций. Иначе говоря, Суд ЕС не вправе вмешиваться ни в вопросы правомерности принятых санкций, ни подвергать сомнению детальное содержание вынесенных ограничительных мер.

Нельзя оставить без внимания вопрос о методике подготовки набора ограничительных мер в отношении тех или иных физических лиц. В этом плане важное место занимает документ под названием «Руководящие принципы по имплементации и оценке ограничительных мер (санкций) в рамках общей внешней политики и политики безопасности ЕС» [\[7\]](#) (2018). Здесь изложены базовые дефиниции и понятия, раскрывается содержание применяемых терминов и категорий, оговариваются процедурные положения, характеризуются те или иные ограничительные меры, сроки их действия, порядок обжалования принятых санкций и тд. Так, в частности, в «Руководящих принципах» содержится перечень возможных категорий ограничительных мер, к ним в первую очередь относятся эмбарго на поставку вооружений и комплектующих к ним, запрет на поставку разного рода товаров и оборудования, в том числе товаров «двойного назначения», ограничения на въезд в ЕС, финансовые санкции широкого спектра. В отличие от санкций отдельных государств (например, США), ограничительные меры Европейского союза всегда имеют лимитированный срок действия. Чаще всего санкции ЕС принимаются на 6 месяцев или на год, по истечении которых они могут быть пролонгированы. Если этого не происходит, то санкции прекращают свое действие автоматически, никаких специальных документов об их отмене принимать не требуется.

Контроль за исполнением решений Совета ЕС по уже принятым мерам осуществляет в первую очередь аппарат Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности и секретариат Комиссии ЕС, на которые возлагается прямая ответственность в силу положений главы 2 ДЕС, а также другие заинтересованные институты и органы ЕС. На данный момент каких-то санкций за нарушение или обход ограничительных мер на уровне ЕС не предусмотрено, это относится к компетенции государств-членов, однако, как показала практика последнего времени, необходимость в таком законодательстве есть и работа в данном направлении уже началась.

Наряду с анализом правового фундамента ограничительных мер ЕС и инструментов введения санкций на практике нельзя оставить без внимания вопрос об их эффективности в современной системе международных отношений. Многие российские и зарубежные эксперты отмечают, что далеко не всегда санкции ЕС достигают своей конечной цели, а в ряде случаев они наносят больше ущерба самому Европейскому союзу, чем адресату ограничительных мер. Такие оценки, безусловно, имеют под собой основания, так как далеко не всегда удастся точно просчитать и спрогнозировать последствия действий санкционных мер. Но является ли это главным индикатором эффективности введенных санкций? Как уже отмечалось, ЕС не рассматривает ограничительные меры только как карательно-штрафной инструмент воздействия на поведение третьих стран, отдельных юридических и физических лиц. Главная цель принимаемых санкций состоит в том, чтобы побудить объект ограничительных мер изменить свое поведение (политику) и привести его в соответствие с ценностями и стандартами самого Европейского союза, а также с основополагающими принципами ООН и международного права. И здесь так называемые «количественные» оценки эффективности санкций уступают место «качественным», то есть в конечном счете не так важно, как быстро и с какими последствиями они будут реализованы, важно то, что они должны привести к искомому результату. Поэтому принимаемые ограничительные меры могут действовать не один год, они постоянно дополняются и изменяются, становятся все более «чувствительными» и в конечном счете в большинстве случаев приводят к требуемому результату.

При этом санкции ЕС нельзя рассматривать как какие-то отдельные меры воздействия на участников международных отношений в силу тех или иных сложившихся политических обстоятельств. В рамках действующего сегодня в ЕС законодательства механизм применения санкции является неотъемлемой частью проводимой общей внешней политики и политики безопасности Союза с целью продвижения в мире установленных европейских демократических ценностей с одной стороны, и защиты геополитических и экономических интересов Евросоюза в целом и интересов отдельных государств-членов ЕС с другой стороны. С учетом все более растущей роли ЕС в современном мире и поставленной задачи повышения политического веса Союза в будущем можно с уверенностью предположить, что значение инструмента использования санкционных мер будет только возрастать.

Библиография

1. Treaty establishing the European Economic Community, Rome, 1957, <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A11957E%2FTXT>
2. Single European Act, OJ L 169, 29.6.1987, p. 1-28
3. Treaty on European Union, Title V, OJ C 191, 29.7.1992, p. 1-112
4. Treaty of Amsterdam amending the Treaty on European Union, the Treaties establishing the European Communities and certain related acts, OJ C 340, 10.11.1997, p. 1-144
5. Draft Treaty establishing a Constitution for Europe, OJ C 169, 18.7.2003, p. 1-150
6. Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon, 13 December 2007, OJ C 306, 17.12.2007, p. 1-271
7. Guidelines on implementation and evaluation of restrictive measures (sanctions) in the framework of the EU Common Foreign and Security Policy, <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-5664-2018-INIT/en/pdf>

8. Miadzvetskaya, Y., & Challet, C. (2022). Are EU restrictive measures really targeted, temporary and preventive? The case of Belarus. *Europe and the World: A law review*. 2022. № 6 (1). doi: <https://doi.org/10.14324/111.444.ewlj.2022.03>.
9. Wessel, R., & Anttila, E., & Obenheimer, H., & Ursu. A. (2021). The Future of EU Foreign, Security and Defence Policy: Assessing Legal Options for Improvement. *European Law Journal*. 2021. № 26 (5–6).
10. Urbanski. K. (2020). *The European Union and International Sanctions-A Model of Emerging Actorness*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
11. Nanopoulos, E. (2020). *The Juridification of Individual Sanctions and the Politics of EU Law*. Bloomsbury Publishing.
12. Happold, M. (2016). Targeted Sanctions and Human Rights. In Matthew Happold and Paul Eden (eds), *Economic Sanctions and International Law*. Oxford: Hart Publishing.
13. Абдуллин А., Кешнер М. Применение ограничительных мер в контексте общей внешней политики ЕС: концептуальные подходы // *Современная Европа*. 2021. № 7. С. 72-83.
14. Войников В.В. Антироссийские санкции (ограничительные меры) ЕС: соотношение с международным правом // *Современная Европа*. 2022. №6. С. 5-17.
15. Жбанков В.А., Трубачева К.И., Слепак В.Ю. Правовой режим ограничительных мер в европейском праве // *Актуальные проблемы российского права*. 2015. № 10 (59). С. 240-255.
16. Мещерякова О.М. Санкции ЕС и их влияние на развитие международного права. // *Юридическая наука*. 2017. № 5. С. 31-35.
17. Панов Ф.Ю. Международно-правовые основы введения односторонних ограничительных мер ЕС // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2022. Т.
18. № 1. С. 137-146. 18. Саргсян А.М. Эволюция нормативно-правовой базы применения экономических санкций на пространстве Европейского Союза // *Вестник МГУ. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*. 2011. № 3. С. 237-249.
19. Силаева В.А. Эволюция европейских санкций: от единичных мер до консолидированной политики // *Международная аналитика*. 2018. № 2(24). С. 19-27.
20. Слепак В.Ю., Трубачева И.К. Средства правовой защиты при обжаловании ограничительных мер Европейского союза // *Европейское право*. 2017. №9 (130). С. 127-133.
21. Ищенко И.Г. К вопросу о подразумеваемых полномочиях Европейского Союза // *Закон и право*. 2019. №11. С.25-31.
22. Мещерякова О.М. Санкции ЕС против России: особенности правового механизма // *Российский журнал правовых исследований*. 2018. № 3(16). С.17-21.
23. Мещерякова О.М. Санкции ЕС и развитие международного права // *Юридическая наука*. 2017. №5 С. 25-32.
24. Шайдуллина В.К. Проблемы соблюдения принципов международного права при введении финансово-экономических санкций против государства в одностороннем порядке // *Балтийский гуманитарный журнал*. 2018. Т 7. № 1(22). С. 397-401.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Правовые основы регулирования санкционных мер в Европейском Союзе».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам определения правовой базы по поводу установления санкций и ограничительных мер в Европейском Союзе. Автором рассмотрены исторические аспекты тематики, а также проанализированы акты Европейского Союза по заявленной тематике. В качестве предмета исследования выступили положения правовых актов Европейского Союза, мнения ученых, материалы практики использования санкционных мер в мире.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье не заявлена. При этом она может быть ясно понята из названия и содержания работы. Цель может быть обозначена в качестве рассмотрения и разрешения отдельных проблемных аспектов вопроса о правовом регулировании отношений по поводу санкционных мер в Европейском Союзе. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования. В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из материалов практики использования санкционных мер.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующего законодательства (прежде всего, положений актов Европейского Союза). Например, следующий вывод автора: «Согласно положениям Амстердамского договора произошло определенное укрепление роли и значения Еврокомиссии в сфере ОВПБ. Так, новый пункт 4 статьи J.4 предусматривал, что "Совет может просить Комиссию представить ему любые соответствующие предложения, касающиеся ОВПБ, для обеспечения осуществления совместных действий". По сути Еврокомиссия получила de facto право инициативы по выдвижению предложений в области ОВПБ, которое до этого в перечне полномочий у нее не значилось. Стоит также отметить и повышение роли Европейского парламента в сфере ОВПБ».

Следует положительно оценить возможности исторического метода исследования, который позволил рассмотреть проблемные аспекты тематики в ретроспективе. Так, отметим следующие рассуждения автора: «Во время "холодной войны" СБ ООН лишь дважды удалось согласовать и применить коллективные экономические санкции, в одном случаях они были направлены против Южной Африки (1962-1994), в другом против Родезии (ныне Зимбабве) (1965-1968). Тогда еще не было Европейского союза в нынешнем виде, а только формировалось Европейское Экономическое Сообщество (ЕЭС), состоявшее из 6 государств, и которое не имело ярко выраженной внешнеполитической компетенции. Поэтому страны ЕЭС в некоторых довольно редких случаях прибегали как правило к использованию односторонних национальных санкций. И даже когда СБ ООН ввел санкции против Южной Родезии, европейские страны решили обеспечить их выполнение не через институты Сообщества, а через свои национальные санкционные механизмы».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели

исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема правового режима санкций в различных странах сложна и неоднозначна. Введение санкций вступает в формальное противоречие с рядом принципов международного права, положений международных договоров. При этом их использование, как правильно заметил автор, в последние два десятилетия активно расширяется. Следовательно, правовая база санкций и ее соответствие принципам права – предмет интересных научных дискуссий. С практической стороны следует признать, что толкование международных актов, связанных с санкциями, может быть необходимо юристам, работающим в сфере международного права.

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.

Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи, видимо, имеется. Однако таковая должна быть уточнена путем четкого разграничения авторской позиции и позициями других ученых. Дело в том, что в статье имеется библиографический список, который состоит из 12 пунктов. Однако сноска в работе только 7. Очевидно, что автор статьи использовал мнения иных ученых, при этом точно не отделяя свою позицию от позиции иных исследователей. Представляется, что для полного ответа на вопрос о научной новизне статьи следует выделить мнения других авторов и грамотно обозначить сноски на их работы.

Научная новизна может рассматриваться, в частности, в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод:

«санкции ЕС нельзя рассматривать как какие-то отдельные меры воздействия на участников международных отношений в силу тех или иных сложившихся политических обстоятельств. В рамках действующего сегодня в ЕС законодательства механизм применения санкции является неотъемлемой частью проводимой общей внешней политики и политики безопасности Союза с целью продвижения в мире установленных европейских демократических ценностей с одной стороны, и защиты геополитических и экономических интересов Евросоюза в целом и интересов отдельных государств-членов ЕС с другой стороны. С учетом все более растущей роли ЕС в современном мире и поставленной задачи повышения политического веса Союза в будущем можно с уверенностью предположить, что значение инструмента использования санкционных мер будет только возрастать».

Также автором предложено оригинальное толкование положений актов Европейского Союза в их системной взаимосвязи, что также может рассматриваться в качестве научной новизны и значимого аспекта исследовательской работы.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Международное право и международные организации / International Law and International Organizations», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с международно-правовым регулированием отношений по поводу санкций.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, достиг цели исследования.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

При этом следует грамотно расставить сноски по работе, о чем писалось ранее.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России (Абдуллин А., Кешнер М., Войников В.В., Жбанков В.А., Трубачева К.И., Слепак В.Ю., Мещерякова О.М. и другие). Вместе с тем удивительно, что автор статьи, несмотря на тематику, не использовал работы ученых из стран Европейского Союза на иностранных языках. Представляется, что сложно или даже невозможно раскрыть заявленную тему в отсутствии обсуждения мнения коллег из-за рубежа.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, но не обладают признаком достаточности, не способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Вопрос об адекватности апелляции к оппонентам остается открытым. Во-первых, автор четко не разделил в статье собственное мнение и мнения иных исследователей, что выражается, в частности, в некорректности расставления сносок, а также отсутствии указания в статье на ФИО цитируемых авторов. Ввиду сказанного складывается ощущение, что все написанное в статье – мнение автора, что, очевидно, не так. Во-вторых, нет апелляции к мнениям зарубежных коллег, что важно в контексте заявленной темы работы.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к вопросам регулирования отношений по поводу санкций в Европейском Союзе.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую отправить на доработку»

Международное право и международные организации / International Law and International Organizations

Правильная ссылка на статью:

Шинкарецкая Г.Г. — Цифровые доказательства в процессе Международного Суда // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. – 2023. – № 1. DOI: 10.7256/2454-0633.2023.1.40047 EDN: BXZDGK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40047

Цифровые доказательства в процессе Международного Суда

Шинкарецкая Галина Георгиевна

доктор юридических наук

главный научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10

✉ gshinkaretskaya@yandex.ru

[Статья из рубрики "Международные судебные органы"](#)

DOI:

10.7256/2454-0633.2023.1.40047

EDN:

BXZDGK

Дата направления статьи в редакцию:

22-03-2023

Дата публикации:

29-03-2023

Аннотация: Опыт Международного Суда ООН – старейшего из существующих международных судов крайне важен для развития международной судебной процедуры. Одним из важных элементов является практика сбора и использования доказательств (свидетельств), которые служат основой для принятия Судом решения. Проблемой последних лет стала проблема использования цифровых (электронных) доказательств, в качестве которых может выступать любой материал, существующий или передаваемый в форме цифр. Его источником может быть компьютерный диск, стационарный или мобильный, USB-накопитель, айфон или смартфон, сеть интернет. Цифровое доказательство может иметь и графическую форму в виде компьютерного файла или электронного письма. Источником доказательств могут быть и данные, получаемые со спутников в результате дистанционного зондирования Земли. Норм обычного международного права, касающихся электронных доказательств, не существует. Логично предположить, что соответствующее регулирование принимается каждым международным судом отдельно для себя самого в виде его внутреннего права или принятой практики. В Статute и Регламенте Международного Суда нет норм, прямо

регулирующих обращение с цифровыми доказательствами. Главная задача, которая ставится перед Судом – подобрать такие данные, которые бы позволили ему принять эффективное и справедливое решение, соответствующее международному праву. Поскольку цифровая информация может находиться в сети интернет, а потому быть доступной каждому, такая информация может быть отнесена к общедоступной, а потому обращаться свободно. Есть опасения, что ее использование может сделать судебное разбирательство неопределенным. По нашему мнению, для цифровых данных должны соблюдаться те же условия обращения, что и с доказательствами в другой форме: установленные сроки, оформление копий и т.д. Окончательное слово о пригодности представляемых цифровых доказательств принимает Суд, учитывая четкость изображения и информации, достоверность источников и т.п.

Ключевые слова:

доказательства, международный судебный процесс, свидетели, эксперты, компьютерные диски, смартфон, достоверность доказательств, цифровая информация, Интернет, международно-правовое регулирование

Введение

Одним из важных элементов международного судебного процесса является определение массива материалов, на основании которых суд, основная задача которого – поддерживать господство права, принимает решение [\[17, с. 54\]](#). В целом эти материалы носят то же наименование, что и материалы, представляемые во внутригосударственный суд – доказательства, хотя содержание и правила обращения с ними в международном суде отличаются своеобразием.

Доказательства – это информация ... с целью установления или опровержения предполагаемых фактов, – такое определение дает авторитетная Энциклопедия международного права, издаваемая Институтом Макса Планка [\[27, p. 552\]](#).

Сложность любого международного судебного процесса и их разнообразие привели к появлению в международном праве понятия «стандарт доказывания», которое можно примерно определить, как количество доказательств, необходимых для обоснования фактических утверждений сторон [\[23, p. 165\]](#). Нужно сказать, что международные суды, как правило, определяют стандарт доказывания, применимый в каждом конкретном случае, который может значительно отличаться в зависимости от характера суда и рассматриваемого дела. Цифровые или электронные доказательства – это любой доказательный материал, хранящийся в или передающийся в цифровой форме, т.е. в виде серии цифр 0 и 1, которые могут быть использованы в судебном разбирательстве в суде для доказывания факта в соответствии с требуемым стандартом доказывания. Доказательный материал может быть получен из различных источников, включая стационарные компьютерные жесткие диски, съемные USB-накопители, мобильные телефоны, спутники и Интернет, и может иметь различные формы, такие как текстовые документы (например, файлы Word или Excel, электронные письма, мгновенные сообщения и электронные таблицы), карты, базы данных, цифровые изображения, видео и аудиофайлы, данные GPS, истории интернет-браузера и метаданные. Цифровые доказательства чаще всего содержат атрибуты коммуникационной деятельности или “метаданные”, которые идентифицируют и описывают содержание передаваемого и управление им с помощью ресурса информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Цифровые доказательства могут находиться в открытом доступе, (доступны всем без паролей или шифрования).

Несмотря на растущее значение цифровых доказательств как средства доказывания и связанные с ними специфические проблемы, использование цифровых доказательств в межгосударственных судебных разбирательствах привлекает внимание некоторых специалистов по внутригосударственному судебному процессу [\[20, с. 120-127\]](#), но почти полностью игнорируется учеными в области международного права. Есть, правда, некоторые работы посвященные международному уголовному процессу [\[24, p. 217-240\]](#).

Понятие цифровых доказательств

В отсутствие общепризнанных норм, регулирующих вопросы отбора и оценки доказательств вопрос о том, могут ли цифровые доказательства использоваться в международном суде, полностью зависит от процессуальных

правил каждого суда, и эти правила значительно отличаются друг от друга.

Соответствующие правила содержатся в Статуте Международного суда (ст.ст. 48-52), Регламенте Суда и рекомендательного характера Практических директивах, дополняющих Правила для использования государствами, выступающими в Международном суде.

Согласно ст. 102(2) Регламента Международного Суда, при определении того, применимы ли правила для разбирательства споров, Суд должен учитывать, «относится ли запрос о консультативном заключении к юридическому вопросу, фактически находящемуся на рассмотрении между двумя или более государствами». Если это так, Суд обязан сначала выяснить мнения заинтересованных государств, прежде чем делать какие-либо письменные заявления и прилагаемые к ним документы доступными для общественности (ст. 106), а спорящие государства имеют право назначить судью *ad hoc* в связи с консультативным разбирательством (ст. 102(3)).

Следует отметить, что, хотя консультативное разбирательство обычно делится на письменную и устную фазы, как и в случае споров, Суд может обойтись и без того, и без другого, если сочтет, что обладает достаточной информацией для вынесения консультативного заключения. В целом, Суд не участвует в углубленном обсуждении приемлемости или доказательной силы документов, используемых в качестве доказательств в консультативных процедурах: поэтому было отмечено, что «сама концепция доказательства представляется неуместной в контексте консультативной юрисдикции Суда». Любые предварительные возражения относительно юрисдикции Суда или приемлемости иска, как правило, рассматриваются как второстепенное разбирательство в соответствии со ст. 79 Регламента Суда, при этом разбирательство по существу приостанавливается, хотя Суд может принять решение присоединиться к возражению по существу, если «возражение не носит, в обстоятельствах дела, исключительно предварительный характер» (ст. 79(9)).

За исключением директивы IX bis, ни в одном из этих документов прямо не говорится о цифровых доказательствах. Также отсутствует исчерпывающий перечень средств доказывания, имеющих в распоряжении сторон в делах, рассматриваемых Судом или каким-либо указанием на их различную доказательную весомость. Один из авторов заметил: «Международный Суд истолковал отсутствие ограничительных норм в своем Статуте как означающее, что сторона в споре, как правило, может представить любые

доказательства, если они представлены в сроки, установленные Судом» [26, p. 184]. От себя добавим, что принцип добросовестности при этом действует в полной мере, предотвращая злоупотребление правом. Таким образом, можно сказать, что основное правило заключается в том, что все доказательства в принципе допустимы. Не предусмотрено никакой специальной предварительной процедуры для оценки приемлемости представленных доказательных материалов. Возможны, конечно, некоторые действия, если другая сторона в споре станет их оспаривать.

В деле о военных и тому подобных действиях в Никарагуа и против нее, Суд специально подчеркнул принцип свободной оценки доказательств, заявив, что «в рамках своего Статута и Правил он обладает свободой в оценке ценности различных элементов доказательств [9]. Значит, Суд вправе запрашивать или принимать любые доказательства, в том числе в цифровой форме, и придавать им такую доказательную ценность, которую он сочтет целесообразной.

В большинстве национальных законодательств не проводится различия между электронными доказательствами и вещественными доказательствами. Управление ООН по наркотикам и преступности, проводившее исследование относительно признания государствами цифровых доказательств, пришло к следующему выводу: «Хотя подходы различаются, многие страны считают это положительной практикой, поскольку она обеспечивает справедливость в приемлемости этих доказательств наряду со всеми другими» [16]. Таким образом, правовая позиция государств состоит в том, что электронные документы в принципе эквивалентны бумажным, а электронная почта эквивалентна традиционным почтовым отправлениям. Хотя практика пока показывает отсутствие формальной иерархии между различными средствами доказывания

Международный суд придерживается подхода судов стран *civil law* и обычно отдает предпочтение документальным доказательствам перед устными и иными, не имеющими письменной формы. Согласно ст.ст. 49 и 50 Статута Международного Суда, а также ст. 62 Регламента, Суд имеет право призвать стороны представить любые документы, которые он сочтет необходимыми, или сам запросить такие доказательства, но он, как правило, воздерживается от этого и полагается на те документы, которые были предоставлены сторонами по их собственной инициативе. Факт, отраженный в Решении Суда по делу о действиях Никарагуа в пограничном районе [6], является исключением из этого обыкновения.

Согласно ст. 56 и 57 Регламента Международного Суда, все представляемые копии должны быть заверены, но если другая сторона не оспаривает подлинность доказательств, Суд, скорее всего, предположит, что представленные цифровые доказательства являются подлинными, и не будет требовать осуществления какого-либо формального процесса аутентификации. Очевидно, что могут быть признаны и электронные копии бумажных документов, сертифицированные агентами сторон.

Если подлинность оспаривается, то именно сторона спора, представляющая доказательства, должна подтвердить их достоверность, хотя в бумагах Суда не предусмотрена процедура оспаривания подлинности бумажных доказательств. Ясно только, что сторона, подтверждающая подлинность, должна показать депонированные у надлежащих органов цифровые доказательства подлинности. Аутентификация призвана подтвердить, что цифровые доказательства не были изменены или подменены, и может осуществляться с помощью свидетелей, экспертов или таких внутренних индикаторов, как временные метки и метаданные. Временные метки - это последовательности

символов или закодированная информация, которые определяют, когда определенное событие записывается компьютером (что не обязательно совпадает со временем самого события). Цепочка поставок - это перемещение и местонахождение... доказательств, а также история тех лиц, у которых они находились, с момента их получения до момента их представления в суде [\[22, p. 277-278\]](#). Доказательный вес оспариваемых цифровых доказательств будет зависеть от убедительности демонстрации истцом того, что они являются подлинными, точными и полными, что их источники были надежно идентифицированы. Специальный трибунал по Ливану, например, отклонил просьбу защиты признать в качестве доказательства две предполагаемые дипломатические телеграммы США, найденные на веб-сайте Wikileaks. Трибунал рассмотрел другие дела, которые касались документов Wikileaks, и пришел к выводу, что "судебная тенденция ... не... направлена на признание документов Wikileaks доказательствами", хотя перекрестный допрос по содержанию документов допустим [\[11\]](#). По мнению Трибунала, защита не смогла доказать, что документы Wikileaks были подлинными дипломатическими телеграммами США и что в них точно описывались события, на которые они ссылались. Позиция Трибунала основывалась на том, что показания двух свидетелей, данные под присягой, опровергали содержание этих документов.

Однако сторона в судебном процессе может отказаться объяснить источники и процедуры, с помощью которых она получила представленные им цифровые доказательства. Например, в деле Толимира прокурор Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ) представил доказательства, предоставленные Соединенными Штатами при условии, что процедуры, с помощью которых были получены доказательства, не будут обсуждаться [\[12\]](#). Санкций за не раскрытие данных не предусмотрено, но соответствующий участник судебного процесса будет нести риск того, что доказательства будут исключены или им будет придан меньший вес и что факты, которые он утверждает, не будут считаться достаточно доказанными.

Согласно ст. 56 Регламента Суда, после завершения письменного разбирательства никакие дополнительные документы не могут быть представлены Суду ни одной из сторон, кроме как с согласия другой стороны или, в отсутствие такого согласия, если Суд, после заслушивания стороны, считает документ необходимым. Молчание истца расценивается как согласие. Директива IX гласит, что стороны тяжбы должны воздерживаться от представления новых документов после завершения письменного разбирательства и что в отсутствие согласия другой стороны запросы в этом смысле будут приниматься Судом только в исключительных случаях. Представление дополнительных документов, не включенных в состязательные бумаги до завершения письменного разбирательства не зависят от согласия другой стороны или дозволения Суда.

Однако ст. 56(4) вводится исключение из этого правила: предусмотрено, что в ходе устного разбирательства могут делаться ссылки

на документы, официально не представленные в ходе письменного разбирательства, при условии, что они являются «частью общеизвестной информации».

В директиве IX bis, принятой в декабре 2006 г., принят к сведению тот факт, что документы теперь также могут публиковаться в цифровой форме, и предусмотрено, что «часть общеизвестной информации» - это любые документы, «доступные для общественности ... в любом формате (печатном или электронном), в любой форме (физической или онлайн-форме, например, если информация размещена в Интернете) или

на любом носителе данных (на бумажном, цифровом или любом другом носителе) который доступен на любом из официальных языков Суда и с которым можно ознакомиться в течение разумно короткого периода времени».

В случае, если другая сторона возражает против ссылки на документ в ходе устного разбирательства, вопрос должен быть урегулирован Судом. Таким образом, информация общедоступная в Интернете, может цитироваться сторонами в ходе устного разбирательства без предварительного уведомления Суда или другой стороны спора.

Тот факт, что к документам в Интернете может получить доступ любой желающий, может сделать потенциально огромный объем информации общедоступным, высказываются опасения, что это увеличит неопределенность в разбирательстве и создаст затруднения в эффективной подготовке дел [\[25, p. 426\]](#).

Специалисты указывают, что не все публикации в Интернете ipso facto являются общедоступными [\[18\]](#), а в п. 2 ст. 56 Регламента Суда сказано, что документ должен оцениваться не абстрактно, а применительно к Суду и другой стороне спора в каждом конкретном случае. В ходе устного разбирательства по делу о Геноциде в Боснии представитель Боснии и Герцеговины при перекрестном допросе свидетеля попытался сослаться на газетную статью, доступную онлайн на веб-сайте газеты, но ответчик возразил против этого, и Председатель предложил Представителю Боснии и Герцеговины изменить ход его перекрестного допроса. При оценке того, является ли публикация в Интернете общедоступной в конкретном случае, Суд должен принимать во внимание такие факторы, как, например, язык, на котором она написана, находится ли документ в широко доступном формате (например, MS-Word и PDF), индексируется ли он надлежащим образом популярной поисковой системой.

Также стоит отметить, что тот факт, что информация общедоступна, не обязательно делает достоянием общественности факты, изложенные в этой информации [\[19\]](#); Суд может принять решение о приемлемости каждого из этих фактов.

Вопросы, связанные с обращением цифровых аудиовизуальных доказательств

В Статute или Регламенте Международного суда нет конкретных правил относительно сбора и оценки такого рода материалов, и поэтому они подготавливаются и оцениваются в соответствии с общими правилами, применимыми ко всем документальным доказательствам. Цифровые фотографии, карты, графики и другие визуальные доказательства могут быть представлены на бумажном носителе в качестве приложений к письменным состязательным бумагам в соответствии с процедурными правилами представления документов. Ресурсы, которые не могут быть преобразованы в бумажные документы, могут быть представлены Суду во время устного разбирательства.

Копии всех аудиовизуальных доказательств, составляющих документ, должны быть сданы на хранение в Секретариат вместе с состязательными бумагами до завершения письменного разбирательства. Если это не было сделано и нет соответствующего согласия другой стороны, доказательства могут быть приняты только в том случае, если Суд сочтет это необходимым или если документ является частью общедоступной информации. Суд, как правило, придает аудиовизуальным материалам меньший доказательственный вес, чем письменным документам. При этом Суд проявляет особую обеспокоенность подлинностью аудиовизуальных доказательств и методами их получения. Для решения этих проблем в директиве IX *quater* предусмотрено, что «запрос стороны о представлении аудиовизуальных или фотографических материалов

должен сопровождаться информацией об источнике материала, обстоятельствах и дате его создания, а также о степени его доступности для общественности. Соответствующая сторона должна также указать, где это уместно, географические координаты, в которых был взят этот материал». Подлинность и авторство цифровых аудиовизуальных доказательств может быть трудно установить с достаточной уверенностью: подумайте, например, о видео, загруженных на YouTube или фотографии, появляющиеся в Instagram или Twitter. На самом деле цифровые изображения не являются реальными фотографиями, это данные, которые необходимо интерпретировать и обрабатывать. Метаданные, указывающие время изображения и его местоположение, могут быть изменены и, в отличие от традиционных изображений, произведенную манипуляцию нелегко обнаружить. Учитывая эту проблему, были разработаны некоторые приложения для мобильных устройств полиции, которые записывают геолокацию и другую важную информацию и позволяют пользователю загружать фотографии и видео. Например, проект "Свидетель" создал и выпустил "приложение", разработанное Международной ассоциацией адвокатов и юридическими службами LexisNexis, в котором можно безопасно хранить цифровые доказательства международных преступлений. После отправки изображения и связанные с ними данные шифруются и сохраняются в базе данных, где они анализируются экспертами-юристами, которые затем поддерживают связь с соответствующими международными, региональными и национальными юрисдикциями, чтобы гарантировать, что изображения используются для привлечения к ответственности тех, кто совершил международные преступления. Даже несмотря на то, что эти приложения были разработаны с учетом уголовного судопроизводства, они (и аналогичные им) могут быть полезны также в Международном суде.

Цифровые изображения и карты также могут быть получены удаленно с помощью спутников. Дистанционное зондирование Земли (ДЗЗ), – это способ извлечения информации об объекте путем анализа данных, полученных датчиком, который не находится в непосредственном контакте с объектом [\[18\]](#).

Как и любые другие документальные доказательства, спутниковые снимки и карты могут быть представлены сторонами в споре или запрошены Судом в соответствии со ст. 49 его Статута. Например. В ходе устного разбирательства по делу Касикили/острова Седуду, судья Ранджева в помощь Суду запросил спутниковые снимки у обеих сторон [\[3\]](#). В деле Камерун против Нигерии Нигерия представила в Международный суд спутниковый снимок спорного района, чтобы продемонстрировать его местоположение [\[5\]](#). В деле Катар против Бахрейна, Катар представили несколько спутниковых снимков, хотя Бахрейн оспорил проведенный им анализ изображения отменил Китат-Джарада и метода, с помощью которого оно было создано [\[4\]](#). В деле о нефтяных платформах Соединенные Штаты представили снимки, полученные американскими спутниками, чтобы опровергнуть утверждение Ирана о том, что в спорном районе не было ракет, и подкрепить изображения показаниями экспертов во время устного разбирательства по существу [\[10\]](#). Соединенные Штаты, однако, воздержались от представления спутниковых снимков высокого разрешения по соображениям национальной безопасности, но утверждали, что снижение разрешения исходных изображений не повлияло на их достоверность. В конце концов, Суд счел изображения недостаточно четкими. В деле о Геноциде в Боснии Международный Суд опирался на доклад ООН, в котором выводы основывались на спутниковых фотографиях [\[2\]](#).

В деле о целлюлозных заводах [\[14\]](#) Аргентина сослалась на различные спутниковые снимки, показывающие концентрацию хлорофилла в реке Уругвай. В деле о распылении

гербицидов с воздуха Колумбия представила обширные спутниковые данные, используя ложную цветопередачу для отображения растительности, в некоторых случаях наложенную на GPS-треки

распылительных полетов ^[11]. В деле о некоторых действиях Никарагуа представила спутниковые снимки, чтобы показать искусственно созданный Никарагуа каньон и обширные очищенные от растительности пространства ^[17].

Как и любые другие аудиовизуальные доказательства, спутниковые снимки и карты должны быть представлены сторонами либо в качестве приложений к письменным состязательным бумагам, либо во время устного разбирательства. В последнем случае они могут быть исключены из-за возражений другой стороны в судебном разбирательстве. В деле Никарагуа против Гондураса, Гондурас представил спутниковый снимок в ходе устного разбирательства, утверждая, что его не следует считать «новым документом», поскольку он был легко доступен в Интернете ^[15]. В своем консультативном заключении о строительстве защитной стены на границах Палестины местоположение самой стены Суд прослеживал на карте, вывешенной на сайте Министерства обороны Израиля ^[8].

Получение спутниковых данных – довольно сложный процесс: исходные данные собираются спутниками и отправляются на наземные станции, где они обрабатываются и становятся доступными в цифровой форме, а также, при необходимости, дополняются с помощью компьютеров.

Если исходные данные, по крайней мере в их начальной стадии, исказить невозможно, то на стадии интерпретации данные могут быть искажены, и подделку очень трудно установить.

На практике оспаривание производится редко, имеющиеся в продаже спутниковые снимки просто представляются с указанием их источника и даты получения, как это и было в указанных нами случаях. Если стороны не согласны и стремятся оспорить представленные данные, они, как правило, выдвигают конкурирующие экспертные заключения ^[21]. В деле о целлюлозных заводах Международный суд критически отнесся к использованию сторонами консультаций экспертов и напомнил им, что в ходе устного разбирательства «те лица, которые предоставляют Суду доказательства, основанные на их научных или технических знаниях и личном опыте, должны давать показания в Суде в качестве экспертов, свидетелей или в некоторых случаях в обоих качествах, а не в качестве адвоката, с тем чтобы они могли быть представлены для допроса другой стороной, а также Судом» ^[13]. Действительно, даже несмотря на то, что, согласно ст. 50 Статута Международного суда, Суд может в любое время поручить любому отдельному органу, бюро, комиссии или другой организации задачу проведения расследования или вынесения экспертного заключения, чаще всего Суд решает любой вопрос на основе доказательств сторон, а не привлекает своих собственных экспертов для проведения независимого анализа. Международный суд мог бы в будущем рассмотреть вопрос о найме постоянного эксперта или группы экспертов-консультантов, которые могли бы помочь ему в оценке цифровых доказательств. Подобный опыт уже есть в практике Международного уголовного суда.

Заключение

Легко предположить, что с дальнейшим развитием технологий цифровые доказательства будут все чаще использоваться в процессе судопроизводства Международного суда.

Анализ показывает, что фактически не существует никаких правил или указаний, которые конкретно касались бы получения и оценки цифровых доказательств в ходе разбирательств в Международном суде. Возможно ли нынешнее фактическое использование таких доказательств или разбирательство должно быть специально регламентировано? С нашей точки зрения отсутствие конкретных правил и процедур для цифровых доказательств не обязательно является препятствием для их получения и оценки. Однако, несомненно, что принятие специальных правил, учитывающих особенности цифровых доказательств, помогло бы судьям Международного суда и сторонам в споре более эффективно действовать в процессе разбирательства. Суд мог бы внести поправки в свои Правила или принять Практические указания, конкретно касающиеся вопросов, связанных с цифровыми доказательствами.

Библиография

1. Aerial Herbicide Spraying (Ecuador v Colombia), Counter-memorial of Colombia, v. I, 29 March 2010; Rejoinder of the Republic of Colombia, vol. II, 1 February 2012, Annex 6, Expert Report by Dr. Barry M. Evans, 129 ff.
2. Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v Serbia and Montenegro) (Merits). 2007. ICJ Rep, para 229.
3. Case concerning Kasikili/Sedudu Island (Botswana/Namibia), Pleadings, CR1999/3, para 69.
4. Case concerning Maritime Delimitation and Territorial Questions between Qatar and Bahrain (Qatar v Bahrain), Pleadings, CR 2000/9, para 51.
5. Case concerning the Land and Maritime Boundary between Cameroon and Nigeria (Cameroon v Nigeria: Equatorial Guinea Intervening) (Preliminary Objections), Pleadings, CR 1998/1, para 30.
6. Certain Activities carried out by Nicaragua in the Border Area (Costa Rica v Nicaragua), Judgment of 16 December 2015, para 41.
7. Certain Activities (Nicaragua v Costa Rica) (n 22), paras 80-81.
8. Legal consequences of the construction of a wall in the occupied Palestinian territory (Advisory Opinion. 2005. ICJ Rep para 80.
9. Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v United States of America) (Merits), [1986], ICJ Rep, para 60.
10. Oil Platforms (Islamic Republic of Iran v United States of America) (Merits), Counter-Memorial and Counter-Claim of the United States of America, 23 June 1997, paras 48-49.
11. Prosecutor v. Salim Jamil Ayyash et al, Special Tribunal for Lebanon, STL-11-01, Trial Chamber, Decision on the admissibility of documents published on the Wikileaks website, 21 May 2015, paras 33-34.
12. Prosecutor v Tolimir, IT-05-88/2, Trial Judgment (12 December 2012) para 68.
13. Pulp Mills on the River Uruguay (Argentina v Uruguay), [2010], ICJ Rep, para 167.
14. Pulp Mills on the River Uruguay (Argentina v Uruguay), [2010], ICJ Rep, para 248.
15. Territorial and Maritime Dispute between Nicaragua and Honduras in the Caribbean Sea (Nicaragua v Honduras), Pleadings, CR 2007/8, para 56.
16. United Nations Office on Drugs and Crime, Comprehensive Study on Cybercrime (February 2020) [Электронный ресурс]. Официальный сайт ООН. – Режим доступа: <https://www.unodc.org/documents/organized->

- crime/UNODC_CCPCJ_EG.4_2013/CYBERCRIME_STU (дата обращения: 12.02.2023).
17. Каламкрян Р.А. Международный суд в миропорядке на основе господства права. – М.: Наука, 2012. – С. 22-23.
 18. Камалова Г.Г. Правовой режим информации ограниченного доступа: монография. – Ижевск: Издат. центр «Удмурдский университет», 2017. – 372 с.
 19. Лукьянова И.Н. Доказательства в гражданских делах в эпоху электронного правосудия // Вестник ВГУ. Серия: право. 2018. № 4 (35). – С. 130-136.
 20. Михайленко Н.В. Перспективы и проблемы отправления цифрового правосудия в Российской Федерации // Закон и право. 2020. № 4. – С. 120-127.
 21. Хазиев Ш.Н. Международное право и судебная экспертиза. – М.: Спутник +, 2014. – 306 с.
 22. Black's Law Dictionary, 10th ed (2020). – P. 277-278.
 23. Green J.A. Fluctuating Evidentiary Standards for Self-Defense in the International Court of Justice // International and Comparative Law Quarterly. 2009. V. 58. – P. 165.
 24. Macauley E.D. The Use of EO Technologies in Court by the Office of the Prosecutor of the International Criminal Court // R. Purdy and D. Leung (eds). Evidence from Earth Observation Satellites. Emerging Legal Issues. Nijhoff, 2013. – P. 217-240.
 25. Riddell A. Report on the Oral Proceedings in the Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro): Selected Procedural Aspects // Leiden Journal of International Law. 2007. V. 20 (02). – P. 426.
 26. Sandifer D.V. Evidence Before International Tribunals. Virginia, 2005. – P. 184.
 27. Wolfrum R. International Courts and Tribunals, Evidence // Max Planck Encyclopedia of Public International Law OUP. 2012. V. V. – P. 552.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования в представленной на рецензирование статье, как это следует из ее наименования, составляют "Цифровые доказательства в процессе Международного Суда". Заявленные границы исследования полностью соблюдены автором.

Методология исследования в тексте работы не раскрывается, но очевидно, что автором использовались всеобщий диалектический, логический, сравнительно-правовой, формально-юридический, герменевтический методы исследования.

Актуальность избранной автором темы исследования обоснована им надлежащим образом: "Несмотря на растущее значение цифровых доказательств как средства доказывания и связанные с ними специфические проблемы, использование цифровых доказательств в межгосударственных судебных разбирательствах привлекает внимание некоторых специалистов по внутригосударственному судебному процессу [20, с. 120-127], но почти полностью игнорируется учеными в области международного права. Есть, правда, некоторые работы посвященные международному уголовному процессу [24, р. 217-240]".

В чем заключается научная новизна исследования, ученый прямо не говорит. Тем не менее он указывает, что "использование цифровых доказательств в межгосударственных судебных разбирательствах привлекает внимание некоторых специалистов по внутригосударственному судебному процессу [20, с. 120-127], но почти полностью

игнорируется учеными в области международного права". Фактически научная новизна работы проявляется не только в анализе использования цифровых доказательств в межгосударственных судебных процессах и выявленных таким путем проблемах, но и в рекомендациях автора по совершенствованию процедур принятия и оценки электронных доказательств в Международном Суде. Рекомендации сделаны на основании анализа ряда теоретических источников, а также материалов судебной практики, и представляют значительный интерес для потенциальной читательской аудитории. Работа, безусловно, вносит определенный вклад в развитие науки международного права.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы вполне логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. Основная часть работы разбита на два раздела: "Понятие цифровых доказательств" и "Вопросы, связанные с обращением цифровых аудиовизуальных доказательств". В заключительной части статьи содержатся общие выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание работы полностью соответствует ее наименованию и не вызывает особых нареканий, но некоторые положения статьи нуждаются в уточнении.

Так, автор пишет: "В большинстве национальных законодательств не проводится различия между электронными доказательствами и вещественными доказательствами". Насколько это целесообразно?

Было бы не лишним предложение ученым своей оригинальной дефиниции понятия "цифровое доказательство", а также возможной классификации таковых.

Следует отметить, что международная практика (в данном случае - судебная) изучается не ради самого изучения, а в том числе и для того, чтобы совершенствовать собственное национальное законодательство. Вследствие этого возникает закономерный вопрос - в каких стратегических изменениях и дополнениях нуждается российское процессуальное законодательство в части регламентации использования цифровых доказательств?

Библиография исследования представлена 27 источниками (материалами международной судебной практики, аналитическими материалами, монографиями, научными статьями, словарем), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого вполне достаточно. Характер и количество использованных при написании статьи источников позволило автору раскрыть тему с необходимой полнотой и глубиной, выявить существующие проблемы доказывания в Международном Суде, сделать оригинальные рекомендации по совершенствованию данной процедуры.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (А. Ридделл и др.), и с учетом характера статьи вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Его суждения обоснованы в необходимой степени.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются и заслуживают внимания читательской аудитории ("... отсутствие конкретных правил и процедур для цифровых доказательств не обязательно является препятствием для их получения и оценки. Однако, несомненно, что принятие специальных правил, учитывающих особенности цифровых доказательств, помогло бы судьям Международного суда и сторонам в споре более эффективно действовать в процессе разбирательства. Суд мог бы внести поправки в свои Правила или принять Практические указания, конкретно касающиеся вопросов, связанных с цифровыми доказательствами"), но должны быть конкретизированы (необходимо указать особенности цифровых доказательств и пояснить, какие именно изменения и дополнения необходимо внести в процедуры оценки данного вида доказательств).

Статья не вычитана автором. В ней встречаются опечатки.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере международного права при условии ее небольшой доработки: раскрытии методологии исследования, уточнении некоторых положений работы, устранении нарушений в ее оформлении.

Международное право и международные организации / International Law and International Organizations

Правильная ссылка на статью:

Редникова Т.В. — Значение Конвенции CITES для охраны биологического разнообразия: полувековой опыт реализации положений // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. – 2023. – № 1. DOI: 10.7256/2454-0633.2023.1.40063 EDN: ABUVGC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40063

Значение Конвенции CITES для охраны биологического разнообразия: полувековой опыт реализации положений

Редникова Татьяна Владимировна

кандидат юридических наук

Старший научный сотрудник, Сектор экологического, земельного и аграрного права ИГП РАН

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10

✉ trednikova@gmail.com

[Статья из рубрики "Международные организации, международное право и внутригосударственное право"](#)

DOI:

10.7256/2454-0633.2023.1.40063

EDN:

ABUVGC

Дата направления статьи в редакцию:

22-03-2023

Дата публикации:

29-03-2023

Аннотация: На сегодняшний день мировой контрабандный оборот животных и растений, находящихся на грани исчезновения, по своему масштабу уступает лишь обороту наркотиков. Важнейшим шагом на пути охраны биоразнообразия нашей планеты стало заключение Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (СИТЕС), вступившей в силу в 1975 г. Под действие конвенции попадает более 40 900 видов, включая примерно 6 610 видов животных и 34 310 видов растений, перечень которых содержится в трех приложениях к документу. Конвенция является, пожалуй, одним из наиболее эффективных средств охраны биологического разнообразия и его компонентов в международном праве. Российская Федерация является стороной СИТЕС с 1992 г. С тех пор в стране проводится значительное количество программ по контролю численности и оборота редких, ценных видов, постоянно увеличивается площадь ООПТ. За прошедшие 50 лет с момента подписания конвенции в рамках СИТЕС была создана устойчивая глобальная структура, позволяющая эффективно обеспечить в рамках ее сферы правового регулирования минимизацию угроз со стороны легальной торговли выживанию диких

видов животных и растений. Она также создала основу для борьбы с незаконной торговлей дикими видами между государствами – сторонами конвенции. Тем не менее еще многие вопросы должны быть решены. Национальные правовые системы по всему миру должны предусматривать эффективные санкции за незаконные посягательства на компоненты дикой природы, а также включать меры противодействия новым формам незаконного оборота, в частности с использованием легальной сети Интернет, а также нелегальной сети Даркнет, куда в последние годы перемещается реклама товаров и услуг, запрещенных к легальному обороту.

Ключевые слова:

конвенция, СИТЕС, биологическое разнообразие, международные соглашения, правовой режим, незаконная торговля, дикие животные, биологический вид, правовая охрана, право

Компоненты биологического разнообразия с древних времен являются неотъемлемой частью жизни человека, обеспечивая его существование. Они являются источниками пищи, тепла, строительными материалами, лекарственными средствами. И этот перечень может быть продолжен. Товары растительного и животного происхождения составляют колоссальный объем в мировой торговле. Не меньшая доля товарооборота приходится и на торговлю самими особями видов животных и растений, а также их частями и дериватами. Чем более редким и ценным является тот или иной вид, тем чувствительнее для его популяции становится рост добычи по причине возможного извлечения максимальной прибыли от реализации. В XXI в. годовой объем торговли объектами флоры и фауны составляет от 10 до 20 млрд евро и охватывает десятки миллионов особей, а только легальная торговля икрой рыб осетровых приносит 100 млн евро в год [1, с. 32]. И это объем товарооборота, осуществляемого на законной основе. В то же время прибыль только от нелегальной торговли редкими видами животных составляет 6–10 млрд долларов США в год. Стоимость одной особи отдельных видов впечатляет: монгольский балобан – 20 тыс. долларов США, китайский крокодил – 15 тыс. долларов США, ангольский питон – 65 тыс. долларов США [2, с. 100]. Контрабандный оборот животных и растений, находящихся на грани исчезновения, по своему масштабу уступает лишь обороту наркотиков [3, с. 71]. Очевидно, что в данной ситуации международное сообщество должно принимать консолидированные усилия по сохранению биологического разнообразия планеты, и в особенности это касается тех видов, численность которых снижается в значительной степени. Как отмечает А.В. Кукушкина, природные ресурсы в интересах нынешнего и будущих поколений людей «должны быть защищены четко продуманным планированием и использованием» [9, с. 143], основанием для которого должны служить согласованные на уровне международного сотрудничества нормы и правила. Недаром Декларацией Конференции Организации Объединенных Наций по окружающей человека среде 1972 г. (Стокгольмской декларацией) в числе принципов, призванных обеспечить общие подходы и руководящую роль в деле сохранения и улучшения окружающей человека среды, был закреплён принцип международного природоохранного сотрудничества с учетом суверенных интересов всех государств. Эффективная реализация данного принципа является исключительно важной в деле сохранения биологического разнообразия и его компонентов, в том числе и потому, что географически ареалы обитания видов зачастую не находятся в пределах государственных границ одной страны. Особое значение международное сотрудничество

имеет для охраны редких и находящихся под угрозой исчезновения видов.

В исторической перспективе первое предложение о введении правил международной торговли экзотическими видами животных было сделано швейцарским экологом Полем Сарасином в 1911 г. Следующим шагом стала Лондонская конвенция об охране фауны и флоры и их естественных мест обитания, включавшая среди прочего и положения о контроле экспортно-импортных операций 1933 г., которая фактически не действовала по причине неприсоединения к ней достаточного количества стран. Беспрецедентный рост как легальной, так и нелегальной торговли компонентами биологического разнообразия был отмечен в 1960–1970-х гг. В 1963 г. на Генеральной ассамблее Международного союза охраны природы и природных ресурсов (МСОП) (*англ. International Union for Conservation of Nature and Natural Resources (IUCN)*) было заявлено о необходимости подписания международного соглашения в форме конвенции, регулирующего экспорт, транзит и импорт редких и угрожаемых видов. Спустя 10 лет в 1973 г. такое соглашение было заключено в Вашингтоне – Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (СИТЕС) (*англ. Convention on International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora (CITES)*), вступившая в силу в 1975 г. В настоящее время сторонами конвенции являются 183 государства и Европейский Союз (*Список договаривающихся сторон // [Электронный ресурс]: URL : <https://cites.org/eng/disc/parties/chronolo.php> (дата обращения: 02.03.2023)*). Под действие конвенции попадает более 40 900 видов, включая примерно 6 610 видов животных и 34 310 видов растений, перечень которых содержится в трех приложениях к документу. Согласно СИТЕС, торговля определяется как импорт, экспорт, реэкспорт и интродукция из моря (для морских видов, добытых в открытом море). Целью СИТЕС является защита охраняемых видов от чрезмерной эксплуатации в рамках международной торговли (*Виды СИТЕС // [Электронный ресурс]: URL : <https://cites.org/eng/disc/species.php> (дата обращения: 02.03.2023)*). Конвенция является, пожалуй, одним из наиболее эффективных средств охраны биологического разнообразия и его компонентов в международном праве. Это может быть объяснено тем, что ее основополагающие принципы – предельно ясны и понятны, а также одобряются максимально широким кругом государств, к ней присоединившихся [4, с. 484].

Несмотря на то, что в сферу регулирования конвенции попадает исключительно регулирование торговли видами между государствами и она не содержит каких-либо мер непосредственной охраны видов в их среде обитания, ее эффективность объясняется именно опосредованным сокращением изъятия особей за счет ограничения их оборота.

СИТЕС вводит запрет на международную торговлю видами (Приложение I к конвенции), находящимися под угрозой исчезновения. Конвенцией также вводится механизм контролируемой торговли видами, которые могут стать угрожаемыми (Приложение II к конвенции), в случае отсутствия подобного контроля определяя их допустимый экспорт на уровне, не угрожающем выживанию вида. Приложение III к конвенции содержит виды, оборот которых подлежит регулированию по определению любого государства-участника СИТЕС в пределах его юрисдикции в целях предотвращения или ограничения эксплуатации и в отношении которых необходимо сотрудничество других государств – участников Конвенции СИТЕС в контроле за торговлей. Для вывоза объектов СИТЕС, включенных в Приложение III, необходимо получение сертификата о происхождении (Российская Федерация выдает экспортное разрешение СИТЕС).

На международную торговлю видами, входящими в любое из трех приложений СИТЕС, должно быть получено соответствующее разрешение. Условием выдачи такого

разрешения является соблюдение заявителем целого ряда требований. Каждая из стран – членов конвенции определяет соответствующие научные органы СИТЕС, а также административные органы СИТЕС, уполномоченные выдавать экспортные разрешения, причем для каждой партии объектов СИТЕС требуется отдельное разрешение (сертификат).

Как отмечает А.М. Солнцев, особенность Конвенции заключается в отсутствии в ее тексте положений, устанавливающих напрямую процедуры ее соблюдения, то есть обязательства сторон на национальном уровне обеспечивать реализацию ее требований посредством юридических и научных подходов. Однако ряд статей может быть интерпретирован в качестве способов ее соблюдения как на международном, так и на национальном уровнях [8].

Биологическое разнообразие планеты является динамически изменяемой сущностью, в рамках которой во взаимодействии с окружающей средой происходит постоянное количественное и качественное изменение его компонентов – биологических видов. К примеру, численность одних из них в отсутствии естественных врагов и добычи их человеком, а также под влиянием иных факторов, в том числе и в случае применения мер правовой охраны, может расти, других же, также по ряду различных причин, – катастрофически сокращаться. Для обеспечения оперативного реагирования на подобные изменения в рамках СИТЕС на регулярной основе собираются Конференции сторон, в ходе которых обсуждаются и принимаются соответствующие решения по регулированию торговли видами, находящимися под угрозой исчезновения. За время существования конвенции уже состоялось 19 совещаний Конференции сторон СИТЕС (CITES CoP). Совещание Конференции сторон CITES CoP20 должно пройти в 2025 г. Конференция принимает решения о включении, исключении или изменении перечня видов в приложениях СИТЕС, по поводу политики и мер по осуществлению положений конвенции, принимаемых для повышения ее эффективности. Совещание Конференции сторон CITES CoP19 проходило с 14 по 25 ноября 2022 г. в Панама-Сити (Панама). В его ходе делегаты рассмотрели 52 предложения, касающихся более 500 видов, принимая решение о том, следует ли усилить или ослабить контроль за международной торговлей животными и дериватами. Повестка конференции состояла из 91 пункта, содержащего новые меры и политику, касающиеся международной торговли дикими животными. Ключевые темы повестки дня CoP19 касались также вопросов финансов и ресурсов для функционирования СИТЕС; вопросов правоприменения, включая коррупцию, финансовые преступления и сокращение спроса (см., например, документ 33 повестки дня CoP19) ; предложений по усилению защиты видов, являющихся предметом торговли, в том числе акул и слонов. На конференции рассматривался широкий круг иных вопросов. В их числе вопрос о включении образцов, полученных с помощью биотехнологии, в сферу действия СИТЕС, который может приобрести значительную актуальность в обозримой перспективе.

Российская Федерация является стороной СИТЕС с 1992 г. С тех пор в стране проводится значительное количество программ по контролю численности и оборота редких, ценных видов, постоянно увеличивается площадь особо охраняемых природных территорий. В УК РФ внесены поправки, ужесточившие уголовную ответственность за добычу видов, охраняемых международными соглашениями, в число которых входит и СИТЕС, и введена ответственность за торговлю редкими и исчезающими видами, а также их дериватами в сети Интернет (ст. 2581 УК РФ). Распоряжением Правительства РФ от 17 февраля 2014 г. № 212-р утверждена Стратегия сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов в Российской Федерации до 2030

года. Российская Федерация успешно реализует целый ряд комплексных научных программ по сохранению и увеличению популяций переднеазиатского и дальневосточного леопардов, амурского тигра, белого медведя, лошади Пржевальского, зубра, краснокнижных соколов, осетровых рыб и других видов (Глава Минприроды России Дмитрий Кобылкин открыл 70-е заседание Постоянного комитета СИТЕС. Впервые сессия проводится в России // [Электронный ресурс]: URL : https://www.mnr.gov.ru/press/news/glava_minprirody_rossii_dmitriy_kobylkin_otkryl_70_e_zh_sedaniye_postoyannogo_komiteta_sites (дата обращения: 14.03.2023)) .

Научными органами СИТЕС в Российской Федерации являются: Всероссийский научно-исследовательский институт охраны окружающей среды (ФГБУ «ВНИИ Экология») Минприроды России, Институт проблем экологии и эволюции Российской академии наук (ИПЭЭ РАН)(Постановление Правительства РФ от 04 мая 2008 г. № 337 «О мерах по обеспечению выполнения обязательств Российской Федерации, вытекающих из Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения, от 3 марта 1973 г., в отношении видов дикой фауны и флоры, находящихся под угрозой исчезновения, кроме осетровых видов рыб» // СЗ РФ. 2008. № 19. Ст. 2175) и Всероссийский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии (ФГБНУ «ВНИРО») Росрыболовства(Постановление Правительства РФ от 26 сентября 2005 г. № 584 «О мерах по обеспечению выполнения обязательств Российской Федерации, вытекающих из Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения, от 3 марта 1973 г., в отношении осетровых видов рыб» // СЗ РФ. 2005. № 40. Ст. 4037) .

В их функции, на примере ФГБУ «ВНИИ Экология», входят: сбор, обработка и хранение информации о конвенционных видах, подвидах, популяциях животных и растений, в том числе и о состоянии популяций в природе этих животных и растений; экспертиза образцов СИТЕС; подготовка научных рекомендаций (заключений) для административного органа СИТЕС в Российской Федерации о возможности юридическими и физическими лицами экспорта (реэкспорта) образцов СИТЕС, а также импорта в Россию образцов СИТЕС, включенных в Приложение I СИТЕС; разработка рекомендаций по изменению и дополнению Приложений I и II СИТЕС и предложений по формированию Приложения III СИТЕС от Российской Федерации с целью усиления контроля за использованием охраняемых и (или) особо ценных видов животных и растений отечественной фауны и флоры; и целый ряд других функций экспертного и информационного характера, выполнение которых способствует обеспечению научной обоснованности мер, принимаемых на национальном уровне в рамках требований СИТЕС. Открытый перечень всех функций содержится в приказе Минприроды РФ от 4 июля 1994 г. № 206 «О Научном органе СИТЕС в Российской Федерации»(документ опубликован не был / доступ из СПС «Консультант Плюс»).

Представляется, что именно всестороннее изучение проблем и научное обоснование включения или исключения отдельных видов в списки приложений к СИТЕС позволяют оперативно реагировать на изменения состояния их популяции, снижение или повышение численности таких видов, что положительным образом должно сказаться на повышении степени их охраны конвенциональными и иными правовыми средствами, принимаемыми на национальном и межгосударственном уровне.

В Российской Федерации административными органами СИТЕС являются Федеральная служба по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор) в отношении объектов, кроме осетровых видов рыб, и Федеральное агентство по рыболовству (Росрыболовство) в отношении осетровых видов рыб, включая икру. Контроль за

перемещением конвенционных видов осуществляется таможенными органами, которые согласно требованиям ст. 351 Таможенного кодекса ЕАЭС обеспечивают соблюдение соответствующих запретов и ограничений в отношении перемещаемых через таможенную границу ЕАЭС товаров. Перечень объектов СИТЕС находится в разделе 2.7 «Виды дикой фауны и флоры, подпадающие под действие Конвенции СИТЕС», единого перечня товаров, к которым применяются меры нетарифного регулирования в торговле с третьими странами (приложение № 2 к Решению Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21 апреля 2015 г. № 30 «О мерах нетарифного регулирования»). (Объекты СИТЕС // [Электронный ресурс]: URL : <https://customs.gov.ru/fiz/pravila-peremeshheniya-tovarov/poryadok-peremeshheniya-ob-ektovsites,-nakhodyashhixsya-pod-ugrozoj-ischeznoveniya-#:~:text=В%20Российской%20Федерации%20Административными%20органами,осуществляют%20> (дата обращения: 04.03.2023)). Таможенные органы РФ играют важную роль в пресечении незаконной торговли объектами СИТЕС, и от квалификации сотрудников зависит эффективность такого противодействия. В качестве механизмов незаконного перемещения через государственную границу следует отметить такие, как недекларирование частей и дериватов дикорастущих растений и диких животных и перемещение этих товаров в специально оборудованных тайниках и конструктивных полостях транспортных средств. Встречаются также случаи недостоверного декларирования, а также фальсификации разрешительных документов, в частности использование недействительных или поддельных документов. В 2020 г. на основании оперативных материалов таможенных органов по ст. 2261 УК РФ было возбуждено 828 дела [5, с. 675]. Очевидно, что повышение уровня образования сотрудников таможни, досматривающих грузы, подлежащие сертификации в рамках СИТЕС, в области биологии конвенционных видов позволит им более эффективно выявлять подмену одних видов другими, а также определять какому виду в действительности принадлежат перевозимые через государственную границу РФ дериваты. Разработка и проведение специальных программ повышения квалификации сотрудников в данной сфере должны положительно образом отразиться на эффективности выявления таможенными органами нарушений, связанных с экспортно-импортными операциями конвенционных видов.

Одной из проблем, связанных с выявлением нарушений при трансграничном перемещении конвенционных видов, является необходимость создания специальных условий для размещения задержанных таможенными органами живых животных, а также обеспечение своевременной передачи их в центры содержания и реабилитации [10, с. 58].

Отметим, что при перемещении видов, попадающих под действие конвенции, через государственные границы входящих в Евразийский экономический Союз (ЕАЭС) государств (являющихся одновременно и сторонами СИТЕС) в пределах территории ЕАЭС также требуется оформление разрешений (сертификаты). Однако отсутствие таможенного контроля внутри ЕАЭС создает дополнительные возможности для организации нелегального трафика конвенционных объектов. Так, с дальневосточных территорий идет наибольший поток контрабанды из России в одну из стран ЕАЭС, а уже затем в Китай, Японию, Республику Корея, Сингапур, Тайвань [6, с. 48]. В этой связи высказываемые в научной литературе предложения о создании на территории ЕАЭС единой информационной системы, содержащей данные о «выдаче, использовании и аннулировании разрешений на экспорт, импорт объектов СИТЕС, их задержаниях, конфискации объектов СИТЕС; о готовившихся и случившихся незаконных перемещениях между государствами – членами ЕАЭС», а также о «разработке и

утверждении Правил оборота объектов СИТЕС и иных объектов животного мира, действующих внутри общей таможенной зоны и формировании соответствующих органов на уровне ЕАЭС для обеспечения контроля за оборотом внутри ЕАЭС»^[7, с. 8], представляются вполне оправданными, а их реализация должна на практике помочь более эффективному противодействию контрабанде объектов растительного и животного мира, попадающих под регулирование СИТЕС.

Для сравнения приведем перечень проблем, с которыми сталкивается при реализации положений СИТЕС такое наднациональное образование, как Европейский Союз, который является стороной конвенции. Следует отметить, что к числу проблем общего характера, связанных с имплементацией ее положений в государствах – членах ЕС, относятся довольно схожие с имеющимися в ЕАЭС и Российской Федерации проблемы. Среди них – недостаточное развитие национального законодательства в данной сфере, отсутствие пограничного контроля, выдача или принятие поддельных или недействительных документов СИТЕС и т. д. Основная проблема Европейского Союза как стороны конвенции заключается в том, что он внедряет СИТЕС так, как если бы это было единое государство, однако его органы управления практически независимы, а процедуры сильно различаются от одного государства-члена к другому. Кроме того, как было указано выше, внутренний пограничный контроль между государствами-членами был отменен, а степень внедрения СИТЕС значительно варьируется в зависимости от страны. Соответственно, в действительности степень внедрения СИТЕС в Европейском Союзе соответствует уровню государства с самым низким уровнем такого внедрения. Иные проблемы, с которыми сталкивается ЕС: выдача сертификатов на реэкспорт образцов, которые не были ввезены в ЕС в соответствии с Конвенцией; импорт образцов, противоречащих положениям Конвенции и резолюциям; выдача разрешений на вывоз незаконно полученных образцов.

В заключение хотелось бы отметить, что за прошедшие 50 лет с момента подписания конвенции в рамках СИТЕС была создана устойчивая глобальная структура, позволяющая с достаточной степенью эффективности обеспечить в рамках ее сферы правового регулирования минимизацию угроз со стороны легальной торговли выживанию диких видов животных и растений, а также она создала основу для борьбы с незаконной торговлей дикими видами между государствами – сторонами конвенции. Тем не менее еще многие вопросы должны быть решены. Так, для обеспечения устойчивого характера законной торговли дикими животными и эффективной борьбы с незаконной торговлей требуется привлечение еще большего количества ресурсов со стороны всех государств – участников Конвенции. Национальные правовые системы по всему миру должны предусматривать эффективные санкции за незаконные посягательства на компоненты дикой природы, а также включать меры противодействия новым формам их незаконного оборота, в частности с использованием легальной сети Интернет, и в особенности Даркнет, куда в последние годы перемещается реклама товаров и услуг, запрещенных к легальному обороту.

Библиография

1. Вийнстекерс В. Защита исчезающих видов фауны и флоры // Экологическая преступность в Европе / сост. Ф. Комт, Л. Кремер; отв. ред. О. Л. Дубовик. М.: Городец, 2010. – 352 с.
2. Ахмадеева Л.М. Понятие и особенности транснациональной организованной преступности в сфере экологии // Аграрное и земельное право. 2008. № 5. С. 100–108.

3. Пилюгина Т. В., Панасенко В. П. Экологическая безопасность региона: анализ экологической преступности, ее динамика, структура и предупреждение // Вестник КСЭИ. 2017. № 3 (75). С. 69–73.
4. Bowman M., Davis P., Redgwell C. (2010) Lyster's international wildlife law. 2nd ed. 755 p.
5. Джавадова А.С. Роль таможенных органов в обеспечении национальной безопасности страны (на примере контроля перемещения объектов дикой фауны и флоры через таможенную границу ЕАЭС) // Инновации. Наука. Образование. 2022. № 49. С. 673-675.
6. Диканова Т.А. К вопросу о контрабанде образцов СИТЕС по законодательству Российской Федерации // Вестник Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. 2021. № 3. С. 47-54.
7. Афонин П.Н., Маер В.В. Обеспечение соблюдения запретов и ограничений при трансграничном перемещении отдельных объектов фауны и флоры // Бюллетень инновационных технологий. 2022. Т. 6. № 1 (21). С. 5-9.
8. Абатурова В.А., Бадретдинов Р.М., Солнцев А.М. Соблюдение Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения 1973 г. (СИТЕС): проблемы и перспективы // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2021. № 4. С. 1-9.
9. Кукушкина А.В. Отраслевые принципы международного права охраны окружающей среды // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. Редакторы: М.М. Журавлев, С.В. Ведяшкин, А.М. Барнашов, С.С. Кузнецов. 2019. С. 141-144.
10. Ронжина Н.А., Головань Д.А., Кузнецов Е.А. Таможенный контроль трансграничного перемещения биоресурсов, попадающих под действие конвенции СИТЕС //: Современная наука в условиях модернизационных процессов: проблемы, реалии, перспективы. Сборник научных статей по материалам VII Международной научно-практической конференции. Уфа, 2022. С. 54-59.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье, как это следует из ее наименования, является определение значения Конвенции CITES для охраны биологического разнообразия на основании исследования полувекового опыта реализации ее положений. Заявленные границы исследования полностью соблюдены автором. Наименование работы нуждается в корректировке - все аббревиатуры при их первом употреблении надо расшифровывать.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается, но очевидно, что ученым использовались всеобщий диалектический, логический, исторический, статистический, формально-юридический методы исследования.

Актуальность избранной темы исследования обоснована автором следующим образом: "Чем более редким и ценным является тот или иной вид, тем чувствительнее для его популяции становится рост добычи по причине возможного извлечения максимальной прибыли от реализации. В XXI в. годовой объем торговли объектами флоры и фауны составляет от 10 до 20 млрд евро и охватывает десятки миллионов особей, а только легальная торговля икрой рыб осетровых приносит 100 млн евро в год [1, с. 32]. И это

объем товарооборота, осуществляемого на законной основе. В то же время прибыль только от нелегальной торговли редкими видами животных составляет 6–10 млрд долларов США в год". Дополнительно автору необходимо перечислить фамилии ученых, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

В чем проявляется научная новизна исследования, автор прямо не говорит. Фактически она отсутствует. Статья носит описательный, информационный характер и не вносит ничего нового в развитие отечественных наук международного и экологического права. Компилятивный характер работы подтверждается в том числе сплошными ссылками на использованные при ее написании источники.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы вполне логична. Во вводной части статьи автор обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы ученый описывает содержание конвенции CITES, определяет ее значение и выявляет некоторые системные проблемы, возникающие при реализации ее положений с приведением соответствующих примеров. В заключительной части статьи содержатся общие выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи полностью соответствует ее наименованию, но не лишено ряда недостатков.

Так, автор пишет: "Следующим шагом стала Лондонская конвенция об охране фауны и флоры и их естественных мест обитания, включавшая среди прочего и положения о контроле экспортно-импортных операций 1933 г., которая фактически не действовала". С чем была связана "мертворожденность" упоминаемой конвенции?

Ученый отмечает: "В 2020 г. на основании оперативных материалов таможенных органов по ст. 2261 УК РФ было возбуждено 828 дела [5, с. 675]". Соответствующие данные за 2021 и 2022 г. в статье почему-то не приводятся.

Автор перечисляет некоторые проблемы, с которыми сталкивается при реализации положений СИТЕС ЕАЭС и ЕС, но не предлагает своих оригинальных путей их решения. Между тем в этом могла бы проявиться научная новизна статьи.

Ученому следует избегать сплошного цитирования (оно должно быть разбавлено авторскими суждениями).

Библиография исследования представлена 8 источниками (монографиями и научными статьями), в том числе на английском языке. С формальной точки зрения этого достаточно; с фактической - теоретическая база работы нуждается в расширении за счет трудов Д. С. Боклана, Е. Л. Власовой, Н. А. Козловой, Р. Ю. Колобовой, А. В. Кукушкиной, Е. В. Липина, Т. В. Малышкина, Т. Г. Марцевой, Х. Б. Лыу, Н. А. Ронжиной П. В. Чашкина и др. Это поможет автору углубить содержание исследования, высказать новые научные идеи и рекомендации по совершенствованию национального законодательства, "повысить градус дискуссионности" статьи, убедительнее обосновать свои позиции по спорным вопросам и проч.

Апелляция к оппонентам как таковая отсутствует, что недопустимо для научной статьи. Автор ссылается на использованные при написании статьи источники исключительно в подтверждение своих суждений или для иллюстрирования отдельных положений работы. В научную дискуссию ученый не вступает.

Выводы по результатам исследования имеются ("... за прошедшие 50 лет с момента подписания конвенции в рамках СИТЕС была создана устойчивая глобальная структура, позволяющая с достаточной степенью эффективности обеспечить в рамках ее сферы правового регулирования минимизацию угроз со стороны легальной торговли выживанию диких видов животных и растений, а также она создала основу для борьбы с незаконной торговлей дикими видами между государствами – сторонами конвенции. Тем

не менее еще многие вопросы должны быть решены" и проч.), однако рекомендации автора по разрешению поднятых им проблем носят общий, неконкретизированный характер. Особый интерес для читателей представляли бы соответствующие предложения ученого по совершенствованию национального законодательства, направленного на охрану существующего биологического разнообразия.

Статья нуждается в дополнительном вычитывании автором. В ней встречаются опечатки. Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере международного права и экологического права при условии ее существенной доработки: уточнении наименования работы, раскрытии методологии исследования, расширении теоретической базы работы, дополнении ряда ее положений, введении элементов научной новизны и дискуссионности, формулировании четких и конкретных выводов по результатам исследования, устранении нарушений в оформлении работы.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ на статью на тему «Значение Конвенции CITES для охраны биологического разнообразия: полувековой опыт реализации положений».

Предмет исследования. Предложенная на рецензирование статья посвящена значению и полувековому опыту реализации положений «...Конвенции CITES для охраны биологического разнообразия...». Автором выбран особый предмет исследования: предложенные вопросы исследуются с точки зрения международного, экологического права, при этом автором отмечено, что «Компоненты биологического разнообразия с древних времен являются неотъемлемой частью жизни человека, обеспечивая его существование». Изучаются НПА России, Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (CITES), Стокгольмская декларация, имеющие отношение к цели исследования. Также изучается и обобщается большой объем российской научной литературы по заявленной проблематике, анализ и дискуссия с данными авторами-оппонентами присутствует. При этом автор отмечает: «Недаром ...Стокгольмской декларацией... в числе принципов, призванных обеспечить общие подходы и руководящую роль в деле сохранения и улучшения окружающей человека среды, был закреплён принцип международного природоохранного сотрудничества с учётом суверенных интересов всех государств».

Методология исследования. Цель исследования определена названием и содержанием работы: «Эффективная реализация данного принципа является исключительно важной в деле сохранения биологического разнообразия и его компонентов, в том числе и потому, что географически ареалы обитания видов зачастую не находятся в пределах государственных границ одной страны», «На международную торговлю видами, входящими в любое из трех приложений CITES, должно быть получено соответствующее разрешение. Условием выдачи такого разрешения является соблюдение заявителем целого ряда требований». Они могут быть обозначены в качестве рассмотрения и разрешения отдельных проблемных аспектов, связанных с вышеназванными вопросами и использованием определенного опыта. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана определенная методологическая основа исследования. Автором используется совокупность частнонаучных, специально-юридических методов познания. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить подходы к предложенной тематике и повлияли на выводы автора. Наибольшую роль сыграли специально-юридические

методы. В частности, автором применялись формально-юридический и сравнительно-правовой методы, которые позволили провести анализ и осуществить толкование норм актов как российского законодательства, так и международных актов (в первую очередь СИТЕС) и сопоставить различные документы. В частности, делаются такие выводы: «Для обеспечения оперативного реагирования на подобные изменения в рамках СИТЕС на регулярной основе собираются Конференции сторон, в ходе которых обсуждаются и принимаются соответствующие решения по регулированию торговли видами, находящимися под угрозой исчезновения» и др. Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели статьи, позволяет изучить многие аспекты темы.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Данная тема является важной в мире и в России, с правовой точки зрения предлагаемая автором работа может считаться актуальной, а именно он отмечает «...международное сообщество должно принимать консолидированные усилия по сохранению биологического разнообразия планеты, и в особенности это касается тех видов, численность которых снижается в значительной степени». И на самом деле здесь должен следовать анализ работ оппонентов, и он следует и автор показывает умение владеть материалом. Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только приветствовать.

Научная новизна. Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнения. Она выражается в конкретных научных выводах автора. Среди них, например, такой: «...всестороннее изучение проблем и научное обоснование включения или исключения отдельных видов в списки приложений к СИТЕС позволяют оперативно реагировать на изменения состояния их популяции, снижение или повышение численности таких видов, что положительным образом должно сказаться на повышении степени их охраны конвенционными и иными правовыми средствами, принимаемыми на национальном и межгосударственном уровне». Как видно, указанный и иные «теоретические» выводы могут быть использованы в дальнейших исследованиях. Таким образом, материалы статьи в представленном виде могут иметь интерес для научного сообщества.

Стиль, структура, содержание. Тематика статьи соответствует специализации журнала «Международное право и международные организации / International Law and International Organizations», так как посвящена значению и полувековому опыту реализации положений «...Конвенции CITES для охраны биологического разнообразия...». В статье присутствует аналитика по научным работам оппонентов, поэтому автор отмечает, что уже ставился вопрос, близкий к данной теме и автор использует их материалы, дискутирует с оппонентами. Содержание статьи соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, достиг цели своего исследования. Качество представления исследования и его результатов следует признать доработанным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология, результаты исследования, научная новизна. Оформление работы соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенные нарушения данных требований не обнаружены, кроме опечатки «по ст. 2261 УК РФ» (226.1).

Библиография достаточно полная, содержит публикации (правда есть еще много публикаций авторов, представленных в статье и других), к которым автор обращается. Это позволяет автору правильно определить проблемы и поставить их на обсуждение. Следует высоко оценить качество представленной и использованной литературы. Присутствие научной литературы показало обоснованность выводов автора и повлияло на выводы автора. Труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию многих аспектов темы.

Апелляция к оппонентам. Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Автор описывает разные точки зрения оппонентов на проблему,

аргументирует более правильную по его мнению позицию, опираясь на работы оппонентов, предлагает варианты решения проблем.

Выводы, интерес читательской аудитории. Выводы являются логичными, конкретными «... в рамках СИТЕС была создана устойчивая глобальная структура, позволяющая с достаточной степенью эффективности обеспечить в рамках ее сферы правового регулирования минимизацию угроз со стороны легальной торговли выживанию диких видов животных и растений, а также она создала основу для борьбы с незаконной торговлей дикими видами между государствами – сторонами конвенции» и др. Статья в данном виде может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к заявленным в статье вопросам. На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи «рекомендую опубликовать».

Международное право и международные организации / International Law and International Organizations

Правильная ссылка на статью:

Дубень А.К. — Международно-правовые основы информационной безопасности: итоги и новые вызовы // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. – 2023. – № 1. DOI: 10.7256/2454-0633.2023.1.40054 EDN: ANNCOP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40054

Международно-правовые основы информационной безопасности: итоги и новые вызовы

Дубень Андрей Кириллович

Научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук

119019, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Знаменка, 10

✉ k.duben@mail.ru

[Статья из рубрики "Нормотворческая и правоприменительная деятельность международных организаций"](#)

DOI:

10.7256/2454-0633.2023.1.40054

EDN:

ANNCOP

Дата направления статьи в редакцию:

24-03-2023

Дата публикации:

31-03-2023

Аннотация: Актуальность проведенного исследования вызвана трансформацией права в условиях больших вызовов и угроз, а без понимания глобальности проблематики данного явления невозможно осуществлять активное межгосударственное сотрудничество. Целью исследования стало межгосударственное сотрудничество по обеспечению информационной безопасности, а также разработка мер по повышению его эффективности (в первую очередь международного законодательства, а также и иных межгосударственных мер по предупреждению новых вызовов и угроз). Объектом исследования стали современные общественные отношения, складывающиеся в сфере межгосударственного сотрудничества по обеспечению информационной безопасности. В качестве предмета выступили международно-правовые акты, регулирующие отношения в сфере кибербезопасности, материалы и публикации в области информационной безопасности, интернет-ресурсы по проблемам данной темы. В процессе исследования автором делаются выводы о том, что сегодня динамика конкурентных отношений в России детерминирована рядом факторов, которые следует развивать на площадках межгосударственных региональных объединений ШОС, БРИКС, ОДКБ, СНГ и других для

роста взаимосвязи участников рынка, интеграции производств, нивелирования санкционных издержек. Указанные условия ставят задачу поиска правовых средств, направленных на активизацию развития экономической сферы и обеспечения безопасности в информационной сфере. Это ставит задачу формирования эффективного механизма технического регулирования. В условиях, когда в Российской Федерации имеются значимые предпосылки для прорывного развития цифровых технологий как драйвера ее экономического роста, необходимы адекватные правовые решения, позволяющие устранить существующие препятствия на этом пути.

Ключевые слова:

информационная безопасность, сотрудничество, международная безопасность, международное право, международные организации, информационное право, угрозы и риски, правовое регулирование, трансформация права, информационное общество

Проблемы правового обеспечения информационной безопасности являются актуальными как для отечественной правовой доктрины, так и для законодательства. Каждое государство имеет свои национальные интересы и заинтересовано в поддержании мира и международной информационной безопасности. В свете тесного взаимодействия различных стран, вступающих в партнерские и союзнические отношения друг с другом, проблемы информационной защищенности одного государства могут стать бременем и для другого. В связи с этим важным представляется вопрос о зарубежном опыте правового обеспечения информационной безопасности.

Достаточно распространенным явлением стала политика ряда зарубежных стран, направленная на развитие своего информационно-технического потенциала в целях негативного воздействия на информационную инфраструктуру других государств.

В тоже время, Н.В. Бекетов справедливо отмечает что, понятие «информационная безопасность» является сложным правовым явлением с точки зрения информационного права, поскольку вышеуказанную дефиницию следует рассматривать в праве как самостоятельный наднациональный вид всеобщей безопасности, поскольку на сегодняшний день информационное право затрагивает все сферы общественной жизни и обеспечивает развитие государства в целом [\[1, с. 33\]](#).

На наш взгляд, такая позиция могла бы иметь под собой более прочное обоснование, если бы государства стремились к обеспечению всеобщей международной информационной безопасности. Однако каждое государство, учитывая рассмотренные в предыдущем параграфе стратегические документы зарубежных стран, преимущественно заботится о собственном информационном суверенитете. Информационная безопасность иных государств зачастую заботит остальных участников геополитической борьбы лишь в той мере, в которой информационные угрозы, затрагивающие интересы одного государства, могут затронуть национальные интересы другого государства. Подобная ситуация возможна при тесном интеграционном сотрудничестве между странами, которое предполагает взаимную защиту секретной информации. Выстраивание партнерских и союзнических отношений предполагает и взаимную ответственность за информационную защищенность каждого из участников интеграционного объединения.

Вместе с тем следует отметить, что в информационном праве правовое регулирование вопросов информационной безопасности отображается в Доктрине информационной

безопасности РФ. Данный нормативно-правовой акт регулирует часть общественных отношений в информационной сфере, благодаря которым демонстрируется защищенность государства в информационной сфере и определяется дальнейшее совершенствование правовых институтов с целью балансирования интересов личности, общества и государства в информационной среде.

Особо внимание в науке информационного права отнесено вопросам состояния правового обеспечения исследуемой подотрасли права, так в соответствии с п. 8 Доктрины информационной безопасности РФ можно выделить следующие особенности национальных интересов:

- 1) прозрачность и транспарентность деятельности государства в информационной сфере;
- 2) гарантия защиты конституционных прав и свобод граждан, касающихся информационной безопасности;
- 3) взаимное и согласованное функционирование государства и гражданского общества, в том числе в рамках укрепления нравственных ценностей общества;
- 4) обеспечение надлежащего функционирования информационной инфраструктуры как в случае непосредственного влияния информационных угроз (в том числе в военное время), так и в период стабильной мирной обстановки в стране;
- 5) стимулирование научно-технического прогресса и развития экономических отраслей, способствующих обеспечению информационной безопасности;
- 6) интеграционное взаимодействие с другими странами для обеспечения международной информационной безопасности и стратегической стабильности [\[2\]](#).

Национальные интересы в сфере информационной безопасности представляют собой общие ориентиры для органов публичной власти, на которых возложена роль нейтрализатора информационных угроз и конфликтов. Закрепленный в документах стратегического планирования перечень национальных интересов является правовым фундаментом (наряду с целями и задачами), на котором стоит вся система национальной безопасности.

Довольно актуальными являются подходы к разрешению проблем, связанных с обеспечением информационной безопасности международно-правовыми средствами. Проблема состоит в том, что любые условия, касающиеся транспарентности и информационная прозрачности, могут восприниматься странами в качестве ограничения суверенитета (прежде всего, информационного). Этим объясняется то, что в настоящий момент отсутствует международный договор, в котором были бы закреплены базовые принципы обеспечения информационной безопасности. Единственным способом для разрешения данной проблемы является заключение международных соглашений в рамках наднациональных институтов.

Как мы ранее отмечали, Российская Федерация является активным участником различных интеграционных объединений: объединение БРИКС, ОДКБ, ШОС, ЕАЭС, СНГ. В рамках указанных организаций заключаются соглашения, касающиеся защиты информации и иных вопросов в сфере обеспечения информационной безопасности. Такой подход выбран неслучайно, так как разрешение вопросов, касающихся такой чувствительной к различного рода угрозам среды, как информационное пространство, требует не только поиска точек соприкосновения со стороны иных государств и формирования единых подходов к разрешению проблем информационного характера, но

и определенного доверия. Лишь при взаимодействии со странами, с которыми Россию связывают партнерские и союзнические отношения, можно надеяться на неукоснительное соблюдение единых целей и задач в информационном пространстве.

Сотрудничество государств по реализации задач безопасности в информационной сфере требует формирования и последующего принятия организационно-правовых мер по противодействию информационным угрозам, посягающим на безопасность информационного пространства и затрагивающим национальные интересы нескольких государств. В настоящее время указанный принцип представляется еще более актуальным ввиду повышения уровня интеграционного взаимодействия в рамках региональных межгосударственных союзов и взаимозависимости между государствами, обусловленных трансграничным характером информационного пространства. Учитывая существующие проблемы межгосударственного взаимодействия на площадках международных организаций в условиях геополитических рисков и общемирового цивилизационного кризиса, для Российской Федерации усиливается значение межгосударственного взаимодействия на площадках таких региональных интеграционных союзов, как БРИКС, СНГ, ШОС, ЕАЭС и ОДКБ. К примеру, в рамках межгосударственного сотрудничества принимаются модельные законы об информационной безопасности, так на заседании Совета Парламентской Ассамблеи ОДКБ отдельно отмечено, что на данный момент всем странам-участницам необходимо усилить противодействие киберпреступности посредством внесения изменений в нормативные акты национального законодательства, в основе которого должен лежать модельный закон ОДКБ «Об информационной безопасности», принятый в 2021 г.^[3] В свою очередь, по результатам межмидовских консультаций государств – участников СНГ по тематике международной информационной безопасности принято решение о разработке всеобъемлющей международной конвенции о противодействии использованию ИКТ в преступных целях в рамках Специального межправительственного комитета экспертов ООН.^[4] Таким образом, взаимодействие России в рамках региональных межгосударственных союзов и взаимозависимости между государствами способствует укреплению международного сотрудничества.

На сегодняшний день процесс формирования и развития международных норм в информационной сфере возникает по результатам межгосударственного сотрудничества в рамках международных организаций таких как ООН, Совет Европы, Европейский Союз, ШОС, БРИКС, ЕврАзЭС, СНГ, ОДКБ и других. Совет Европы один из первых, кто рассматривал на высоком уровне вопросы информационной безопасности, в результате были приняты Белая книга «Экономический рост, конкуренция, занятость – задачи и пути их решения на пороге XXI века» и план действий «Путь Европы в информационное общество», которые содержат ряд норм по защите информации и условий для создания и формирования свободного доступа к информации.^[5, с. 548]

В международных актах сформулированы основные принципы международной информационной безопасности, которые являются базисными в информационном праве. Одним из основных документов для правового регулирования безопасности в информационной сфере является Всеобщая декларация прав человека.^[6] В данном нормативном правовом акте закреплены гарантии на права и свободы человека и гражданина в части свободы убеждений, мысли, совести, религии, право на образование, а также право искать, получать и распространять информацию. Следовательно, право на свободу информации является естественным общепризнанным правом человека.

Кроме того, Всеобщей декларацией прав человека и конвенциями ООН дополнительно гарантированы права на частую жизнь. Важное значение для информационной безопасности имеют общие принципы, закрепленные в Резолюции ГА ООН 2450 (XXIII) от 12 декабря 1968 г., которые предусматривают свободу получения, хранения и обмена информацией, а также информирование о деятельности органов государственной власти и местного самоуправления.

В условиях динамично развивающихся правоотношений и геополитических изменений России с 1998 г. ведется переговорный процесс по формированию международно-правовых механизмов обеспечения информационной безопасности. Международной организацией ООН активно обсуждаются вопросы информационной безопасности, включая проблемы формирования понятийного аппарата, и разработки международно-правового режима информационной безопасности. В этой связи Российской Федерацией подготовлен проект «Принципы, касающиеся международной информационной безопасности», в котором содержатся определения базовых понятий в сфере информационной безопасности. Подтверждением актуальности международной информационной безопасности является позиция Глав государств – членов ШОС [\[7\]](#).

Таким образом, система международной информационной безопасности строится на системе взаимосвязанных международных норм на основе международного и межрегионального сотрудничества [\[8, с. 45\]](#). Вместе с тем одним из перспективных направлений в данной теме является создание международно-правовой базы и формирование понятийного аппарата в сфере обеспечения международной информационной безопасности [\[9, с. 25\]](#). Анализ рассматриваемых базовых положений межгосударственных соглашений позволил определить, что общая цель состоит в формулировании единых правил поведения в информационном пространстве в целях обеспечения информационной безопасности в условиях новых вызовов и угроз посредством международного сотрудничества между всеми соответствующими заинтересованными сторонами.

При этом ввиду отсутствия системы информационной безопасности и понятийного аппарата, а также несогласованных моделей считаем целесообразным развитие межгосударственного сотрудничества на основе сближения евразийской и евро-атлантической систем международной информационной безопасности с учетом общепризнанных принципов и норм международного права, при этом значимое место должно быть уделено вопросам безопасности личности и общества в информационной сфере, включая противодействие нежелательному информационно-психологическому воздействию.

В заключении можем отметить, что сегодня динамика конкурентных отношений в России детерминирована рядом факторов, которые следует развивать на площадках межгосударственных региональных объединений ШОС, БРИКС, ОДКБ, СНГ и других для роста взаимосвязи участников рынка, интеграции производств, нивелирования санкционных издержек. Указанные условия ставят задачу поиска правовых средств, направленных на активизацию развития экономической сферы и обеспечения безопасности в информационной сфере. Это ставит задачу формирования эффективного механизма технического регулирования. В условиях, когда в Российской Федерации имеются значимые предпосылки для прорывного развития цифровых технологий как драйвера ее экономического роста, необходимы адекватные правовые решения, позволяющие устранить существующие препятствия на этом пути и создать правовую основу эффективного и безопасного продвижения в указанном направлении. В этой

связи, обеспечение информационной безопасности в различных ее аспектах является приоритетной целью технического регулирования.

Библиография

1. Бекетов Н.В. Информационная безопасность развития государства // Информационные ресурсы России. 2004. № 6. С. 32 – 35.
2. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ, 12.12.2016, № 50, ст. 7074.
3. Андрейченко: объективная информация о событиях в мире Западом жестко фильтруется и блокируется // Официальный сайт Белорусского телеграфного агентства «Белта» URL: <https://www.belta.by/politics/view/andrejchenko-objektivnaja-informatsija-o-sobytijah-v-mire-zapadom-zhestko-filtruetsja-i-blokiruetsja-506249-2022> (дата обращения: 10.03.2023).
4. Об итогах межмидовских консультаций государств – участников СНГ по тематике международной информационной безопасности // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnye-struktury-prostranstva-sng/sng/1819433/ (дата обращения: 14.03.2023).
5. Тихонов В.Н., Маркова А.Ю. Международно-правовое регулирование информационной безопасности // Аллея науки. 2017. № 15 (2). С. 547-550.
6. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета, 10.12.1998.
7. О заявлении Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1446414/ (дата обращения: 15.03.2023).
8. Марков А.А. Некоторые аспекты информационной безопасности в контексте национальной безопасности // Вестник СПбГУ. 2011. Сер. 12. Вып. 1. С. 43-48.
9. Бачило И.Л., Бондуровский В.В., Вус М.А., Кучерявый М.М., Макаров О.С. О совершенствовании и гармонизации национального законодательства государств-участников СНГ в сфере обеспечения информационной безопасности // Информационное право. 2013. № 1. С. 24 – 27.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Международно-правовые основы информационной безопасности: итоги и новые вызовы».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам международно-правового регулирования отношений по поводу информационной безопасности. Автором рассмотрены некоторые аспекты регулирования данного вопроса, а также намечены перспективные направления совершенствования права. В

качестве предмета исследования выступили мнения ученых, положения международно-правовых актов.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье не заявлена. При этом она может быть ясно понята из названия и содержания работы. Цель может быть обозначена в качестве рассмотрения и разрешения отдельных проблемных аспектов вопроса о перспективах развития международно-правового регулирования отношений по поводу информационной безопасности. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования.

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из положений правовых актов.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующего законодательства (прежде всего, положений правовых актов). Например, следующий вывод автора: «В международных актах сформулированы основные принципы международной информационной безопасности, которые являются базисными в информационном праве. Одним из основных документов для правового регулирования безопасности в информационной сфере является Всеобщая декларация прав человека [6]. В данном нормативном правовом акте закреплены гарантии на права и свободы человека и гражданина в части свободы убеждений, мысли, совести, религии, право на образование, а также право искать, получать и распространять информацию. Следовательно, право на свободу информации является естественным общепризнанным правом человека».

Также автор статьи активно исследует опыт различных стран в анализируемой сфере. Так, отметим следующие рассуждения: «На сегодняшний день процесс формирования и развития международных норм в информационной сфере возникает по результатам межгосударственного сотрудничества в рамках международных организаций таких как ООН, Совет Европы, Европейский Союз, ШОС, БРИКС, ЕврАзЭС, СНГ, ОДКБ и други Совет Европы один из первых, кто рассматривал на высоком уровне вопросы информационной безопасности, в результате были приняты Белая книга «Экономический рост, конкуренция, занятость – задачи и пути их решения на пороге XXI века» и план действий «Путь Европы в информационное общество», которые содержат ряд норм по защите информации и условий для создания и формирования свободного доступа к информации».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема обеспечения информационной безопасности сложна и неоднозначна. Информационная безопасность может быть гарантирована в полной мере на наднациональном уровне при активном участии различных государств, ведь онлайн-ресурсы, а также активные действия, связанные с распространением информации происходят вне каких-либо границ, а в масштабах различных государств. Следовательно, необходимо переосмысление международного взаимодействия по

указанному направлению. С практической стороны следует признать, что толкование международных актов, связанных с информационной безопасностью, может быть необходимо юристам, работающим в сфере международного права. Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.

Научная новизна.

Определенная научная новизна предложенной статьи имеется. Во-первых, она выражается в авторских выводах. Например, следующий вывод: «сегодня динамика конкурентных отношений в России детерминирована рядом факторов, которые следует развивать на площадках межгосударственных региональных объединений ШОС, БРИКС, ОДКБ, СНГ и других для роста взаимосвязи участников рынка, интеграции производств, нивелирования санкционных издержек. Указанные условия ставят задачу поиска правовых средств, направленных на активизацию развития экономической сферы и обеспечения безопасности в информационной сфере. Это ставит задачу формирования эффективного механизма технического регулирования. В условиях, когда в Российской Федерации имеются значимые предпосылки для прорывного развития цифровых технологий как драйвера ее экономического роста, необходимы адекватные правовые решения, позволяющие устранить существующие препятствия на этом пути и создать правовую основу эффективного и безопасного продвижения в указанном направлении. В этой связи, обеспечение информационной безопасности в различных ее аспектах является приоритетной целью технического регулирования».

Во-вторых, автором предложено оригинальное толкование положений международно-правовых актов в их системной взаимосвязи, что также может рассматриваться в качестве научной новизны и значимого аспекта исследовательской работы.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенный интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Международное право и международные организации / International Law and International Organizations», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с международно-правовым регулированием отношений по поводу обеспечения информационной безопасности.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, достиг цели исследования.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует средне оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России (Бекетов Н.В., Тихонов В.Н., Маркова А.Ю., Марков А.А. и другие). При этом самой «свежей» работой является статья 2017 года. Вместе с тем, автор рассматривает современные проблемы информационной безопасности. Странно, рассматривая именно современные проблемы, изучать работы, написанные в 2017 году и ранее.

Удивительно, что автор статьи, несмотря на тематику, не использовал работы ученых из зарубежных стран на иностранных языках. Представляется, что сложно или даже

невозможно раскрыть заявленную тему в отсутствии обсуждения мнения коллег из-за рубежа.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, но не обладают признаком достаточности, не способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Вопрос об адекватности апелляции к оппонентам остается открытым. Следует расширить теоретическую базу исследования для однозначного ответа на этот вопрос.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к вопросам регулирования отношений по поводу международно-правового обеспечения информационной безопасности.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую отправить на доработку»

Международное право и международные организации / International Law and International Organizations

Правильная ссылка на статью:

Сергеева А.А., Соколова Е.В., Питулько К.В. — Квалификация Европейским Судом по правам человека унижающего достоинство обращения в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. – 2023. – № 1. DOI: 10.7256/2454-0633.2023.1.40082 EDN: ARLWUN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40082

Квалификация Европейским Судом по правам человека унижающего достоинство обращения в учреждениях уголовно-исполнительной системы

Сергеева Анжелика Анатольевна

кандидат юридических наук

доцент, кафедра уголовного права и процесса, Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции

199178, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. 10-Я линия в.о., 19

✉ lokhi@yandex.ru

Соколова Елена Валерьевна

кандидат юридических наук

доцент, кафедра уголовного права и процесса, Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции

199034, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. 10-Я линия в.о., 19

✉ lokhi@rambler.ru

Питулько Ксения Викторовна

кандидат юридических наук

доцент, кафедра уголовного права и процесса, Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции

197341, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. 10-Я линия в.о., 19

✉ lokhi@rambler.ru

[Статья из рубрики "Международные судебные органы"](#)

DOI:

10.7256/2454-0633.2023.1.40082

EDN:

ARLWUN

Дата направления статьи в редакцию:

24-03-2023

Дата публикации:

31-03-2023

Аннотация: В статье рассматриваются правовые позиции, сформулированные Европейским Судом по правам человека применительно к соответствию российского законодательства и практики его применения критериям недопустимости жестокого и унижительного обращения с осужденными. Невзирая на прекращение сотрудничества России с европейскими межгосударственными правозащитными органами, длительный опыт взаимодействия с ними позволил выявить отдельные недостатки в национальной пенитенциарной системе и наметить пути их устранения. Ряд решений Европейского суда по правам человека получил творческое осмысление в российском законодательстве, и это способствовало совершенствованию правового статуса лиц, осужденных к лишению свободы. На основании критического анализа ключевых негативных характеристик уголовно-исполнительной системы авторами выявлены основные направления воздействия решений межгосударственного правозащитного органа на формирование новой уголовно-исполнительной политики, способствующей повышению защищенности прав, свобод и законных интересов граждан, отбывающих наказание в виде лишения свободы. До настоящего времени актуальность этого сохранилась, хотя правовые позиции Европейского Суда по правам человека не являются и никогда не являлись источниками российского права. Совершенствование пенитенциарного законодательства выступает значимым направлением уголовной политики государства, поэтому авторские выводы представляют интерес для нормотворческой деятельности.

Ключевые слова:

права человека, уголовно-исполнительная система, жестокое обращение, пытки, унижение достоинства, осужденный, пенитенциарная система, правовой статус, преступление, наказание

Рассматриваемый вопрос нашел свое отражение в ряде постановлений, вынесенных по жалобам лиц, находящихся в условиях изоляции от общества. Как известно, условия содержания под стражей в следственных изоляторах, исправительных колониях и других учреждениях уголовно-исполнительной системы в России существенно отличаются от европейской пенитенциарной практики. Хотя в «антирейтинге» тюрем лидируют такие страны, как Бразилия, Египет, Индия и Таиланд^[1], среди государств, признающих юрисдикцию ЕСПЧ, аналогов российским пенитенциарным учреждениям практически нет. При этом, согласно расчетам Института криминологии и уголовного права Лозаннского университета, именно ФСИН России обладает самым большим по стоимости бюджетом, хотя расходы на содержание заключенных в России самые низкие в Европе – 2,2 евро в сутки^[2]. Естественно, при таких обстоятельствах соответствие условий содержания Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными 1955 г. весьма относительно. Тем не менее, ЕСПЧ в данном вопросе придерживается универсальной тактики и рассматривает дела об унижающем достоинство обращении на общих (единых) основаниях. Хотя юрисдикция ЕСПЧ более не распространяется на территорию России, опыт сотрудничества с ним привнес в национальную правовую систему ряд достаточно интересных новаций. Поэтому краткий обзор правовых позиций ЕСПЧ представляет научно-практический интерес

Первым из значимых решений ЕСПЧ, затрагивающим соответствие российских стандартов обращения с заключенными конвенционным нормам стало постановление от 15.07.2002

по делу «Калашников против Российской Федерации» (жалоба № 47095/991) ^[3]. По делу установлено следующее. Заявителю было предъявлено обвинение в совершении преступления экономической направленности и избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. До рассмотрения дела по существу он содержался в следственном изоляторе в следующих условиях. В камере площадью 17 кв м, оборудованной восемью спальными местами, одновременно находилось 24 человека. В помещении постоянно горел электрический свет, работал телевизор, личное пространство у содержащихся в камере отсутствовало. Требования санитарно-гигиенического характера не соблюдались: место для приема пищи было оборудовано рядом с унитазом, ширма или перегородка для санузла отсутствовала, в помещении имелись бытовые насекомые. Вышеизложенное, по мнению заявителя, не соответствует Минимальным стандартам обращения с заключенными. ЕСПЧ усмотрел нарушение ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, запрещающей применение пыток и унижающего достоинство обращения. В данном случае лицо, еще не признанное виновным в совершении преступления, подвергалось избыточным правоограничениям и фактически было водворено в условия бесчеловечного содержания. Желательным стандартом для обустройства камеры являются 7 кв. м на человека (Второй общий доклад Европейского комитета по предотвращению пыток и бесчеловечного и негуманного обращения, СРТ/Inf (92)3, 43). Переполненность камеры, антисанитарная обстановка в ней и вредные для здоровья и благополучия заявителя условия содержания приравниваются к унижающему достоинство обращению. Заявителю была присуждена компенсация в сумме 5 000 евро.

Позитивные и негативные последствия принятия решения можно охарактеризовать следующим образом. Однозначно позитивным является то обстоятельство, что с момента вынесения данного решения в УИС России начались преобразования, направленные на ее модификацию и, в частности, улучшение условий содержания заключенных. Были приняты, хотя и не реализованы до конца, концептуальные документы, определяющие основные направления развития правовых механизмов отбывания уголовного наказания. Негативно можно оценить позицию властей РФ: условия содержания заявителя нельзя приравнивать к бесчеловечному обращению или пыткам, поскольку все остальные российские заключенные содержатся примерно в таких же условиях в связи с проблемами экономического характера.

В течение следующих 10 лет Европейским судом по правам человека было принято еще около 80 судебных актов со схожей фабулой дела, а порядка 350 жалоб не рассмотрено до сих пор.

Достаточно интересным в рассматриваемом контексте является Постановление от 16.10.2014 по делу «Белов против Российской Федерации» (жалоба № 27623/06) ^[4]. Заявитель был осужден по делу об убийстве к длительному сроку лишения свободы. В период производства по уголовному делу полтора года содержался под стражей в следственном изоляторе. Площадь камеры составляла 8 кв. м, в ней было организовано единовременное пребывание пяти заключенных. Прием пищи осуществлялся один раз в день, прогулки не предоставлялись, индивидуальные спальные места отсутствовали. При проведении ведомственной проверки общее санитарное состояние учреждения было признано неудовлетворительным. Заявитель обращался в суд с гражданским иском в связи с ненадлежащими условиями содержания под стражей. Российский суд отказал в удовлетворении иска, но в решении констатировал, что часть утверждения заявителя относительно условий содержания под стражей являются обоснованными. Жалоба была признана приемлемой. Суд пришел к выводу о том, что условия содержания заявителя

под стражей приравнивались к бесчеловечному и унижающему достоинство обращению. По настоящему делу представители РФ требовали признания жалобы неприемлемой, мотивируя это тем, что ее рассмотрение началось через пять лет после того, как заявитель был переведен из следственного изолятора в исправительную колонию. Иными словами, приемлемость жалобы оправдывалась истечением срока ее подачи. По существу жалобы власти РФ возражений не представили. Фактически это означало признание изложенных в ней обстоятельств. ЕСПЧ признал нарушение ст. 3 ЕКПЧ и назначил заявителю компенсацию в сумме 5 000 евро. Следует отметить, что ЕСПЧ дает «формальную» оценку допущенным нарушениям, присуждая за нарушение, например, статьи 3 ЕКПЧ стандартные суммы компенсации (например, сравнивая обстоятельства содержания под стражей в деле «Калашников против Российской Федерации» и по делу «Белов против Российской Федерации»).

В данном деле в очередной раз был констатирован разрыв в представлениях о минимальных стандартах комфорта, применимых в отношении лиц, изолированных от общества в связи с совершением преступления. Как негативный аспект необходимо отметить то, что при рассмотрении жалобы представителями государства не было сформулировано каких бы то ни было аргументов против ее удовлетворения или иных доводов, объясняющих допустимость содержания обвиняемых в условиях, подобных описанным в жалобе. Это означает, что потребность в модернизации учреждений уголовно-исполнительной системы не признается приоритетной, а санитарно-бытовая ситуация, существующая в них, представляется нормальной.

Данный вывод подтверждает, например, и довольно некорректное публичное высказывание директора ФСИН России относительно того, что в Европейский Суд по правам человека на условия содержания жалуются только «одиозные личности» [\[5\]](#). Не совсем понятно, какая категория осужденных имелась в виду, но если обратиться к характеристике личности заявителей по вышеприведенным делам, а также по иным, рассмотренным Европейским судом по правам человека в 2012-2020 гг., можно заключить, что ни один из них не был осужден по резонансному уголовному делу, не обладал статусом общественного деятеля или какой бы то ни было публичной репутацией.

С другой стороны, спустя пять лет после вынесения решения по данному делу появилась законодательная инициатива, касающаяся предоставления лицам, находящимся в условиях изоляции от общества, права требования компенсации за нарушение условий содержания [\[6\]](#). Поскольку Уголовно-исполнительный кодекс РФ и Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» содержат нормы, отвечающие Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными 1955 г., реализация этой инициативы будет способствовать устранению наиболее грубых отступлений от них.

Одновременно можно отметить, что присуждение компенсаций даст дополнительную аргументацию властям при рассмотрении похожих жалоб в будущем: по сути, это означает признание нарушения и его устранение ресурсами национального права. Соответственно, исчерпание мер внутригосударственной правовой защиты повлечет иную квалификацию: в национальном суде осужденные или обвиняемые будут получать признание прав, гарантированных уголовно-исполнительным законодательством, вследствие чего добиться оценки жалобы как приемлемой в ЕСПЧ будет намного сложнее. При таких обстоятельствах модернизация учреждений уголовно-исполнительной системы лишится необходимой интенсивности.

В связи с тем, что российские суды назначают мизерные компенсации лицам, обжалующим ненадлежащие условия содержания под стражей, ЕСПЧ уже достаточно давно сформировал позицию о том, что гражданские иски с подобными требованиями не являются эффективными средствами правовой защиты (постановление от 05.02.2013 по делу «Норкин против Российской Федерации», жалоба № 21056/11).

По состоянию на 1 сентября 2021 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 471 490 человек, из них 108 306 – в следственных изоляторах ^[7]. Для сравнения, в странах, входящих в первую пятерку этого рейтинга, заключенных меньше в разы: Великобритания – 84,5 тыс. человек, Польша – 73,8 тыс. человек, Франция – 69,5 тыс. человек, Германия – 64,2 тыс. человек ^[8]. Естественно, что, анализируя эти данные, надо исходить и из того, что и население России, и количество зарегистрированных преступлений, и число лиц, в отношении которых рассматриваются уголовные дела, существенно различаются. Низкобюджетное содержание осужденных обусловлено и кризисными экономическими явлениями, и иными объективными обстоятельствами.

Но, несмотря на это, необходимость хотя бы частичного изменения этого принципа имеет место. Например, по одному из дел ЕСПЧ проанализировал в итоговом постановлении документы, представленные МВД России, содержащие спецификации оборудования для транспортировки арестованных: одноместная камера в фургоне имеет размер 05,х0,6 м, при этом сидячее место обладает шириной 0,45 м; при нахождении в фургоне заключенные должны оставаться в сидячем положении при том, что каждая перевозка превышала три с половиной часа. Во время этапирования в исправительную колонию заключенным запрещалось пользоваться туалетом (постановление от 10.07.2014 по жалобе № 8589/08) ^[9]. Поскольку ЕСПЧ исходит из того, что минимальная степень жестокого обращения включает в себя реальные телесные повреждения или чрезмерные физические и нравственные страдания, он признает унижающим достоинство обращение, при котором у человека заведомо вызывается чувство неполноценности. Логично предположить, что длительная перевозка в условиях, приведенных выше, порождает самые неприглядные ассоциации. Европейский комитет по предотвращению пыток и унижающего достоинство обращения признал перевозку в кабинках площадью 0,5-0,8 кв. м неподходящей для транспортировки человека, независимо от продолжительности поездки. В 2018 г. ЕСПЧ объединил в одном производстве дела нескольких заявителей, жаловавшихся на невыносимые условия транспортировки в фургонах, присудив каждому порядка 1500 евро (постановление от 14.06.2018 по жалобе № 9094/05). При этом один из заявителей длительное время находился на площади 0,2 кв.м. В ряде случаев осужденные обжалуют условия содержания в исправительной колонии (например, по делу «Яковлев и другие против Российской Федерации» ^[10], рассмотренному 22 февраля 2018 г., установлено, что заявителям предоставлялось личное пространство площадью 1,8 кв.м).

В то же время, вследствие увеличившейся активности Европейского Суда по правам человека по рассмотрению жалоб на условия содержания государством приняты стратегические усилия по модернизации уголовно-исполнительной системы: в частности, разработана и утверждена Федеральная целевая программа «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007-2016 годы)». Хотя она предполагала, что только 12,9% следственных изоляторов будут отвечать международным стандартам после окончания ее реализации, но если учесть, что в 2007 г. только 0,5% СИЗО могли быть признаны соответствующими им, это можно расценивать как безусловное достижение. Новая

долгосрочная программа, реализация которой будет осуществляться до 2025 года, предполагает, что 100% лиц, изолированных от общества в СИЗО и исправительных учреждениях, будут содержаться в соответствии с международными стандартами ^[11]. Для ее реализации потребуется 96 500 млн. руб.

Достаточно интересно и то обстоятельство, что, признавая факт унижающего достоинство обращения, Европейский суд по правам человека учитывает добровольные предложения о выплате денежной компенсации со стороны государства с последующим прекращением производства по делу. При этом он достаточно строго следит за тем, чтобы условия переговоров между заявителем и представителями национальных властей не предавались преждевременной огласке (в вышеупомянутом казусе, заявителями по которому выступали подсудимые по уголовному делу об убийстве Б. Немцова, жалобы двух фигурантов были признаны неприемлемыми именно по данному основанию). Из этого можно заключить, что суд придерживается представлений о возможном медиативном исходе дела, отдавая эту перспективу на усмотрение сторон, но, не признавая допустимости открытых публичных переговоров. Это не нарушает стандарт гласности судебного производства и способствует конфиденциальному урегулированию обоюдных претензий, что в целом является логичным (при постановке такого вопроса в национальной юрисдикции, очевидно, никакого публичного обсуждения по вопросу определения размера компенсации не проводится).

Кроме того, отказ заявителя от принятия условий такого «мирового соглашения» чреват для него серьезным снижением размера присуждаемой компенсации. Например, по делу «Караченцев против Российской Федерации» (постановление от 17 апреля 2018 г. по жалобе № 23229/11) ^[12] суд установил, что властями заявителю предлагалась компенсация в сумме 8800 евро. При этом заявитель обжаловал содержание в металлической клетке во время сеансов видеоконференц-связи, организованных для его участия в судебных заседаниях. Такой прием априорно признается унижающим и несовместимым со стандартами демократического правосудия. От компенсации, предложенной властями, заявитель отказался, и суд рассмотрел его жалобу по существу. Признав нарушение ст. 3 ЕКПЧ, суд постановил взыскать в пользу заявителя сумму, почти в десять раз меньшую, – 950 евро (при том, что сам заявитель требовал 29 700 евро в качестве компенсации материального ущерба и 56 000 евро – в качестве компенсации морального вреда). Сам факт предложения компенсации со стороны государства – положительный момент, отражающий признание допущенных нарушений конвенционных прав.

Достаточно интересна и практика признания ЕСПЧ жалоб на длительность содержания под стражей неприемлемыми. Например, в этом отношении судом создан подход к оценке «рачительности» судебного разбирательства (иными словами, с учетом особой сложности дела и большого массива следственных действий суд признает продолжительность производства по делу необходимой, а жалобу – необоснованной). Например, в 2018 г. судом вынесено несколько таких решений: одно – в отношении бывшего судьи (дело «Савелюк против Российской Федерации»), еще три – по жалобам осужденных по сложным многоэпизодным делам, связанным с организованной преступной деятельностью. В последнем случае суд исходил также из наличия у заявителей связей с «криминальным миром», уязвимости потерпевших и невозможности применения альтернативных заключению под стражу мер пресечения. По 9 делам, объединенным в одно производство, суд согласился с тем, что при осуществлении уголовного преследования заявителей не было нарушено принципов оценки доказательств, а еще по одной жалобе от 8 заявителей констатировал соблюдение российскими властями

принципов содержания под стражей [13].

В этой связи правовые позиции Европейского суда по правам человека можно признать своеобразным «катализатором», ускорившим разработку и проведение модернизации учреждений уголовно-исполнительной системы РФ. Репутационный ущерб, который неминуемо возникает при публичной констатации антисанитарии и иных унижительных нюансов, связанных с содержанием лиц в условиях изоляции от общества, в целом является приемлемым негативным последствием, искоренению причин которого способствует гласное исследование данных обстоятельств и негативный общественный резонанс.

Библиография

1. В каких странах самые плохие условия содержания в тюрьме // Рамблер [электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://news.rambler.ru/world/37120286-v-kakih-stranah-samye-plohie-usloviya-soderzhaniya-v-tyurme/> (Дата обращения: 07.03.2023)
2. Россия тратит на одного заключенного в 50 раз меньше Европы // РБК [электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://www.rbc.ru/society/11/02/2015/54db24779a794752506f1ebf> (Дата обращения: 07.03.2023)
3. Европейский Суд по правам человека (Третья секция). Дело «Ка-лашников (Kalashnikov) против Российской Федерации (жалоба №47095/99): постановление Суда, Страсбург, 18 сентября 2001 г [электронный ресурс]. –URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=18745#009241079795533347> (дата обращения: 07.03.2023)
4. Европейский Суд по правам человека (Первая секция). Дело «Бе-лов (Belov) против Российской Федерации (жалоба №27623/06): постановление Суда, Страсбург, 16 октября 2014 г [электронный ресурс]. –URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=414264#024740736974637523> (дата обращения: 07.03.2023)
5. Глава ФСИН назвал одиозными личностями тех, кто жалуется в ЕСПЧ на российские тюрьмы // Интерфакс [электронный ресурс]. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/661232> (дата обращения: 07.03.2023)
6. Заключенные смогут требовать компенсации за нарушение условий содержания // Рос. Газ. – 2019. – 29 апр.
7. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы // ФСИН России [электронный ресурс]. – URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (Дата обращения: 07.03.2023)
8. Россия занимает первое место в Европе по количеству заключенных // Коммерсантъ. – 2019. – 2 апр.
9. Европейский Суд по правам человека (Первая секция). Дело «М.С. (M.S.) против Российской Федерации (жалоба №8589/08): постановление Суда, Страсбург, 10 июля 2014 г. [электрон. ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=406897#08999065340678418> (дата обращения: 07.03.2023)
10. Европейский Суд по правам человека. Дело «Яковлев и другие (Yakovlev and Others) против Российской Федерации» (жалобы №№ 64119/13, 53696/16, 79163/16, 13362/17, 16305/17, 18289/17 и 18877/17) : постановление Суда, Страсбург, 22 февраля 2018 г. [электрон. ресурс]. – URL:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?>

req=doc&base=ARB&n=545572#006943085206148325 (дата обращения: 07.03.2023)

11. Концепция Федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017-2025 годы)» : утв. расп. Правительства РФ от 23.12.2016 № 2808-р [электронный ресурс] – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71479292/> (Дата обращения: 07.03.2023)
12. Европейский Суд по правам человека. Дело «Караченцев (Karachentsev) против Российской Федерации» (жалоба № 23229/11): поста-новление Суда, Страсбург, 17 апреля 2018г. [электрон. ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?> req=doc&base=INT&n=63063#008110741206281147 (дата обращения: 07.03.2023)
13. ЕСПЧ отказал в удовлетворении жалоб против Российской Федерации [электронный ресурс]. – URL: <https://minjust.ru/ru/novosti/espch-otkazal-v-udovletvorenii-ryada-zhalob-protiv-rossiyskoy-federacii> (дата обращения: 07.03.2023)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. Рецензируемая статья, подготовленная на тему: "Квалификация Европейским Судом по правам человека унижающего достоинство обращения в учреждениях уголовно-исполнительной системы" в качестве предмета исследования является правовая позиция Европейского Суда по правам человека о квалификации унижающего достоинство обращения в пенитенциарных учреждениях, сформулированная в постановлениях этого юрисдикционного органа.

Методология исследования. Основной метод исследования – анализ правоприменительной деятельности Европейского Суда по правам человека отдельной категории дел. В ходе выполнения работы применялись и другие современные методы научного познания, как общенаучные, так и частные. Методологический аппарат статьи составили следующие элементы анализа: диахронное и синхронное, внутреннее и внешнее сравнение, а также диалектические методы научного познания: абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, сравнение и теоретико-прогностический. В работе в основном использовалась эмпирическая информация.

Актуальность исследования. Как верно отметил сам автор статьи, что "хотя юрисдикция ЕСПЧ более не распространяется на территорию России, опыт сотрудничества с ним привнес в национальную правовую систему ряд достаточно интересных новаций. Поэтому краткий обзор правовых позиций ЕСПЧ представляет научно-практический интерес". Современная пенитенциарная система в Российской Федерации, бесспорно, нуждается в совершенствовании, поэтому любые предложения могут заслуживать внимания с точки зрения своей важности и необходимости. Тема статьи представляется важной и практически значимой.

Научная новизна. Пожалуй, впервые в таком аспекте рассматриваются вопросы совершенствования пенитенциарной системы Российской Федерации с учетом опыта правоприменительной деятельности ЕСПЧ.

Стиль, структура, содержание. Статья написана официальным языком. К сожалению, автором допускаются стилистические ошибки при изложении материала, употребление

несколько раз одного и того термина в одном предложении, например, "негативный", хотя можно использовать синоним - отрицательный. Применение слов-синонимов улучшает качество текста и восприятие читательской аудиторией. нельзя сказать, что статья структурирована. Абзац, который играет роль введения, не отвечает требованиям, нуждается в доработке. Основная часть статьи не содержит глубокого научного анализа, лишь обзор правоприменительных актов Европейского Суда по правам человека с их оценкой автором. Следует, все-таки, изучить публикации других ученых, которые исследуют вопросы деятельности ЕСПЧ, а также проблемы пенитенциарной системы Российской Федерации. В работе нет ни одной ссылки на научные публикации. Не совсем понятен вывод автора в заключении статьи: "Репутационный ущерб, который неминуемо возникает при публичной констатации антисанитарии и иных унижительных нюансов, связанных с содержанием лиц в условиях изоляции от общества, в целом является приемлемым негативным последствием, искоренению причин которого способствует гласное исследование данных обстоятельств и негативный общественный резонанс". Если последствие является приемлемым, то почему нужно искоренять причины? Полагаем, что вывод в заключении должен быть более аргументированным и смысл его должен быть понятен любому читателю.

Библиография. В библиографическом списке отсутствуют научные публикации. Ссылки на источники СМИ и официальные документы.

Апелляция к оппонентам. У автора статьи нет обзора разных точек зрения на проблему, поднятую им в своей работе.

Выводы, интерес читательской аудитории. Тема "Квалификация Европейским Судом по правам человека унижающего достоинство обращения в учреждениях уголовно-исполнительной системы", бесспорно, является актуальной, имеющей практическую значимость, и может представлять интерес для читательской аудитории. Однако представленный материал не отвечает требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Англоязычные метаданные

Political, Economic Aspects and Prospects of Tajikistan's Integration Policy

Khadyrov Ravshan Yunusovich

PhD in Politics

Postgraduate student, Department of World Political Processes, MGIMO

115764, Russia, Moscow region, Moscow, ul. Moscow, 63, of. Moscow

✉ khadyrov.r.u@mail.ru

Abstract. The article reveals the debatable topic of analyzing the balance of political, economic costs and benefits when choosing a responsible integration decision on Tajikistan's entry into the Eurasian Economic Union. The official positions of the government, expert opinions of supporters, skeptics and opponents of the country's participation in the economic union are considered. The argumentation about the adoption by the leadership of Tajikistan of a responsible political decision ensuring further socio-economic modernization of the country as part of the Eurasian Economic Union is substantiated. On May 29, 2014, the Presidents of Russia, Belarus and Kazakhstan signed an agreement on the establishment of the Eurasian Economic Union (EAEU), Armenia joined the EAEU on January 2, 2015, and Kyrgyzstan on May 8. It seemed obvious that in the political and economic elites of the Republic of Tajikistan, the understanding of long-term economic and political benefits will prevail, their predominance over short-term risks of reducing customs and tax revenues, and the country will become the next member of this integration union. However, the leadership of the Republic of Tatarstan did not take the initiative to join the EAEU. For 8 years, the possible membership of the Republic of Tajikistan in the EAEU has been actively discussed in the scientific, expert community and the media, but the government structures of the Republic of Tajikistan have actually stopped in the integration movement, justifying this by the need for a deeper consideration of national interests, a detailed calculation of benefits and risks when joining the economic union. Let's agree that the analysis of the balance of political and economic benefits and costs is really necessary for making strategic development decisions.

Keywords: integration loyalty, integration risks, advantages of integration, integration, economic aspects, political aspects, EAEU, Tadjikistan, foreign policy decisions, management decisions

References (transliterated)

1. Dogovor o Evraziiskom ekonomicheskom soyuze : ofits. tekst v red. na 24.03.2022 g. : Minekonomrazvitiya Rossii [Sait]. Rezhim dostupa:- https://www.economy.gov.ru/material/file/2bbbf9ae33443d533d855bf2225707e/Dogovor_ees.pdf. (data obrashcheniya : 11.01.2023).;
2. Kontseptsiya vneshnei politiki Respubliki Tadjikistan. Utverzhdena Ukazom Prezidenta RT ot 27 yanvarya 2015 goda, № 332 : ofits. tekst. MID RT [Sait]. Rezhim dostupa:-<https://www.mfa.tj/ru/main/view/988/kontseptsiya-vneshnei-politiki-respubliki-tadjikistan>. (data obrashcheniya : 16.01.2023).;
3. Natsional'naya strategiya razvitiya Respubliki Tadjikistan na period do 2030 goda. Utverzhdena postanovleniem MNMO RT ot 1.12.2016 № 636. – Dushanbe : Donish, 2016.-102 s.

4. Ob osnovnykh napravleniyakh vnutrennei i vneshnei politiki respubliki : poslanie prezidenta Respubliki Tadjikistan E. Rakhmona : ofits. tekst. / IA Khovar, 23. 12. 2022. [Sait]. Rezhim dostupa:-<https://khovar.tj/rus/2022/12/poslanie-prezidenta-respubliki-tadjikistan-uvazhaemogo-emomali-rahmona-ob-osnovnykh-napravleniyah-vnutrennej-i-vneshnej-politiki-respubliki/>. (data obrashcheniya : 19.01.2023).;
5. V poiskakh novoi arkhitektury mnogopolyarnosti: mezhdunarodnoe sotrudnichestvo EAES : dokl. k XXI Apr. mezhdunar. nauch. konf. po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva, Moskva, 2020 g. / Yu. A. Belous, T. V. Bordachev, M. K. Glazatova i dr. ; pod nauchn. red. T. A. Meshkovoi . — M. : Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2020. — 132 s.
6. Vlasti Tadjikistana izuchayut plyusy i minusy vozmoznogo vstupleniya v EAES. Rukovodstvo respubliki budet prinimat' reshenie na baze natsional'nykh interesov. 26.07. 2019. [Sait]. Rezhim dostupa:-<https://tass.ru/ekonomika/6704651>. (data obrashcheniya : 22.01.2023).;
7. Evraziiskaya ekonomicheskaya komissiya EAES. [Sait]. Rezhim dostupa:-https://eec.eaeunion.org/comission/departament/dep_razv_integr/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/o-statuse-gosudarstva-nablyudatelya.php. (data obrashcheniya : 22.01.2023).;
8. Integratsionnyi biznes-barometr EABR : doklad 22/1. / E. Chimiris, A. Almakaeva, A. Nemirovskaya, N. Soboleva, V. Pereboev // Tsentri integratsionnykh issledovaniy EABR.- M. : Evraziiskii bank razvitiya, 2022. – 64 s.
9. Maitdinova G. M. Tadjikistan v geopoliticheskikh trendakh v nachale tret'ego desyatiletiya KhKhI v // Postsoverskie issledovaniya, 2021.-T.4.-№ 1. – S. 9-16.
10. Mamii S. Vstupit li Tadjikistan v EAES? : interv'yu R. Khadyrova IA Eurasia Daily // IA EADaily, 20.05.2021. [Sait]. Rezhim dostupa:-<https://eadaaily.com/ru/news/2021/05/20/vstupit-li-tadjikistan-v-eaes>. (data obrashcheniya : 22.01.2023).;
11. Makhmutova E. Est' li u Tadjikistana vybor v usloviyakh sanktsii protiv Rossii? // Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam, 11.08. 2022. [Sait]. Rezhim dostupa:-<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/est-li-u-tadjikistana-vybor-v-usloviyakh-sanktsiy-protiv-rossii/>. (data obrashcheniya : 24.01.2023).;
12. Mullodzhanov P. Tadjikistanu pridetsya reshit' – poidet on v EAES ili net // IA Asiaplustj, 2021. [Sait]. Rezhim dostupa:-<https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/politics/20210204/tadjikistanu-pridyotsya-reshit-poidyot-on-v-eaes-ili-net>. (data obrashcheniya : 24.01.2023).;
13. Otsenka ekonomicheskogo effekta prisoedineniya Tadjikistana k TS i EEP : analiticheskii doklad // Tsentri integratsionnykh issledovaniy direktsii po analiticheskoi rabote EABR.-M. : EABR, 2020. –S. 64.
14. Potentsial'nye vygody i izderzhki ot vstupleniya Tadjikistana v EAES : analiticheskii doklad / D. A. Korshunov, A. R. Petros'yan // Tsentri integratsionnykh issledovaniy direktsii po analiticheskoi rabote EABR. – M. : EABR, 2019. – 24 s.
15. Press-konferentsiya ministra ekonomicheskogo razvitiya i torgovli RT Z. Zavkizoda // MIA Sputnik Tadjikistan, 03.08.2020. [Sait]. Rezhim dostupa:-<https://tj.sputniknews.ru/20200803/ocenit-plyusy-minusy-otvet-minekonomrazvitiya-vstuplenie-tajikistan-eaeu-1031675902.html>. (data obrashcheniya : 30.01.2023).;
16. Rakhimov K. Kh. Perspektivy integratsii Tadjikistana v EAES / Evraziiskii yuridicheskii portal. [Sait]. Rezhim dostupa:-https://www.eurasialegal.info/index.php?option=com_content&view=article&id=5070:2016-07-26-05-59-

- 00&catid=1:eurasianintegration&Itemid=1. (data obrashcheniya : 01.02.2023).;
17. Rizoen Sh. Natsional'nye interesy vo vneshnei politike Respubliki Tadjikistan : monografiya / Sh.Sh. Rizoen.-Dushanbe : Donish, 2020. – 320 s.
 18. Salimov F. Analiz uchastiya i politiki Tadjikistana v mezhdunarodnykh organizatsiyakh // Institut po osveshcheniyu voyny i mira (IWPR), IA Cabar.Asia, 20.07.2020. [Sait]. Rezhim dostupa:-<https://cabar.asia/ru/analiz-uchastiya-i-politiki-tadjikistana-v-mezhdunarodnyh-organizatsiyah>. (data obrashcheniya : 02.02.2023).;
 19. Sattorzoda A. Mnogovektornaya politika i ego perspektivy // Prioritetnye napravleniya i perspektivy mnogovektornoj politiki Respubliki Tadjikistan v sovremennykh usloviyakh: materialy respublikanskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 11.12. 2019 (na tadjh. yaz.).-Dushanbe: TNU, 2019.-S. 17.
 20. Sulaimoni I., Dzhum'ae M. Usmonzoda: Prisoedinenie Tadjikistana k EAES neobkhodimo dlya bezopasnosti, a pol'za i vred vtorostepenny : interv'yu S. Usmonzoda // IA Asia-Plus, 28.12.2021. [Sait]. Rezhim dostupa:-<https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/politics/20211228/usmonzoda-prisoedinenie-tadjikistana-k-eaes-neobkhodimo-dlya-bezopasnosti-a-polza-i-vred-vtorostepenni>. (data obrashcheniya : 04.02.2023).;
 21. Sultanov K. Plyusy i minusy EAES: Vstupit li Tadjikistan v etot soyuz? : interv'yu K. Rakhimova / IA Vzgl'yad, 07.05. 2019. [Sait]. Rezhim dostupa:-<https://vzgl'yad.az/news/136411/Plyusy-i-minusy-EAES--Vstupit-li-Tadjikistan-v-etot-soyuz--INTERV''Yu.html>. (data obrashcheniya : 06.02.2023).;
 22. Super E. Tadjikistan stal blizhe k vstupleniyu v EAES. Pri prinyatii resheniya pravitel'stvo budet uchityvat' natsional'nye interesy. [Sait]. Rezhim dostupa:-<https://www.sonar2050.org/publications/tadjikistan-stal-blije-k-vstupleniyu-v-eaes/>. (data obrashcheniya : 28.01.2023).;
 23. Tadjikistan – EAES: kto komu bol'she nuzhen : interv'yu Sh. Khakimova // IA Avesta, 18.08. 2021. [Sait]. Rezhim dostupa:-<https://avesta.tj/2021/08/18/tadjikistan-eaes-kto-komu-bolshe-nuzhen/>. (data obrashcheniya : 22.01.2023).;
 24. Tadjikistan mozhet prisoedinit'sya k EAES kak nablyudatel' // MIA Sputnik Tadjikistan. [Sait]. Rezhim dostupa:-https://tj.sputniknews.ru/20221221/tadjikistan-nabludatel-eaeu-1053680956.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D. (data obrashcheniya : 06.02.2023).;
 25. Khurramov Kh.Kh. Tadjikistan – EAES: ozhidaniya i opaseniya // Analiticheski portal CABAR.asia, 28.03.2018. [Sait]. Rezhim dostupa:-<https://cabar.asia/ru/hursand-hurramov-tadjikistan-eaes-ozhidaniya-i-opaseniya>. (data obrashcheniya : 13.01.2023).;
 26. Chorshanbiev P., Fatulloev F. Nuzhno li Tadjikistanu idti v EAES? Biznes v rasteryannosti. // Asia-Plus, 25.02. 2022. [Sait]. Rezhim dostupa:-<https://asiaplustj.info/news/tajikistan/politics/20220225/nuzhno-li-tadjikistanu-idti-v-eaes-biznes-v-rasteryannosti>. (data obrashcheniya : 22.01.2023).;
 27. Ekonomicheskie efekty vstupleniya Tadjikistana v Evraziiskii Ekonomicheskii Soyuz : analiticheskii doklad noyabr' 2020 // Tsentri integratsionnykh issledovaniy direktсии po analiticheskoi rabote EABR. – M. : EABR, 2020.-64 s.

The Main Directions of Supranational Regulation of Public Relations in the Digital Sphere at the Present Stage (on the Example of the European Union)

Lyu Kirill Alekseevich

Postgraduate Student, Department of European Law, Faculty of International Law, Moscow State Institute of International Relations

119454, Russia, g. Moscow, pr. Vernadskogo, 76

✉ kirill.lu.0322@gmail.com

Abstract. This article attempts to systematize all currently existing at the EU level areas of supranational regulation of public relations in the digital sphere. An appropriate systematization can be useful both from the point of view of further theoretical understanding of supranational regulation at the present stage, and from the point of view of using the EU experience to harmonize the regulation of the digital space within the EAEU. Despite the fact that, individually, almost all areas of supranational regulation have become the subject of research, their cumulative, systemic effect has not been analyzed. This predetermines the scientific novelty of the present study. In addition, the scientific novelty of the article is also manifested in the fact that the author involves in scientific circulation the most relevant areas of supranational legal regulation of social relations arising in the digital sphere (in particular, we are talking about supranational regulation of artificial intelligence and crypto assets). In this article, based on an analysis of the EU experience, a general conclusion is made that supranational regulation of social relations in the digital sphere today has significantly expanded (and continues to expand) due to the inclusion of fundamentally new areas of public life that have arisen in connection with the development of information and communication technologies. In addition, the article carried out a detailed systematization and classification of the key areas of supranational regulation of social relations arising in the digital sphere.

Keywords: artificial intelligence, cyberterrorism, cloud infrastructure, digital public procurement, gatekeeper companies, antitrust requirements, digital services, copyright protection, personal data, crypto assets

References (transliterated)

1. Khlopov O. A. Problemy kiberbezopasnosti i zashchity kriticheskoi infrastruktury // The Scientific Heritage. 2020. № 45-5(45). S. 64-69.
2. Oyun Ch. O., Popantonopulo E. V. Ob'ekty kriticheskoi informatsionnoi infrastruktury // Interespo Geo-Sibir'. 2018. №9. S. 45-49.
3. Shalaevskaya V. N. Antimonopol'noe pravo v epokhu tsifrovoy ekonomiki // Umnaya tsifrovaya ekonomika. 2022. T. 2. № 1. S. 31-36.
4. Larionova S. L. Metodika zashchity personal'nykh dannykh s uchetom trebovaniy reglamenta ES General Data Protection Regulation // Innovatsii i investitsii. 2020. № 6. S. 198-205.
5. Chubukova S. G. Pravovye problemy obrabotki personal'nykh dannykh v kontekste COVID-19: opyt Rossii i ES // Rol' i znachenie prava v usloviyakh pandemii: Monografiya po itogam Mezhdunarodnogo onlain-simpoziuma / Pod obshchei redaktsiei V.V. Blazheeva, M. A. Egorovoi. Moskva: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu "Prospekt", 2021. S. 52-62.
6. Mostovoi G. I. "Tsifrovoy tupik" zashchity intellektual'noi sobstvennosti v seti internet i vozmozhnosti ego preodoleniya / G. I. Mostovoi, V. I. Kharin // Voprosy rossiiskoi yustitsii. 2020. № 8. S. 576-584.
7. Kopylov V. A. Zashchita intellektual'noi sobstvennosti v seti internet na sovremennom

- etape razvitiya grazhdanskogo oborota // Budushchee nauki-2020: sbornik nauchnykh statei 8-i Mezhdunarodnoi molodezhnoi nauchnoi konferentsii: v 5 tomakh, Kursk, 21–22 aprelya 2020 goda. Kursk: Yugo-Zapadnyi gosudarstvennyi universitet, 2020. S. 281-287.
8. Shaforostova K. I. Zashchita intellektual'noi sobstvennosti v seti Internet na natsional'nom i mezhdunarodno-pravovom urovne // Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal Kontsept. 2019. № 6. S. 161-166.
 9. Litvinova T. N. Evropeiskaya i rossiiskaya politiki protivodeistviya kiberterrorizmu (na primere bor'by s "kiber-dzhikhadom") // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. 2020. № 3. S. 32-47.
 10. Gedgafov M. M. Razvitie kiberterrorizma v usloviyakh globalizatsii informatsionnogo prostranstva // Obrazovanie i pravo. 2021. № 6. S. 304-308.
 11. Butkevich S. A. Feik-n'yus i media: problemy differentsiatsii i penalizatsii // Yurist'-Pravoved". 2021. № 2(97). S. 74-79.
 12. Fel'dman P. Ya. "Postpravda" i "feik-n'yuz" v sovremennom kommunikatsionnom prostranstve: perspektivy politiko-pravovogo regulirovaniya // Grazhdanin. Vybory. Vlast'. 2019. № 2(12). S. 134-146.
 13. Hustad E., Olsen D. Creating a sustainable digital infrastructure: The role of service-oriented architecture // Procedia Computer Science. 2021. Vol. 181. P. 597-604.
 14. Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market For Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act) PE/30/2022/REV/1 // OJ L 277, 27.10.2022, p. 1–102.
 15. Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector and amending Directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act) PE/17/2022/REV/1 // OJ L 265, 12.10.2022, p. 1–66
 16. Proposal for a Regulation of the European parliament and of the Council laying down harmonised rules on artificial intelligence (artificial intelligence act) and amending certain union legislative acts. COM/2021/206 final. Brussels, 21.4.2021 // [Electronic source]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52021PC0206> (accessed: 08.03.2023)
 17. Proposal for a Regulation of the european parliament and of the council on Markets in Crypto-assets, and amending Directive (EU) 2019/1937. COM/2020/593 final. Brussels, 24.9.2020 // [Electronic source]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52020PC0593> (accessed: 08.03.2023).
 18. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) // OJ L 119, 4.5.2016, p. 1–88.
 19. Churilov A.Yu. Printsipy obshchego Reglamenta Evropeiskogo soyuza o zashchite personal'nykh dannykh (GDPR): problemy i perspektivy implementatsii // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. 2019. №1. S. 29-35.
 20. Regulation (EU) 2018/1807 of the European Parliament and of the Council of 14 November 2018 on a framework for the free flow of non-personal data in the European Union // OJ L 303, 28.11.2018, p. 59–68.
 21. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European economic and social committee and the Committee of the regions: A European strategy for data (COM/2020/66 final). Brussels, 19.2.2020 // [Electronic

- source]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1593073685620&uri=CELEX%3A52020DC0066> (accessed: 08.03.2023).
22. Memorandum of understanding on online advertising and intellectual property rights (21.06.2018) [Electronic source] // European Commission. URL: <https://ec.europa.eu/docsroom/documents/30226> (accessed: 08.03.2023).
 23. Communication from the Commission to the European parliament, the Council, the European economic and social committee and the Committee of the regions «End-to-end e-procurement to modernize public administration» (COM/2013/0453 final) // [Electronic source]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52013DC0453> (accessed: 08.03.2023).
 24. Directive 2014/55/EU of the European Parliament and of the Council of 16 April 2014 on electronic invoicing in public procurement // OJ L 133, 6.5.2014, p. 1–11
 25. Commission Implementing Regulation (EU) 2015/1986 of 11 November 2015 establishing standard forms for the publication of notices in the field of public procurement and repealing Implementing Regulation (EU) No 842/2011 // OJ L 296, 12.11.2015, p. 1–146.
 26. Directive 2014/24/EU of the European Parliament and of the Council of 26 February 2014 on public procurement and repealing Directive 2004/18/EC // OJ L 94, 28.3.2014, p. 65–242.
 27. Review No 02/2019: Challenges to effective EU cybersecurity policy (Briefing Paper). European Court of Auditors. 2019.
 28. Madiaga T. Digital sovereignty for Europe. European Parliamentary Research Service (EPRS) Ideas Paper. July 2020. 12 p.
 29. Directive (EU) 2018/1972 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 establishing the European Electronic Communications Code (Recast) (PE/52/2018/REV/1) // OJ L 321, 17.12.2018, p. 36–214.
 30. Directive (EU) 2016/1148 of the European Parliament and of the Council of 6 July 2016 concerning measures for a high common level of security of network and information systems across the Union // OJ L 194, 19.7.2016, p. 1–30.
 31. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European economic and social committee and the Committee of the regions: 2030 Digital Compass: the European way for the Digital Decade (COM/2021/118 final). Brussels, 9.3.2021 // [Electronic source]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A52021DC0118> (accessed: 08.03.2023).
 32. Communication from the Commission to the European Parliament, the European council, the Council, the European economic and social committee and the Committee of the regions: The European Green Deal (COM/2019/640 final). Brussels, 11.12.2019 // [Electronic source]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2019%3A640%3AFIN> (accessed: 08.03.2023).
 33. The Digital Economy and Society Index [Electronic source] // European Commission. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/desi> (accessed: 08.03.2023).
 34. Joint communication to the European Parliament, the Council, the European economic and Social Committee and the Committee of the regions «Cybersecurity Strategy of the European Union: An Open, Safe and Secure Cyberspace» (JOIN (2013) 1 final). Brussels, 7.2.2013 // [Electronic source]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A52013JC0001> (accessed: 08.03.2023).
 35. Joint communication to the European parliament and the Council The EU's Cybersecurity Strategy for the Digital Decade. JOIN(2020) 18 final. Brussels,

- 16.12.2020 // [Electronic source]. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/eus-cybersecurity-strategy-digital-decade-0> (accessed: 08.03.2023).
36. Directive (EU) 2016/1148 of the European Parliament and of the Council of 6 July 2016 concerning measures for a high common level of security of network and information systems across the Union // OJ L 194, 19.7.2016, p. 1–30.
37. Commission Recommendation (EU) 2017/1584 of 13 September 2017 on coordinated response to large-scale cybersecurity incidents and crises // OJ L 239, 19.9.2017, p. 36–58.
38. Joint Communication to the European Parliament and the Council «Resilience, Deterrence and Defence: Building strong cybersecurity for the EU» (JOIN/2017/0450 final) // [Electronic source]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A52017JC0450> (accessed: 08.03.2023).
39. Regulation (EU) 2019/881 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on ENISA (the European Union Agency for Cybersecurity) and on information and communications technology cybersecurity certification and repealing Regulation (EU) No 526/2013 (Cybersecurity Act) // OJ L 151, 7.6.2019, p. 15–69
40. Regulation (EU) 2021/887 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2021 establishing the European Cybersecurity Industrial, Technology and Research Competence Centre and the Network of National Coordination Centres. PE/28/2021/INIT // OJ L 202, 8.6.2021, p. 1–31
41. Proposal for a Regulation of the European parliament and of the Council laying down harmonised rules on artificial intelligence (artificial intelligence act) and amending certain union legislative acts. COM/2021/206 final. Brussels, 21.4.2021 // [Electronic source]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52021PC0206> (accessed: 08.03.2023).
42. Savorskaya E.V. Sushchnost' kontseptsii «Normativnoi sily» Evropeiskogo soyuza // Balt. reg.. 2015. №4. S. 90-104.
43. Igumnova L.O. Obraz normativnoi sily Evrosoyuza v zayavleniyakh Evropeiskoi vneshnepoliticheskoi sluzhby // Sovremennaya Evropa. 2017. №6 (78). S. 81-93.
44. Stepanyan A.Zh. Reglament Evropeiskogo Soyuzha ob iskusstvennom intellekte (Artificial Intelligence Act): pervyi vzglyad na proekt // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). 2021. № 7. S. 93-98.
45. Proposal for a Regulation of the european parliament and of the council on Markets in Crypto-assets, and amending Directive (EU) 2019/1937. COM/2020/593 final. Brussels, 24.9.2020 // [Electronic source]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52020PC0593> (accessed: 08.03.2023).
46. Dogovor o Evraziiskom ekonomicheskom soyuze (Podpisan v g. Astane 29.05.2014) // Ofitsial'nyi sait Evraziiskoi ekonomicheskoi komissii <http://www.eurasiancommission.org/>, 05.06.2014.
47. Prilozhenie № 3 k Dogovoru o Evraziiskom ekonomicheskom soyuze. Protokol ob informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiyakh i informatsionnom vzaimodeistvii v ramkakh Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza [Elektronnyi resurs] // Rezhim dostupa: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/Pages/DisplayDocument.aspx?s=bef9c798-3978-42f3-9ef2-d0fb3d53b75f&w=632c7868-4ee2-4b21-bc64-1995328e6ef3&l=540294ae-c3c9-4511-9bf8-aaf5d6e0d169&EntityID=3610> (data obrashcheniya: 08.03.2023).

48. Zayavlenie o tsifrovoi povestke EAES [Elektronnyi resurs] // Rezhim dostupa: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/materials/Pages/docs.aspx> (data obrashcheniya: 08.03.2023).
49. Obshchie podkhody k formirovaniyu tsifrovogo prostranstva Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza v perspektive do 2030 goda (Podgotovleno EEK v ramkakh vyrabotki predlozhenii po formirovaniyu tsifrovogo prostranstva EAES) [Elektronnyi resurs] // Rezhim dostupa: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/materials/Pages/docs.aspx> (data obrashcheniya: 08.03.2023).

Legal Status of European Union Bodies and Institutions in the Field of Cybersecurity

Gris Valeriya Alekseevna

Postgraduate, Department of Integration and European Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

123000, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str., 9

✉ valeri_ka@list.ru

Abstract. The relevance of the research topic stems from the fact that different state bodies are involved in addressing cybersecurity services. While each of the state bodies has their own goals and objectives, the successful resolution of the issues entirely depends on their effective cooperation. The existing resources and expertise available in the EU member states and corresponding EU institutions, bodies and agencies provide a solid basis for a collective response to cybersecurity threats. As a result, the EU has established a system of cyber security risk management bodies. The purpose of this article is to investigate the activities of key EU cyber security authorities. To achieve this goal and analyse the activities of the main EU bodies in the field of cybersecurity, the author has used several methods, such as the systematic approach, the formal-legal method, the comparative-legal method and the historical method. The author has come to the conclusion that cooperation and information exchange are essential elements in addressing cyber security issues. At the same time, to achieve coherence among cyber security bodies, the EU is taking measures to strengthen their joint work. In addition, it has been concluded that the EU, as a regional integration organization where member states act on the basis of mutual trust, is a reliable platform for addressing cyber security issues.

Keywords: information security, cyber attack, cyber space, cyber defence, cyber resilience, cyber threats, cyber security, EU law, cybercrime, cyber incident

References (transliterated)

1. Kashkin S.Yu. Lissabonskii dogovor-novyi etap razvitiya prava Evropeiskogo Soyuza // Gosudarstvo i pravo. 2008. №9. S.59-66.
2. Regulation (EC) No 460/2004 of the European Parliament and of the Council of 10 March 2004 establishing the European Network and Information Security Agency // Official Journal of the European Union. 13.3.2004. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32004R0460> (data obrashcheniya 20.02.2023 g.).
3. Judgment of the Court United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland v

- European Parliament and Council of the European Union. Regulation (EC) No 460/2004- European Network and Information Security Agency-Choice of legal basis. CaseC-217/04. 2 May 2006 S.10 [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:62004CJ0217&from=EN> (data obrashcheniya 20.02.2023 g.).
4. Directive 2002/21/EC of the European Parliament and of the Council of 7 March 2002 on a common regulatory framework for electronic communications networks and services (Framework Directive) // Official Journal. 24.04.2002. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=CELEX%3A32002L0021> (data obrashcheniya 20.02.2023 g.).
5. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council On the evaluation of the European Network and Information Security Agency (ENISA) // Brussels. 1.6.2007. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:52007DC0285> (data obrashcheniya 20.02.2023 g.).
6. Regulation (EC) no 1007/2008 of the European Parliament and of the Council of 24 September 2008 amending Regulation (EC) No 460/2004 establishing the European Network and Information Security Agency as regards its duration // Official Journal of the European Union. 31.10.2008. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32008R1007&from=EN> (data obrashcheniya 20.02.2023 g.).
7. Souncil Resolution of 18 December 2009 on a collaborative European approach to Network and Information Security 2009/C 321/01 // Official Journal of the European Union. 29.12.2009. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32009G1229%2801%29> (data obrashcheniya 20.02.2023 g.).
8. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council concerning the European Network and Information Security Agency (ENISA) // Brussels. 30.9.2010. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52010PC0521&from=EN> (data obrashcheniya 20.02.2023 g.).
9. Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the regions Cybersecurity Strategy of the European Union: An Open, Safe and Secure Cyberspace // Brussels. 7.2.2013. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52013JC0001&from=EN> (data obrashcheniya 20.02.2023 g.).
10. Regulation (EU) No 580/2011 of the European Parliament and of the Council of 8 June 2011 amending Regulation (EC) No 460/2004 establishing the European Network and Information Security Agency as regards its duration Text with EEA relevance // Official Journal of the European Union. 24.6.2011. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32011R0580&from=EN> (data obrashcheniya 20.02.2023 g.).
11. Regulation (EU) No 526/2013 of the European Parliament and the Council of 21 May 2013 concerning the European Union Agency for Network and Information Security (ENISA) and repealing Regulation (EC) No 460/2004 // Official Journal of the European Union. 18.6.2013. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX:32013R0526> (data obrashcheniya 20.02.2023 g.).

12. Directive (EU) 2016/1148 of the European Parliament and of the Council of 6 July 2016 concerning measures for a high common level of security of network and information systems across the Union // Official Journal of the European Union. 19.07.2016. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <https://eur-lex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32016L1148&from=EN> (data obrashcheniya 20.02.2023 g.).
13. Regulation (EU) 2019/881 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on ENISA (the European Union Agency for Cybersecurity) and on information and communications technology cybersecurity certification and repealing Regulation (EU) No 526/2013 (Cybersecurity Act) // Official Journal of the European Union. 07.06.2019. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2019.151.01.0015.01.ENG (data obrashcheniya 20.02.2023 g.).
14. Decision 2002/187/JHA — setting up Eurojust with a view to reinforcing the fight against serious crime // Official Journal of the European Communities. 6.3.2002. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32002D0187> (data obrashcheniya 20.02.2023 g.).
15. Regulation (EU) 2018/1727 of the European parliament and of the Council of 14 November 2018 on the European Union Agency for Criminal Justice Cooperation (Eurojust), and replacing and repealing Council Decision 2002/187/JHA/ // Official Journal of the European Union. 21.11.2018. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32018R1727&from=BG> (data obrashcheniya 20.02.2023 g.).
16. Conclusions of the Council of the European Union on the European Judicial Cybercrime Network-Council conclusions // Brussels. 9 June 2016. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <https://www.consilium.europa.eu/media/24301/network-en.pdf> (data obrashcheniya 20.02.2023 g.).
17. Chetverikov A.O. Reshenie Soveta ot 6 aprelya 2009 g. o sozdanii Evropeiskogo politseiskogo vedomstva (Evropol) [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <https://eulaw.ru/translation/reshenie-o-sozdanii-evropola/> (data obrashcheniya 20.02.2023 g.).
18. Ilbiz E., Kaunert S. Europol and cybercrime: Europol's sharing decryption platform // Journal of Contemporary European Studies. 2021. S.3
19. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council the EU Internal Security Strategy in Action: Five steps towards a more secure Europe // Brussels. 22.11.2010. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A52010DC0673> (data obrashcheniya 20.02.2023 g.).
20. Communication From The Commission To The Council And The European Parliament Tackling Crime in our Digital Age: Establishing a European Cybercrime Centre // Brussels. 28.3.2012. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:52012DC0140> (data obrashcheniya 20.02.2023 g.).
21. Robinson N., Disley E., Potoglou D., Reding A., Culley D. M., Maryse M., Botterman M., Carpenter G., Blackman C., Millard J. Feasibility Study for a European Cybercrime Centre // RAND Corporation. 2012.
22. Miadzvetskaya Y., Wessel R.A. The Externalisation of the EU's Cybersecurity Regime: The Cyber Diplomacy Toolbox // European Papers. 2022. No. 27/2022. 7(1). C. 413-438.

23. Operational guidance for the EU's international cooperation on cyber capacity building // Luxembourg: Publications Office of the European Union. 2018. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <https://www.iss.europa.eu/content/operational-guidance-eu%E2%80%99s-international-cooperation-cyber-capacity-building> (data obrashcheniya 20.02.2023 g.).
24. Council decision of 26 July 2010 establishing the organisation and functioning of the European External Action Service 2010/427/EU/ // Official Journal of the European Union. 3.8.2010. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2010:201:0030:0040:EN:PDF> (data obrashcheniya 20.02.2023 g.).
25. Duic D. The EEAS as a Navigator of EU Defence Aspects in Cyberspace/ Duic D. // European Foreign Affairs Review. –2021.–№
26. – S. 101 – 114. 26. Council Joint Action 2004/551/CFSP of 12 July 2004 on the establishment of the European Defence Agency // Official Journal. 17.7.2004. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32004E0551> (data obrashcheniya 20.02.2023 g.).
27. EU Policy on Cyber Defence // Brussels. 10.11.2022 [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/Comm_cyber%20defence.pdf (data obrashcheniya 20.02.2023 g.).
28. Council Decision (CFSP) 2017/2315 of 11 December 2017 establishing permanent structured cooperation (PESCO) and determining the list of participating Member States // Official Journal of the European Union. 14.12.2017 [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A32017D2315> (data obrashcheniya 20.02.2023 g.).
29. Renda K.K. The development of EU cybersecurity policy: from a coordinating actor to a cyber power? // Ankara Avrupa Çalışmaları Dergisi. N2.2021. S. 467-495
30. European Union Military Vision and Strategy on Cyberspace as a Domain of Operations // (EEAS(2021) 706 REV 4, 15 September 2021. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32004E0551> (data obrashcheniya 20.02.2023g.).
31. Regulation (EU) 2021/887 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2021 establishing the European Cybersecurity Industrial, Technology and Research Competence Centre and the Network of National Coordination Centres // Official Journal of the European Union. 8.6.2021. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32021R0887> (data obrashcheniya 20.02.2023 g.).
32. Kapustin A.Ya. Obshchaya kharakteristika osnovnykh printsipov institutsional'noi sistemy Evropeiskogo Soyuza // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. pravovedenie. №1.2000. S.232.
33. Agreement on strategic co-operation between the European Union Agency for Network and information security and the European Police office (26.06.2014) [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: https://www.europol.europa.eu/cms/sites/default/files/documents/Agreement_on_Strategic_Co-operation_between_the_European_Union_Agency_for_Network_and_Information_Security_and_the_European_Police_Office.pdf (data obrashcheniya 20.02.2023)
34. Memorandum of Understanding on structured cooperation between ENISA and CERT-EU (15.02.2021). [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa:

<https://www.enisa.europa.eu/about-enisa/structure-organization/management-board/management-board-decisions/mb-decision-2021-4-on-structured-cooperation-with-cert-eu-with-annex-mou> (data obrashcheniya 20.02.2023g.).

35. Memorandum of Understanding The European Union Agency for Network and Information Security (ENISA) of the first The European Defence Agency (EDA) of the second part, Europol's European Cybercrime Centre (EC3) of the third part, The Computer Emergency Response Team for the EU Institutions, Agencies and Bodies (CERT-EU) of the fourth part (23.05.2018) [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <https://eda.europa.eu/docs/default-source/documents/mou---eda-enisa-cert-eu-ec3---23-05-18.pdf> (data obrashcheniya 20.02.2023 g.)
36. Commission Recommendation (EU) 2021/1086 of 23 June 2021 on building a Joint Cyber Unit // Official Journal of the European Union. 5.7.2021. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32021H1086> (data obrashcheniya 20.02.2023 g.)
37. Ursula von der Leyen A Union that strives for more My agenda for Europe : political guidelines for the next European Commission 2019-2024. [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/43a17056-ebf1-11e9-9c4e-01aa75ed71a1> (data obrashcheniya 20.02.2023 g.)

Legal Framework for the Regulation of Sanctions Measures in the European Union

Topornin Nikolai Borisovich

PhD in Law

Associate Professor, Department of

1194554, Russia, Moscow, Moscow, Lobachevsky str., 76, office 302

✉ n.topornin@yandex.ru

Abstract. The subject of this article is the legal basis of the mechanism for the adoption of sanctions (restrictive measures) within the European Union. The author traced the evolution of the application of sanctions since the creation of the European Economic Community (1957) to the present day, analyzed the relevant sections of the most important constituent acts of the EU and considered the features of the EU sanctions mechanism at the present stage. In recent decades, the practice of applying political and economic sanctions has significantly expanded in the system of international relations. At the same time, if earlier the initiator of international restrictive measures was usually the UN Security Council, now the world is dominated by unilateral national sanctions adopted on the basis of domestic political and legal norms. Somewhat apart in this process are the countries of the European Union, which are guided by collective sanctions measures approved within the EU. The purpose of this article is to study the specifics of the EU sanctions policy, to determine the legal nature of collective sanctions, as well as their compliance with the current principles and standards of modern international law. In the course of the evolution of the European Union as a subject of international legal relations, a special place was given to the formation of the common Foreign and Security Policy of the EU. The author comes to the conclusion that the gradual transformation of an economic association into a political union has led to the need for a unified coordinated policy in the international arena. According to the author, at the present time, the sanctions measures of the European Union have become an integral part of the PRSP, strengthening its role and importance as an important chain in the system of international relations. At the same time, the EU, not having its own armed forces,

increasingly considers collective sanctions as an instrument of its political and economic influence in the world. The novelty of this study lies in the consideration of the EU sanctions mechanism from the point of view of the formation of a single common foreign policy of this supranational union.

Keywords: european values, High Representative, CFSP, Lisbon Treaty, international law, EU, Common foreign policy, European Union, restrictive measures, sanctions

References (transliterated)

1. Treaty establishing the European Economic Community, Rome, 1957, <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A11957E%2FTXT>
2. Single European Act, OJ L 169, 29.6.1987, p. 1-28
3. Treaty on European Union, Title V, OJ C 191, 29.7.1992, p. 1-112
4. Treaty of Amsterdam amending the Treaty on European Union, the Treaties establishing the European Communities and certain related acts, OJ C 340, 10.11.1997, p. 1-144
5. Draft Treaty establishing a Constitution for Europe, OJ C 169, 18.7.2003, p. 1-150
6. Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon, 13 December 2007, OJ C 306, 17.12.2007, p. 1-271
7. Guidelines on implementation and evaluation of restrictive measures (sanctions) in the framework of the EU Common Foreign and Security Policy, <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-5664-2018-INIT/en/pdf>
8. Miadzvetskaya, Y., & Challet, C. (2022). Are EU restrictive measures really targeted, temporary and preventive? The case of Belarus. *Europe and the World: A law review*. 2022. № 6 (1). doi: <https://doi.org/10.14324/111.444.ewlj.2022.03>.
9. Wessel, R., & Anttila, E., & Obenheimer, H., & Ursu, A. (2021). The Future of EU Foreign, Security and Defence Policy: Assessing Legal Options for Improvement. *European Law Journal*. 2021. № 26 (5-6).
10. Urbanski, K. (2020). *The European Union and International Sanctions-A Model of Emerging Actorness*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
11. Nanopoulos, E. (2020). *The Juridification of Individual Sanctions and the Politics of EU Law*. Bloomsbury Publishing.
12. Happold, M. (2016). Targeted Sanctions and Human Rights. In Matthew Happold and Paul Eden (eds), *Economic Sanctions and International Law*. Oxford: Hart Publishing.
13. Abdullin A., Keshner M. *Primenenie ogranichitel'nykh mer v kontekste obshchei vneshnei politiki ES: kontseptual'nye podkhody // Sovremennaya Evropa*. 2021. № 7. S. 72-83.
14. Voinikov V.V. *Antirossiiskie sanktsii (ogranichitel'nye mery) ES: sootnoshenie s mezhdunarodnym pravom // Sovremennaya Evropa*. 2022. №6. S. 5-17.
15. Zhabankov V.A., Trubacheva K.I., Slepak V.Yu. *Pravovoi rezhim ogranichitel'nykh mer v evropeiskom prave // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*. 2015. № 10 (59). S. 240-255.
16. Meshcheryakova O.M. *Sanktsii ES i ikh vliyanie na razvitie mezhdunarodnogo prava. // Yuridicheskaya nauka*. 2017. № 5. S. 31-35.
17. Panov F.Yu. *Mezhdunarodno-pravovye osnovy vvedeniya odnostoronnikh ogranichitel'nykh mer ES // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo*

pravovedeniya. 2022. T.

18. № 1. S. 137-146. 18. Sargsyan A.M. Evolyutsiya normativno-pravovoi bazy primeneniya ekonomicheskikh sanktsii na prostranstve Evropeiskogo Soyuza // Vestnik MGU. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika. 2011. № 3. S. 237-249.
19. Silaeva V.A. Evolyutsiya evropeiskikh sanktsii: ot edinichnykh mer do konsolidirovannoi politiki // Mezhdunarodnaya analitika. 2018. № 2(24). S. 19-27.
20. Slepak V.Yu., Trubacheva I.K. Sredstva pravovoi zashchity pri obzhalovanii ogranichitel'nykh mer Evropeiskogo soyuza // Evropeiskoe pravo. 2017. №9 (130). S. 127-133.
21. Ishchenko I.G. K voprosu o podrazumevaemykh polnomochiyakh Evropeiskogo Soyuza // Zakon i pravo. 2019. №11. S.25-31.
22. Meshcheryakova O.M. Sanktsii ES protiv Rossii: osobennosti pravovogo mekhanizma // Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy. 2018. № 3(16). S.17-21.
23. Meshcheryakova O.M. SanktsiiES i razvitie mezhdunarodnogo prava // Yuridicheskaya nauka. 2017. №5 S. 25-32.
24. Shaidullina V.K. Problemy soblyudeniya printsipov mezhdunarodnogo prava pri vvedenii finansovo-ekonomicheskikh sanktsii protiv gosudarstva v odностороннем poryadke // Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal. 2018. T 7. № 1(22). S. 397-401.

Digital Evidence in the Process of the International Court of Justice

Shinkaretskaya Galina Georgievna

Doctor of Law

Chief Scientific Associate, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

119019, Russia, g. Moscow, ul. Znamenka, 10

 gshinkaretskaya@yandex.ru

Abstract. The experience of the International Court of Justice of the United Nations, the oldest existing international court, is extremely important for the development of international judicial procedure. One of the important elements is the practice of collecting and using evidence, which serve as the basis for a Court decision. The problem of recent years has been the problem of using digital (electronic) evidence, which can be any material that exists or is transmitted in the form of numbers. Its source can be a computer disk, stationary or mobile, USB drive, smartphone, the Internet. The digital proof may also have a graphical form in the form of a computer file or an email. The source of evidence may also be data obtained from satellites as a result of remote sensing of the Earth. There are no rules of customary international law concerning electronic evidence. It is logical to assume that the relevant regulation is adopted by each international court separately for itself in the form of its internal law or accepted practice. There are no rules in the Statute and Rules of the International Court of Justice that directly regulate the handling of digital evidence. The main task that the Court faces is to select such data that would allow it to make an effective and fair decision in accordance with international law. Since digital information can be on the Internet, and therefore be accessible to everyone, such information can be classified as publicly available, and therefore freely available. There are concerns that its use could make the trial uncertain. In our opinion, for digital data, the same conditions of treatment must be observed as with evidence in another form: deadlines, registration of copies, etc. The final word on the suitability of the submitted digital evidence is taken by the Court, taking into account the

clarity of the image and information, the reliability of sources, etc.

Keywords: reliability of evidence, smartphone, computer disks, experts, witnesses, digital information, international trial, evidence, Internet, international legal regulation

References (transliterated)

1. Aerial Herbicide Spraying (Ecuador v Colombia), Counter-memorial of Colombia, v. I, 29 March 2010; Rejoinder of the Republic of Colombia, vol. II, 1 February 2012, Annex 6, Expert Report by Dr. Barry M. Evans, 129 ff.
2. Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v Serbia and Montenegro) (Merits). 2007. ICJ Rep, para 229.
3. Case concerning Kasikili/Sedudu Island (Botswana/Namibia), Pleadings, CR1999/3, para 69.
4. Case concerning Maritime Delimitation and Territorial Questions between Qatar and Bahrain (Qatar v Bahrain), Pleadings, CR 2000/9, para 51.
5. Case concerning the Land and Maritime Boundary between Cameroon and Nigeria (Cameroon v Nigeria: Equatorial Guinea Intervening) (Preliminary Objections), Pleadings, CR 1998/1, para 30.
6. Certain Activities carried out by Nicaragua in the Border Area (Costa Rica v Nicaragua), Judgment of 16 December 2015, para 41.
7. Certain Activities (Nicaragua v Costa Rica) (n 22), paras 80-81.
8. Legal consequences of the construction of a wall in the occupied Palestinian territory (Advisory Opinion. 2005. ICJ Rep para 80.
9. Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v United States of America) (Merits), [1986], ICJ Rep, para 60.
10. Oil Platforms (Islamic Republic of Iran v United States of America) (Merits), Counter-Memorial and Counter-Claim of the United States of America, 23 June 1997, paras 48-49.
11. Prosecutor v. Salim Jamil Ayyash et al, Special Tribunal for Lebanon, STL-11-01, Trial Chamber, Decision on the admissibility of documents published on the Wikileaks website, 21 May 2015, paras 33-34.
12. Prosecutor v Tolimir, IT-05-88/2, Trial Judgment (12 December 2012) para 68.
13. Pulp Mills on the River Uruguay (Argentina v Uruguay), [2010], ICJ Rep, para 167.
14. Pulp Mills on the River Uruguay (Argentina v Uruguay), [2010], ICJ Rep, para 248.
15. Territorial and Maritime Dispute between Nicaragua and Honduras in the Caribbean Sea (Nicaragua v Honduras), Pleadings, CR 2007/8, para 56.
16. United Nations Office on Drugs and Crime, Comprehensive Study on Cybercrime (February 2020) [Elektronnyi resurs]. Ofitsial'nyi sait OON. – Rezhim dstupa: https://www.unodc.org/documents/organized-crime/UNODC_CCPCJ_EG.4_2013/CYBERCRIME_STU (data obrashcheniya: 12.02.2023).
17. Kalamkaryan R.A. Mezhdunarodnyi sud v miroporyadke na osnove gospodstva prava. – M.: Nauka, 2012. – S. 22-23.
18. Kamalova G.G. Pravovoi rezhim informatsii ogranichennogo dostupa: monografiya. – Izhevsk: Izdat. tsentr «Udmurdsii universitet», 2017. – 372 s.
19. Luk'yanova I.N. Dokazatel'stva v grazhdanskikh delakh v epokhu elektronnoogo pravosudiya // Vestnik VGU. Seriya: pravo. 2018. № 4 (35). – S. 130-136.

20. Mikhailenko N.V. Perspektivy i problemy otpravleniya tsifrovogo pravosudiya v Rossiiskoi Federatsii // Zakon i pravo. 2020. № 4. – S. 120-127.
21. Khaziev Sh.N. Mezhdunarodnoe pravo i sudebnaya ekspertiza. – M.: Sputnik +, 2014. – 306 s.
22. Black's Law Dictionary, 10th ed (2020). – P. 277-278.
23. Green J.A. Fluctuating Evidentiary Standards for Self-Defense in the International Court of Justice // International and Comparative Law Quarterly. 2009. V. 58. – P. 165.
24. Macauley E.D. The Use of EO Technologies in Court by the Office of the Prosecutor of the International Criminal Court // R. Purdy and D. Leung (eds). Evidence from Earth Observation Satellites. Emerging Legal Issues. Nijhoff, 2013. – P. 217-240.
25. Riddell A. Report on the Oral Proceedings in the Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro): Selected Procedural Aspects // Leiden Journal of International Law. 2007. V. 20 (02). – P. 426.
26. Sandifer D.V. Evidence Before International Tribunals. Virginia, 2005. – P. 184.
27. Wolfrum R. International Courts and Tribunals, Evidence // Max Planck Encyclopedia of Public International Law OUP. 2012. V. V. – P. 552.

The Significance of CITES for Biodiversity Conservation: Semi-century Experience

Rednikova Tatiana Vladimirovna

PhD in Law

Senior Scientific Associate, Department of Environmental, Land and Agrarian Law, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

119019, Russia, Moscow, Znamenka str., 10

✉ trednikova@gmail.com

Abstract. Today, global smuggling of endangered animals and plants is second only to drug trafficking. The Convention on International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora (CITES), which came into force in 1975, was a major step in protecting our planet's biodiversity. It covers more than 40,900 species, including some 6,610 animal species and 34,310 plant species, as listed in its three annexes. The Convention is perhaps one of the most effective means of protecting biological diversity and its components in international law.

The Russian Federation has been a party to CITES since 1992. Since then, the country has conducted a significant number of programs to control the number and turnover of rare and valuable species, and the area of protected areas is constantly expanding. In the 50 years since the Convention was signed, CITES has created a sustainable global structure that effectively ensures, that threats from legal trade to the survival of wild animal and plant species are minimized. It has also created a framework for combating illegal trade in wild species between states parties to the convention. Nevertheless, many issues still need to be resolved. National legal systems around the world must provide effective sanctions for illegal encroachments on wildlife components, as well as include measures to counteract new forms of illegal trade, in particular through the legal internet, as well as the illegal Darknet, where advertisements for goods and services that are not legally traded have moved in recent years.

Keywords: biological species, wild animals, illegal trade, legal regime, international

agreements, biodiversity, CITES, convention, legal protection, law

References (transliterated)

1. Viinstekers V. Zashchita ischezayushchikh vidov fauny i flory // *Ekologicheskaya prestupnost' v Evrope* / sost. F. Komt, L. Kremer; otv. red. O. L. Dubovik. M.: Gorodets, 2010. – 352 s.
2. Akhmadeeva L.M. Ponyatie i osobennosti transnatsional'noi organizovannoi prestupnosti v sfere ekologii // *Agrarnoe i zemel'noe pravo*. 2008. № 5. S. 100–108.
3. Pilyugina T. V., Panasenkov V. P. Ekologicheskaya bezopasnost' regiona: analiz ekologicheskoi prestupnosti, ee dinamika, struktura i preduprezhdenie // *Vestnik KSEI*. 2017. № 3 (75). S. 69–73.
4. Bowman M., Davis P., Redgwell C. (2010) *Lyster's international wildlife law*. 2nd ed. 755 p.
5. Dzhavadova A.S. Rol' tamozhennykh organov v obespechenii natsional'noi bezopasnosti strany (na primere kontrolya peremeshcheniya ob"ektov dikoi fauny i flory cherez tamozhennuyu granitsu EAES) // *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie*. 2022. № 49. S. 673-675.
6. Dikanova T.A. K voprosu o kontrabande obraztsov SITES po zakonodatel'stvu Rossiiskoi Federatsii // *Vestnik Akademii pravookhranitel'nykh organov pri General'noi prokurature Respubliki Kazakhstan*. 2021. № 3. S. 47-54.
7. Afonin P.N., Maer V.V. Obespechenie soblyudeniya zapretov i ogranichenii pri transgranichnom peremeshchenii otidel'nykh ob"ektov fauny i flory // *Byulleten' innovatsionnykh tekhnologii*. 2022. T. 6. № 1 (21). S. 5-9.
8. Abaturova V.A., Badretdinov R.M., Solntsev A.M. Soblyudenie Konventsii o mezhdunarodnoi torgovle vidami dikoi fauny i flory, nakhodyashchimisya pod ugrozoi ischeznoveniia 1973 g. (SITES): problemy i perspektivy // *Elektronnoe setevoe izdanie «Mezhdunarodnyi pravovoi kur'er»*. 2021. № 4. S. 1-9.
9. Kukushkina A.V. Otrazlevye printsipy mezhdunarodnogo prava okhrany okruzhayushchei sredy // *Pravovye problemy ukrepleniya rossiiskoi gosudarstvennosti. Sbornik statei Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Redaktory: M.M. Zhuravlev, S.V. Vedyashkin, A.M. Barnashov, S.S. Kuznetsov. 2019. S. 141-144.
10. Ronzhina N.A., Golovan' D.A., Kuznetsov E.A. Tamozhennyi kontrol' transgranichnogo peremeshcheniya bioresursov, popadayushchikh pod deistvie konventsii SITES //: *Sovremennaya nauka v usloviyakh modernizatsionnykh protsessov: problemy, realii, perspektivy. Sbornik nauchnykh statei po materialam VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Ufa, 2022. S. 54-59.

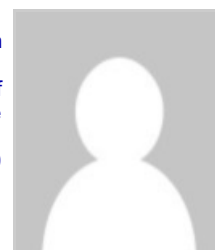
International Legal Basis of Information Security: Results and New Challenges

Duben Andrei Kirillovich

Scientific Associate, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; Assistant, Department of Civil and Administrative Proceedings, Russian State University of Justice

119019, Russia, Moscow region, Moscow, Znamenka str., 10

✉ k.duben@mail.ru

Abstract. The relevance of the research is caused by the transformation of law in conditions

of great challenges and threats, and without understanding the global nature of the problems of this phenomenon, it is impossible to carry out active interstate cooperation. The purpose of research is to study the interstate cooperation in field of information security, as well as the development of measures to improve its effectiveness (primarily international legislation, as well as other interstate measures to prevent new challenges and threats). The object of the study is modern social relations developing in the field of interstate cooperation in ensuring information security. The subject is international legal acts regulating relations in the field of cybersecurity, materials and publications in the field of information security, Internet resources on the problems of this topic. In the course of the research, the author concludes that today the dynamics of competitive relations in Russia are determined by a number of factors that should be developed at the sites of the SCO, BRICS, CSTO, CIS and other interstate regional associations for the growth of the interconnection of market participants, the integration of production, leveling sanctions costs. These conditions pose the task of finding legal means aimed at enhancing the development of the economic sphere and ensuring security in the information sphere. This poses the task of forming an effective mechanism of technical regulation. At a time when the Russian Federation has significant prerequisites for the breakthrough development of digital technologies as a driver of its economic growth, adequate legal solutions are needed to eliminate existing obstacles on this path.

Keywords: legal regulation, threats and risks, information law, international organizations, international law, international security, cooperation, information security, transformation of law, information society

References (transliterated)

1. Beketov N.V. Informatsionnaya bezopasnost' razvitiya gosudarstva // Informatsionnye resursy Rossii. 2004. № 6. S. 32 – 35.
2. Ukaz Prezidenta RF ot 05.12.2016 № 646 «Ob utverzhdenii Doktriny informatsionnoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii» // SZ RF, 12.12.2016, № 50, st. 7074.
3. Andreichenko: ob'ektivnaya informatsiya o sobyitiyakh v mire Zapadom zhestko fil'truetsya i blokiruetsya // Ofitsial'nyi sait Belorusskogo telegrafnogo agentstva «Belta» URL: <https://www.belta.by/politics/view/andrejchenko-objektivnaja-informatsija-o-sobytijah-v-mire-zapadom-zhestko-filtruetsja-i-blokiruetsja-506249-2022> (data obrashcheniya: 10.03.2023).
4. Ob itogakh mezhmidovskikh konsul'tatsii gosudarstv – uchastnikov SNG po tematike mezhdunarodnoi informatsionnoi bezopasnosti // Ofitsial'nyi sait Ministerstva inostrannykh del RF. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnye-struktury-prostranstva-sng/sng/1819433/ (data obrashcheniya: 14.03.2023).
5. Tikhonov V.N., Markova A.Yu. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie informatsionnoi bezopasnosti // Alleya nauki. 2017. № 15 (2). S. 547-550.
6. Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka (prinyata General'noi Assambleei OON 10.12.1948) // Rossiiskaya gazeta, 10.12.1998.
7. O zayavlenii Soveta glav gosudarstv – chlenov Shankhaiskoi organizatsii sotrudnichestva o sotrudnichestve v oblasti obespecheniya mezhdunarodnoi informatsionnoi bezopasnosti // Ofitsial'nyi sait Ministerstva inostrannykh del Rossiiskoi Federatsii. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1446414/ (data obrashcheniya: 15.03.2023).
8. Markov A.A. Nekotorye aspekty informatsionnoi bezopasnosti v kontekste natsional'noi bezopasnosti // Vestnik SPbGU. 2011. Ser. 12. Vyp. 1. S. 43-48.

9. Bachilo I.L., Bondurovskii V.V., Vus M.A., Kucheryavyi M.M., Makarov O.S. O sovershenstvovanii i garmonizatsii natsional'nogo zakonodatel'stva gosudarstv-uchastnikov SNG v sfere obespecheniya informatsionnoi bezopasnosti // Informatsionnoe pravo. 2013. № 1. S. 24 – 27.

Qualification by the European Court of Human Rights of Degrading Treatments in Penitentiary Institutions

Sergeeva Anzhelika Anatol'evna

PhD in Law

Associate Professor, Department of Criminal Law and Procedure, St. Petersburg Institute (Branch) All-Russian State University of Justice

199178, Russia, Cankt-Peterburg, g. Saint Petersburg, ul. 10-Ya liniya v.o., 19

✉ lokhi@yandex.ru

Sokolova Elena Valer'evna

PhD in Law

Associate Professor, Department of Criminal Law and Procedure, St. Petersburg Institute (Branch) All-Russian State University of Justice

199034, Russia, Saint Petersburg, Saint Petersburg, ul. 10th line V.O., 19

✉ lokhi@rambler.ru

Pitulko Kseniya Viktorovna

PhD in Law

Associate Professor, Department of Criminal Law and Procedure, St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice

197341, Russia, Saint Petersburg, Saint Petersburg, ul. 10th line V.O., 19

✉ lokhi@rambler.ru

Abstract. The authors examines the legal positions formulated by the European Court of Human Rights in relation to the compliance of Russian legislation and the practice of its application with the criteria of inadmissibility of cruel and humiliating treatment of convicts. Despite the termination of Russia's cooperation with European inter-state human rights bodies, the long experience of interaction with them has made it possible to identify certain shortcomings in the national penitentiary system and outline ways to eliminate them. A number of decisions of the European Court of Human Rights have been creatively interpreted in Russian legislation, and this has contributed to improving the legal status of persons sentenced to imprisonment. Based on a critical analysis of the key negative characteristics of the penal enforcement system, the authors identified the main directions of the impact of the decisions of the interstate human rights body on the formation of a new penal enforcement policy that contributes to improving the protection of the rights, freedoms and legitimate interests of citizens serving a sentence of imprisonment. To date, the relevance of this has remained, although the legal positions of the European Court of Human Rights are not and have never been sources of Russian law. The improvement of penitentiary legislation is a significant direction of the criminal policy of the state, therefore, the author's conclusions are of interest for rule-making activities.

Keywords: crime, legal status, penitentiary reform, convict, humiliation of dignity, tortures, cruel treatment, penal system, human rights, penalty

References (transliterated)

1. V kakikh stranakh samye plokhie usloviya sodержaniya v tyur'me // Rambler [elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: URL: <https://news.rambler.ru/world/37120286-v-kakih-stranah-samye-plokhie-usloviya-soderzhaniya-v-tyurme/> (Data obrashcheniya: 07.03.2023)
2. Rossiya tratit na odnogo zaklyuchennogo v 50 raz men'she Evropy // RBK [elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: URL: <https://www.rbc.ru/society/11/02/2015/54db24779a794752506f1ebf> (Data obrashcheniya: 07.03.2023)
3. Evropeiskii Sud po pravam cheloveka (Tret'ya sektsiya). Delo «Ka-lashnikov (Kalashnikov) protiv Rossiiskoi Federatsii (zhaloba №47095/99): postanovlenie Suda, Strasburg, 18 sentyabrya 2001 g [elektronnyi resurs]. –URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=18745#009241079795533347> (data obrashcheniya: 07.03.2023)
4. Evropeiskii Sud po pravam cheloveka (Pervaya sektsiya). Delo «Be-lov (Belov) protiv Rossiiskoi Federatsii (zhaloba №27623/06): postanovlenie Suda, Strasburg, 16 oktyabrya 2014 g [elektronnyi resurs]. –URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=414264#024740736974637523> (data obrashcheniya: 07.03.2023)
5. Glava FSIN nazval odioznymi lichnostyami tekhn, kto zhaluetsya v ESPCh na rossiiskie tyur'my // Interfaks [elektronnyi resurs]. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/661232> (data obrashcheniya: 07.03.2023)
6. Zaklyuchennyye smogut trebovat' kompensatsii za narushenie uslo-vii sodержaniya // Ros. Gaz. – 2019. – 29 apr.
7. Kratkaya kharakteristika ugovorno-ispolnitel'noi sistemy // FSIN Rossii [elektronnyi resurs]. – URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20harka%20UIS/> (Data obrashcheniya: 07.03.2023)
8. Rossiya zanimaet pervoe mesto v Evrope po kolichestvu zaklyuchen-nykh // Kommersant"". – 2019. – 2 apr.
9. Evropeiskii Sud po pravam cheloveka (Pervaya sektsiya). Delo «M.S. (M.S.) protiv Rossiiskoi Federatsii (zhaloba №8589/08): postanovlenie Suda, Strasburg, 10 iyulya 2014 g. [elektron. resurs]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=406897#08999065340678418> (data obrashcheniya: 07.03.2023)
10. Evropeiskii Sud po pravam cheloveka. Delo «Yakovlev i drugie (Yakovlev and Others) protiv Rossiiskoi Federatsii» (zhaloby №№ 64119/13, 53696/16, 79163/16, 13362/17, 16305/17, 18289/17 i 18877/17) :postanovlenie Suda, Strasburg, 22 fevralya 2018 g. [elektron. resurs]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=545572#006943085206148325> (data obrashcheniya: 07.03.2023)
11. Kontseptsiya Federal'noi tselevoi programmy «Razvitie ugovorno-ispolnitel'noi sistemy (2017-2025 gody)» : utv. rasp. Pravitel'stva RF ot 23.12.2016 № 2808-r [elektronnyi resurs] – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71479292/> (Data obrashcheniya: 07.03.2023)
12. Evropeiskii Sud po pravam cheloveka. Delo «Karachentsev (Karachentsev) protiv

Rossiiskoi Federatsii» (zhaloba № 23229/11): posta-novlenie Suda, Strasburg, 17 aprelya 2018g. [elektron. resurs]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=63063#008110741206281147> (data obrashcheniya: 07.03.2023)

13. ESPCh otkazal v udovletvorenii zhalob protiv Rossiiskoi Fede-ratsii [elektronnyi resurs]. – URL: <https://minjust.ru/ru/novosti/espch-otkazal-v-udovletvorenii-ryada-zhalob-protiv-rossiyskoy-federacii> (data obrashcheniya: 07.03.2023)